
Agama
Krusmu

В 4.50 из Паддингтона
Агата Кристи

Агата Кристи. В 4.50 из Паддингтона
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Агата Кристи
В 4.50 из Паддингтона

Глава 1

Миссис Мак-Гилликади проталкивалась среди толпы, задыхаясь и едва поспевая за носильщиком. Она была женщиной небольшого роста и полной, а носильщик, высоченный детина, отмеривал путь семимильными шагами. К тому же миссис Мак-Гилликади была увешана бесчисленным количеством свертков — результатом длительного хождения по магазинам перед рождественскими праздниками. Поэтому она и не могла угнаться за носильщиком, и когда он уже завернул в конце вокзала за угол, миссис Мак-Гилликади все еще протискивалась сквозь толпу.

От платформы № 1 только что отошел поезд. Но чуть в стороне колыхалось огромное море людей, люди спешили во всех направлениях сразу: толпились у входа в метро, у камеры хранения, у кафе, у справочных бюро, толкались возле стендов с расписанием поездов, загромождали вход и выход на вокзал.

Миссис Мак-Гилликади толкали со всех сторон, и она, еле-еле пробившись, наконец добралась

до входа на платформу № 3. Здесь она поставила около ног свои вещи и стала искать в сумочке билет, чтобы пройти мимо сурового железнодорожника.

В этот момент прямо над ее головой раздался голос из репродуктора, хриплый, но довольно отчетливый: «В 4 часа 50 минут от платформы № 3 отправляется поезд до станции Чедмаут. Остановки: Милчеетер, Уэйвертон, Карвиль, Джанкшин, Роксетер, далее везде. Пассажиров, сходящих в Брэкхемптоне и Милчестере, просим садиться в задние вагоны. Пассажиры, следующие до Венекуэй, должны делать пересадку в Роксетере».

Голос смолк, репродуктор отключился, но через несколько секунд зазвучал снова: «В 4 часа 35 минут к платформе № 9 прибывает поезд из Бирмингема и Уолверхемптона».

Миссис Мак-Гилликади нашла, наконец, свой билет и предъявила его контролеру. Тот надорвал его и произнес:

— Направо. Последние вагоны.

Миссис Мак-Гилликади двинулась вдоль платформы, отыскала своего носильщика, который со скучающим видом вглядывался в пространство у двери вагона третьего класса.

— Вам сюда, мадам.

— Нет. Я еду в первом классе, — сказала миссис Мак-Гилликади.

— Вы мне этого не сказали, — пробурчал носильщик, пренебрежительно окинув взглядом ее пальто из крапчатого твида, очень смахивавшее на мужское.

Миссис Мак-Гилликади, заранее сказавшая носильщику, что едет в первом классе, не стала больше объясняться по этому поводу; она очень устала и едва могла перевести дыхание от быстрой ходьбы.

Носильщик взялся за чемодан и перенес его к соседнему вагону. Миссис Мак-Гилликади разместилась, наконец, с комфортом. Этим поездом ездили немногие. Пассажиры первого класса предпочитали ездить или же более быстрым утренним экспрессом, или поездом с вагоном-рестораном, отправлявшимся в 6.40. Миссис Мак-Гилликади заплатила носильщику, который с явным разочарованием дал понять, что так платят лишь пассажиры третьего класса. Но миссис Мак-Гилликади хотя и потратилась, чтобы ехать с удобствами, не хотела швырять деньги на чаевые.

Она уселась поудобнее, со вздохом облегчения откинулась на бархатные подушки и раскрыла

журнал. Минут через пять поезд тронулся.

Журнал выскользнул из рук миссис Мак-Гилликади, голова склонилась набок, она уже спала. Через тридцать пять минут она проснулась отдохнувшей, поправила съехавшую набок шляпку, выпрямилась и взглянула в окно, за которым мелькал деревенский пейзаж. Быстро надвигалась темнота, стоял тоскливый декабрь — до Рождества оставалось всего лишь пять дней. Лондон тонул во мраке, хотя временами, когда поезд стремглав проносился мимо освещенных платформ, становилось светло и весело от висевших, словно гроздья винограда, фонарей.

— Заканчиваем разносить чай, — сказал проводник, появившись на мгновение в двери. Миссис Мак-Гилликади напилась чаю в большом универмаге перед отъездом и чувствовала себя сытой. Проводник прошел дальше по вагону, монотонно повторяя одну и ту же фразу. Миссис Мак-Гилликади взглянула на полку, где покоились ее многочисленные покупки. Полотенца отличного качества и как раз такие, какие хотела иметь Маргарет, духовое ружье для Робби и зайчик для Джейн были тоже хороши, а эта теплая вечерняя накидка просто великолепна, она сама о ней давно мечтала. Пуловер для Гектора…

Взор ее вновь обратился к окну. Со страшным шумом мимо промчался встречный поезд, стекла в вагоне задрожали так, что она вздрогнула. А ее поезд, громыхая, шел теперь мимо километровых столбов через какую-то станцию. Потом он стал замедлять ход, повинуясь невидимому сигналу. Несколько минут поезд шел очень медленно, потом совсем встал, через некоторое время снова стал набирать скорость. В это время еще один поезд, двигавшийся в том же направлении, вывернулся откуда-то сбоку и направился к ним. На миг даже показалось, что они столкнутся. Какое-то время два поезда шли параллельно друг другу. Миссис Мак-Гилликади смотрела в окна вагона шедшего рядом поезда. На многих окнах занавески были опущены, но иногда мелькали незашторенные окна, и она видела в вагонах пассажиров, их было немного: некоторые купе пустовали.

В тот момент, когда казалось, что два поезда совершенно не двигаются, штора окна напротив резко поднялась вверх, и миссис Мак-Гилликади увидела освещенное купе первого класса, находившееся на расстоянии протянутой руки от нее.

Вдруг у нее перехватило дыхание, как от спазмы, она невольно привстала. У окна, спиной

к ней, стоял мужчина, руки которого впились в горло женщины. Она диким безжизненным взглядом смотрела на него, а его пальцы медленно, безжалостно сжимались. В следующее мгновение глаза ее стали вылезать из орбит, лицо побагровело, налившись кровью. И пока миссис Мак-Гилликади наблюдала, словно загипнотизированная, наступил конец. Тело женщины обмякло и поникло. В этот момент тот, другой поезд, пошел быстрее, и через минуту-другую скрылся из глаз.

Почти автоматически рука миссис Мак-Гилликади потянулась к звонку, затем замерла в нерешительности. В конце-то концов, какой прок от того, что она позвонит? Ужас от всего, что она увидела на таком близком расстоянии, необычность ситуации парализовали ее. Нужно что-то срочно предпринять, но что?

Дверь ее купе открылась, и контролер сказал:

— Пожалуйста, ваш билет!

Миссис Мак-Гилликади бросилась к нему с криком:

— Женщину задушили! В поезде, который только что прошел мимо! Я видела это сама.

Контролер с удивлением посмотрел на нее:

— Простите, что вы сказали, мадам?

— Мужчина задушил женщину! В поезде. Я видела это своими глазами, вот отсюда.

Она показала на окно. На лице контролера было написано недоумение.

— Задушил? — спросил он недоверчиво.

— Да, задушил! Говорю вам, я сама все видела. Вы должны немедленно принять меры.

Контролер вежливо кашлянул:

— Не кажется ли вам, мадам, что вы немного вздремнули… и… — он тактично замолчал.

— Да, я немного вздремнула, но если вы думаете, что я это увидела во сне, то глубоко ошибаетесь. Говорю вам еще раз, я все видела наяву своими собственными глазами.

Взгляд контролера скользнул по журналу, лежащему на сиденье. На раскрытой странице он увидел девушку, которую кто-то душил, а мужчина с револьвером стоял в открытой двери, угрожая оружием им обоим.

— А не думает мадам, — сказал контролер, — что, читая взволновавший вас рассказ, вы немножко забылись, а потом очнулись и вам показалось, что все это происходило наяву?

— Нет, — перебила его миссис Мак-Гиллика-ди. — Я действительно видела это. Я в такой же степени в своем уме, как и вы. Я смотрела из

своего окна в окно шедшего рядом поезда. И там мужчина душил женщину. Я хочу знать, что вы собираетесь в связи с этим делать?

— Значит, мадам…

— Вы ведь собираетесь что-либо предпринять, я надеюсь?

Контролер неохотно кивнул и посмотрел на часы.

— Ровно через семь минут мы .прибудем в Врэкхемптон. Я доложу о том, что вы мне рассказали. В каком направлении шел поезд, о котором вы говорите?

— Конечно, в этом же направлении; я не смогла бы ничего увидеть, если бы поезд промчался навстречу.

Но контролер смотрел на нее и думал, что миссис Мак-Гилликади при ее фантазии вполне могла увидеть что угодно и где угодно. Тем не менее он оставался вежливым:

— Можете вполне положиться на меня, мадам, я подам рапорт о вашем заявлении. Может быть, вы дадите мне свой адрес и фамилию, на случай, если…

Миссис Мак-Гилликади сказала ему, где она собирается находиться в ближайшие несколько дней, и еще свой постоянный адрес в Шотландии.

Он все это записал и удалился с видом человека, выполнившего свой долг.

Миссис Мак-Гилликади осталась хмурой и совсем неудовлетворенной. Действительно ли сообщит контролер о ее заявлении? Или, быть может, он просто ее успокаивал? Ведь кругом путешествует так много пожилых женщин, которые убеждены, что раскрыли заговор или подверглись опасности, которые видели летающие блюдца и секретные космические корабли. Все они заявляли об убийствах, которые никогда не происходили. И если этот контролер принял ее за одну из них…

Поезд замедлял ход, мимо мелькали яркие огни большого города.

Миссис Мак-Гилликади открыла свою сумочку, поискала бумажку и, не найдя ничего, кроме какой-то квитанции, шариковой ручкой быстро написала на обратной стороне записку, вложила ее в конверт, который по счастливой случайности оказался у нее, заклеила и надписала адрес.

Поезд медленно приближался к платформе, заполненной людьми. Обычный монотонный голос произносил нараспев: «В 5 часов 38 минут от платформы № 1 отправляется поезд до станции Чедмаут. Он проследует через Милчестер,

Уэйвертон, Роксетер. Пассажиров, следующих до Маркет-Бэйзинг, просят пройти к поезду на третью платформу. На первом пути останавливается поезд, следующий до Гарбэри».

Миссис Мак-Гилликади с волнением смотрела на платформу. Как много пассажиров и как мало носильщиков! Ага, вот один из них. Она властно позвала:

— Носильщик! Возьмите это письмо и сразу же передайте его начальнику вокзала!

Она вручила носильщику конверт и еще дополнительно шиллинг. Потом, вздохнув, с облегчением откинулась назад. Ну ладно, она сделала все, что могла. Но тут же с сожалением подумала о шиллинге. Право же, шести пенсов было бы вполне достаточно…

Мысли ее снова вернулись к тому, чему она оказалась свидетельницей. Ужасно, просто ужасно… Она была женщиной с крепкими нервами, но сейчас содрогнулась. Какие странные, какие фантастические вещи случаются с ней, с Элспет Мак-Гилликади! Не поднимись неожиданно шторка этого купе… Но судьбе было угодно, чтобы она, Элспет Мак-Гилликади, стала свидетельницей этого преступления. Губы ее зловеще сжались.

Вокруг слышались крики, раздавались свистки, двери хлопали, закрываясь. В 5 часов 38 минут поезд медленно отошел от станции Брэкхемптон. Через 1 час и 5 минут он остановился в Милчестере.

Миссис Мак-Гилликади собрала свои свертки и сумку и вышла из вагона. Она смотрела то в одну сторону, то в другую. Ее раздражала все та же мысль, что носильщиков недостаточно. Казалось, все носильщики заняты только переносом почтовых мешков или суетились у багажных вагонов. Похоже, теперь все думают, что пассажиры сами должны тащить свои чемоданы. Да, но ведь она же не может тащить и чемодан, и зонтик, и свертки. Пришлось ждать своей очереди. Наконец, к ней подошел носильщик.

— Поедете на такси, мадам?

— Я надеюсь, меня встретят.

Около выхода из станции к ней подошел водитель такси, следивший за выходящими пассажирами. У него был мягкий местный говор:

— Вы, случайно, не миссис Мак-Гилликади? Вы едете в Сент Мэри Мид?

— Да, я миссис Мак-Гилликади.

Носильщик получил незначительное, но вполне достаточное вознаграждение.

Машина, где сидела миссис Мак-Гилликади со своим чемоданом и свертками, ринулась в темноту. Ей предстояло проехать девять миль. Сидя в машине, миссис Мак-Гилликади никак не могла прийти в себя. Чувствам ее нужен был какой-то выход. Наконец, такси въехало на знакомую деревенскую улицу, и миссис Мак-Гилликади выбралась из машины и по дорожке, выложенной камнями, прошла к дому. Дверь открыла пожилая служанка. Водитель внес вещи. Миссис Мак-Гилликади прошла через холл в гостиную с раскрытыми дверями, где ее ждала хозяйка дома, почтенная хрупкая старая дама.

— Элспет!

— Джейн!

Они расцеловались, и тут же без каких-либо предисловий миссис Мак-Гилликади приступила к сути дела.

— О, Джейн! — вскричала она. — Я только что видела убийство!

Глава 2

Верная обычаям, унаследованным от матери и бабушки, что истинную леди ничто не может ни потрясти, ни удивить, мисс Марпл лишь подняла брови и, покачав головой, сказала:

— Да, это ужасно неприятно для вас, Элспет, и, конечно, совершенно необычно. Я думаю, что будет лучше, если вы сразу же мне обо всем расскажете.

Это как раз и было заветным желанием миссис Мак-Гилликади. Позволив хозяйке подвинуть ее кресло поближе к камину, она села, сняла перчатки и приступила к повествованию.

Мисс Марпл слушала с молчаливым вниманием. Когда миссис Мак-Гилликади, наконец, замолчала, чтобы перевести дыхание, мисс Марпл решительно сказала:

— Я думаю, самое лучшее для вас, моя дорогая, пойти сейчас наверх, снять шляпку и умыться. Потом мы поужинаем, но за ужином об этом не будем говорить. А потом, после ужина, мы сможем как следует вникнуть в это дело и обсудить его со всех точек зрения.

Миссис Мак-Гилликади согласилась. Две дамы за ужином обсуждали различные стороны жизни в деревне. Мисс Марпл подробно комментировала всеобщее недоверие к новому органисту, коснулась последнего скандала с женой местного аптекаря, рассказала о конфликте между школьной учительницей и блюстителями деревенских обычаев. Затем мисс Марпл и миссис Мак-Гилликади заговорили о своих садах.

— Пионы, — сказала мисс Марпл, вставая из-за стола, — очень странные цветы. Зацветут они или нет, никогда наперед не угадаешь. Но уж если они прижились, то остаются с вами на всю жизнь. А вообще-то говоря, они действительно самые прекрасные создания на земле.

Они снова расположились у камина. Мисс Марпл вынула из буфета, стоявшего в углу, два бокала старинного хрусталя, а из другого буфета достала бутылку вина.

— Сегодня, Элспет, кофе не будет, — сказала она. — Вы и так слишком возбуждены, и неудивительно! Возможно, даже и спать не сможете. Я предписываю вам бокал моего вина из первоцвета, а, может быть, еще и чашечку настоя ромашки.

Миссис Мак-Гилликади молча согласилась, и

мисс Марпл налила в бокалы вино.

— Джейн, — сказала миссис Мак-Гилликади после того, как они отпили по глотку и оценили вино, — вы ведь не думаете, что мне все это приснилось или почудилось?

— Конечно же, нет, — сказала мисс Марпл участливо.

У миссис Мак-Гилликади вырвался вздох облегчения.

— А этот контролер, — сказала она, — подумал именно так. Он был очень вежлив, но тем не менее…

— Мне кажется, Элспет, это совершенно естественно с его стороны в данной ситуации. Все прозвучало невероятно. А вы ему совершенно незнакомы. Нет, я не сомневаюсь в том, что вы мне рассказали. Это, конечно, чрезвычайно необычно, но вовсе не исключено. Мне и самой приходилось видеть яркие и интимные картинки, которые происходили в купе, когда рядом с моим поездом шел другой поезд. Однажды я наблюдала, как маленькая девочка играла с медвежонком, а потом вдруг взяла и бросила его в толстого мужчину, спавшего в уголке купе. Тот вскочил и впился негодующим взглядом в ребенка, а всем пассажирам стало очень смешно.

Я видела это совершенно отчетливо. И потом могла описать в деталях, как они выглядели и во что были одеты.

Миссис Мак-Гилликади с благодарностью кивнула головой.

— Так было и в данном случае.

— Вы сказали, что мужчина стоял к вам спиной. Значит, вы не видели его лица?

— Нет.

— А женщину вы можете описать? Молодая или старая?

— Моложавая. Ей было лет тридцать — тридцать пять. Точнее я не сумею сказать.

— Хорошенькая?

— Этого я опять-таки не скажу. Видите ли, ее лицо было так искажено и…

Мисс Марпл быстро перебила ее:

— Да, да. Я очень хорошо вас понимаю. А как она была одета?

— На ней было какое-то меховое пальто, цвет меха светлый. Без шляпы. Она — блондинка.

— А у мужчины вы не заметили ничего отличительного, что бы вам запомнилось?

Миссис Мак-Гилликади на минуту замолчала, тщательно обдумывая ответ, а потом сказала:

— Он был довольно высокий и, мне кажется,

темноволосый. Одет был в тяжелое зимнее пальто, поэтому мне трудно судить о его фигуре.

Потом добавила разочарованно:

— Да, действительно, не так уж много.

— Но все же кое-что, — сказала мисс Марпл, — а вы можете с уверенностью сказать, хотя бы самой себе, что эта женщина умерла?

— Да, она умерла, я в этом совершенно уверена. Язык вывалился изо рта и… Да лучше об этом и не говорить.

— Конечно, не стоит говорить, — быстро подхватила мисс Марпл. — Я надеюсь, утром мы узнаем побольше.

— Утром?

— Да, об этом наверное напишут в утренних газетах. Ведь труп остался. Что убийца станет делать? Вернее всего, выйдет из поезда на первой же остановке. Кстати, не сможете ли вы вспомнить, был ли в том вагоне коридор?

— Нет.

— Это значит, поезд не дальнего следования, и, вероятнее всего, он останавливается в Брэкхемптоне. Предположим, убийца сошел в Брэкхемптоне, а труп пристроил в уголке купе и закрыл лицо меховым воротником, чтобы его подольше никто не обнаружил. Думаю, что он

поступил именно так. Конечно, все это вскоре выяснится. И полагаю, что сообщение об убитой женщине, обнаруженной в поезде, почти наверняка попадет в утренние газеты. Что же, посмотрим.

Но в утренних газетах ничего не появилось. Убедившись в этом, мисс Марпл и миссис Мак-Гилликади заканчивали завтрак молча, каждая предавшись своим мыслям.

Потом они совершили прогулку по саду. Но обычно такое приятное времяпрепровождение на сей раз было каким-то тусклым. Мисс Марпл, конечно, обращала внимание своей гостьи на некоторые новые и редкостные растения, которые она приобрела для своего сада. Но делала она это почти бессознательно, а миссис Мак-Гилликади не бросалась на нее, как раньше, в контратаку со списком своих собственных приобретений, сделанных в последнее время.

— Этот сад не выглядит так, как следовало бы, — сказала мисс Марпл, обращаясь к своей гостье с отсутствующим видом. — Доктор Хейдок категорически запретил мне делать что-нибудь, нагибаясь или на коленях. Но, право же, что можно делать в саду, не сгибаясь или не встав на колени? Конечно, у меня есть садовник Эдвард,

но он такой своевольный — то и дело пьет чай, бездельничает, а настоящей работы и не видно.

— О, я это хорошо знаю, — сказала миссис Мак-Гилликади. — Конечно, мне пока не запретили нагибаться, но тем не менее после еды — а я к тому же еще прибавила в весе, — она окинула взглядом свою располневшую фигуру, — такая работа вызывает у меня изжогу.

Наступило неловкое молчание. Наконец, миссис Мак-Гилликади, постояв немного, повернулась к своей подруге.

— Ну, так как же?

Слова эти ничего не значили, но по тону, каким они были произнесены, мисс Марпл прекрасно все поняла.

— Я думаю, — начала она, — мы могли бы пройтись до полицейского участка и поговорить с сержантом Корнишем. Он довольно умный и спокойный человек, я с ним хорошо знакома, он выслушает нас и передаст эти сведения кому следует.

И три четверти часа спустя мисс Марпл и миссис Мак-Гилликади уже беседовали с серьезным, выглядевшим довольно молодо мужчиной. Фрэнк Корниш принял мисс Марпл со всей сердечностью и даже с почтением. Он подвинул

кресла двум дамам и сказал:

— Чем мы можем быть вам полезны, мисс Марпл?

— Я хотела, чтобы вы, если можно, выслушали историю, которую расскажет вам моя подруга миссис Мак-Гилликади, — ответила мисс Марпл.

Сержант Корниш выслушал ее, минуту-две помолчал н сказал:

— Да, это совершенно необыкновенная история.

Пока миссис Мак-Гилликади рассказывала об увиденном, он, не показав вида, смерил ее взглядом, составляя о ней свое мнение. В целом у него сложилось приятное впечатление: здравомыслящая женщина, способная четко и ясно рассказать и, насколько он мог судить, без сильного воображения и не истеричная. К тому же, мисс Марпл, как ему казалось, полностью верила в правдоподобность истории, а он-то хорошо знал мисс Марпл! Все в Сент Мэри Мид знали мисс Марпл. С виду она довольно слабая и застенчивая, но обладала такой же наблюдательностью и проницательностью, как и он сам.

Фрзнк Корниш откашлялся:

— Конечно, вы могли ошибиться. Обратите внимание, я не говорю, что вы ошиблись, я говорю,

что вы могли ошибиться. Кругом так много грубых развлечений, которые иногда оказываются не такими уж серьезными и даже банальными.

— Я знаю, что я видела, — сказала мрачно миссис Мак-Гилликади.

— Да, вы от своего не отступитесь, — подумал Фрэнк Корниш. — И к тому нее, вольно или невольно, можете оказаться правы».

Вслух же он заверил:

— Вы уже сообщили в железнодорожное управление, теперь пришли и рассказали мне. Вы поступили правильно. Можете положиться на меня, я займусь расследованием.

Он замолчал. Мисс Марпл слегка кивала головой в знак согласия. Миссис Мак-Гилликади не была полностью удовлетворена, но промолчала.

Сержант Корниш обратился с вопросом к мисс Марпл потому, что всегда ценил ее мнение:

— Допустим, все факты, изложенные здесь, правильны. Как вы думаете, что произошло с трупом?

— Думается, здесь возможны лишь два варианта, — сказала мисс Марпл без колебаний. — Первый и наиболее вероятный, что труп оставлен в вагоне поезда. Правда, теперь это становится сомнительным; труп должны были обнаружить

еще прошлой ночью другие пассажиры или служащие железной дороги на конечной станции.

Фрэнк Корниш кивнул головой.

— Другой путь для убийцы — выбросить труп из поезда в пути. Я предполагаю, что труп до сих пор лежит где-нибудь возле железнодорожного полотна, пока еще никем не обнаруженный, хотя и это кажется не совсем правдоподобным. Других вариантов, на мой взгляд, быть не может.

— Я читала, что трупы иногда закладывали в сундуки, — сказала миссис Мак-Гилликади, — но теперь никто уже не ездит с сундуками, а в чемодан труп не поместишь.

— Да, — сказал Корниш, — я согласен с вами обеими. Труп, если только он есть, к настоящему времени уже бы обнаружили или скоро обнаружат. Я сообщу вам обо всех обстоятельствах, как только узнаю. Хотя, надеюсь, вы и сами прочитаете о них в газетах. Конечно, есть вероятность, что женщина, хотя и подверглась такому жестокому нападению, все же не умерла и даже смогла сойти с поезда самостоятельно, без посторонней помощи.

— Вряд ли, — сказала мисс Марпл, — но если так, то она не осталась бы незамеченной. Какой-то мужчина поддерживает женщину, которая,

как он говорит, заболела…

— Конечно, такое бы заметили, — сказал Корниш. — Или, если женщину нашли в купе без сознания и отвезли в больницу, об этом тоже бы сообщили. Я думаю, что очень скоро вы об этом услышите.

Но прошел день, за ним другой. Наконец, к исходу третьего дня мисс Марпл получила записку от сержанта Корниша: «В связи с делом, по которому вы со мной консультировались, произведено полное расследование. Однако оно оказалось безрезультатным. Никакого трупа женщины не обнаружено. Ни в одной больнице не оказывалась помощь описанной вами женщине. Не замечено ни одной женщины, которая страдала бы от удушья или болезни в пути, не обнаружено женщины, выходившей из поезда, поддерживаемой мужчиной. Поверьте, расследование произведено тщательно. Допускаю, что ваша подруга наблюдала сцену, о которой рассказала, но все это менее серьезно, чем она предполагает».

Глава 3

— Менее серьезно? Вздор! — возмутилась миссис Мак-Гилликади. — Убийство было!

Она вызывающе взглянула на мисс Марпл.

— Ну, ну, Джейн, скажите, что это ошибка. Скажите, что мне почудилось! Ведь вы так думаете, не правда ли?

— Каждый может ошибиться, — спокойно заметила мисс Марпл. — Каждый, Элспет, и даже вы… Думаю, что не стоит сбрасывать это со счетов. Но я все же думаю, что вы не ошиблись. Вы читаете в очках, но вдаль видите хорошо и то, что увидели, оставило в вас глубокий след. Вы ведь просто страдали от пережитого, когда приехали сюда.

— Я этого никогда не забуду, — сказала миссис Мак-Гилликади с чувством. — Но не знаю, что еще могу предпринять.

— Не думаю, что вы можете сделать еще что-то, — сказала мисс Марпл.

Если бы миссис Мак-Гилликади более внимательно прислушивалась к словам подруги, то заметила бы, что на слове «вы» та сделала чуть заметное ударение.

— Вы ведь уже сообщили и администрации железной дороги, и в полицию. Нет, ничего больше вы сделать не сможете.

— В какой-то степени это утешает меня, — сказала миссис Мак-Гилликади, — потом, вы знаете, сразу же после Рождества я уезжаю на Цейлон навестить Родерика. И не хочу откладывать поездки — я так долго ее ждала. Хотя, естественно, я бы ее отложила, если нужно здесь исполнить свой долг, — добавила она честно.

— Уверена, что вы так бы и поступили, Элспет, но вы уже сделали все возможное.

— Все зависит от полиции, — сказала миссис Мак-Гилликади. — Но если полиция предпочтет сглупить…

Мисс Марпл решительно закачала головой.

— О, нет, полиция вовсе не глупа. Но от этого все становится более интересным, правда?

Миссис Мак-Гилликади взглянула на нее, не понимая, а мисс Марпл снова утвердилась во мнении, что ее подруга — женщина превосходных принципов, но без всякого воображения.

— Хотелось бы знать, — сказала мисс Марпл, — что же, в конце концов, произошло?

— Она была убита.

— Да, но кто ее убил и почему? И что случилось

с трупом? Где он теперь?

— Дело полиции — отыскать.

— Правильно. Но она ничего не нашла. А это значит, что убийца очень умный, не так ли? Знаете, я просто не могу себе представить, — мисс Марпл нахмурила брови, — как все-таки он избавился от трупа? Он убивает женщину в припадке гнева; я не думаю, что он все заранее обдумал — никто не станет выбирать для убийства время, когда поезд через несколько минут прибудет на большую станцию. Нет, это ссора, ревность или что-нибудь в этом роде. Он душит женщину, на руках у него труп, а поезд вот-вот остановится. Что здесь можно сделать, кроме как втиснуть труп в уголок купе, как будто это спящий человек, прикрыть лицо, а самому как можно скорее выбираться. Я просто не вижу никакой другой возможности для него. И все же, наверное, была еще одна…

Мисс Марпл задумалась. Дважды пришлось миссис Мак-Гилликади обращаться к ней, пока мисс Марпл ответила.

— Вы становитесь тугой на ухо, Джейн.

— Наверное, немножко. Мне кажется, люди произносят слова не так четко, как раньше. Но на ваши слова, боюсь, просто не обратила вни-

мания.

— Я спрашивала, в какое время завтра отходят поезда в Лондон. Что, если я уеду после полудня? Маргарет ждет меня не раньше, чем к чаю.

— Элспет, вы не возражаете, если уедете в 12.15? Мы могли бы пораньше пообедать.

— Конечно, нет, и…

Мисс Марпл продолжала, не дав договорить своей подруге:

— Еще я хотела знать, что скажет Маргарет, если вы не приедете к чаю, а, например, часов в семь?

Миссис Мак-Гилликади с любопытством посмотрела на свою приятельницу:

— Что вы задумали, Джейн?

— Я предлагаю, Элспет, поехать вместе в Лондон, а оттуда — в Брэкхемптон тем же самым поездом, на котором вы приехали третьего дня. Затем из Брэкхемптона вы возвратитесь в Лондон, а я приеду сюда. И, конечно, я оплачу ваш проезд.

Мисс Марпл особенно подчеркнула эту фразу.

Миссис Мак-Гилликади не обратила внимания на финансовую сторону вопроса:

— Но чего же вы ожидаете, Джейн? Еще одного убийства?

— Нет, что вы! — мисс Марпл удивилась ее словам. — Признаюсь, мне хотелось самой, под вашим руководством, разумеется, осмотреть… как бы это вам сказать?.. Очень трудно выбрать нужное слово… Посмотреть на место преступления.

На следующий день мисс Марпл и миссис Мак-Гилликади сидели друг против друга в первом классе поезда, который отправлялся в 4 часа 50 минут с вокзала Паддингтона. В этот день на Паддингтонском вокзале было еще более многолюдно, чем в прошедшую пятницу, так как до Рождества оставалось всего лишь два дня. Но в поезде было сравнительно спокойно, по крайней мере, в задних вагонах.

На этот раз ни один поезд не шел параллельно с ними, но мимо то и дело проскакивали поезда в направлении Лондона. Дважды их обгоняли поезда, мчавшиеся с большой скоростью. Миссис Мак-Гилликади с сомнением смотрела на часы:

— Трудно сказать, когда именно это произошло. Я помню, мы проехали какую-то станцию…

Но они проехали уже не одну станцию.

— Через пять минут мы должны прибыть в Брэкхемптон, — сказала мисс Марпл.

Появился контролер. Мисс Марпл взгляну-

ла вопрошающе на свою подругу, но миссис Мак-Гилликади лишь покачала головой. Нет, контролер другой. Он надорвал их билеты и прошел дальше, немного пошатываясь, так как поезд делал крутой поворот, чуть замедлив скорость.

— Мне кажется, мы уже въезжаем в Брэкхемптон, — сказала миссис Мак-Гилликади.

— Думаю, мы едем по его окраинам, — отозвалась мисс Марпл.

За окном мелькали огни, здания, иногда виднелись улицы и трамваи. Поезд замедлял скорость. Проехали будку стрелочника.

— Мы прибудем через минуту, — сказала миссис Мак-Гилликади. — Я, право же, не вижу, что эта поездка дала. Она вам что-нибудь подсказала, Джейн?

— Боюсь, что ничего, — в тоне мисс Марпл слышалось сомнение.

— Пустая трата денег, — продолжала миссис Мак-Гилликади, но не так уж разочарованно. Ей не пришлось платить из своего кармана — мисс Марпл осталась непреклонной в этом вопросе.

— Все равно, — сказала мисс Марпл, — приятно увидеть собственными глазами, где такое случается. Этот поезд просто-напросто опаздывает на несколько минут. А тот, на котором вы ехали в

пятницу, прибывал вовремя?

— Думаю, да. А вообще я не заметила.

Поезд остановился у оживленной, длинной платформы Брэкхемптона. Из репродуктора хрипло доно-сились объявления, двери купе открывались, закрывались, люди входили, выходили, спешили в разных направлениях по платформе. Все это выглядело, как и всегда на многолюдном вокзале.

«Да, убийце легко затеряться в такой толпе, — думала мисс Марпл, — выйти со станции в этой массе народа или выбрать себе другое купе и ехать в том же поезде до конечной остановки. Легко быть пассажиром среди такого множества людей. Но вовсе нелегко сделать, чтобы труп испарился в воздухе, труп должен где-то быть».

Миссис Мак-Гилликади уже сошла с поезда и разговаривала через открытое окно вагона, стоя на платформе.

— Поберегите себя, Джейн, — говорила она. — Не простудитесь. Сейчас самое отвратительное время года, а вы уж не так молоды.

— Я знаю, — ответила мисс Марпл.

— И больше не волнуйтесь из-за этого случая. Мы сделали, что могли.

Мисс Марпл кивнула головой.

— Не стойте так долго на холоде, Элспет, а то, пожалуй, простудитесь. Идите и закажите себе в ресторане большую чашку чая; у вас еще 20 минут до отхода поезда.

— Я, пожалуй, так и сделаю. До свидания, Джейн.

— До свидания, Элспет. Желаю вам счастливого Рождества. Надеюсь, у Маргарет все в порядке. Наслаждайтесь поездкой на Цейлон и передайте привет милому Родерику, если он еще меня помнит, хотя я в этом сомневаюсь.

— Конечно, он вас помнит, и даже очень. Вы ведь ему помогли, когда он учился в школе. Там было что-то такое с деньгами, которые пропали из ящика стола. Он этого никогда не забывает.

— А, это! — сказала мисс Марпл.

Миссис Мак-Гилликади ушла. Раздался свисток, поезд тронулся. Мисс Марпл смотрела вслед своей крепко сложенной, коренастой приятельнице. Элспет может ехать на Цейлон с чистой душой, она выполнила свой долг и свободна от дальнейших обязательств.

Мисс Марпл даже не откинулась на спинку сиденья, когда поезд начал набирать скорость. Наоборот, она сидела прямо и вся ушла в серьезные размышления. И хотя мисс Марпл в беседах

говорила путано, мысли ее были ясны. Ей нужно разрешить задачу, задачу своего дальнейшего поведения. И, как ни странно, это представлялось ей, так же, как и миссис Мак-Гилликади, вопросом долга.

Миссис Мак-Гилликади сказала, что обе они сделали все возможное. Это правда в отношении миссис Мак-Гилликади, но о себе мисс Марпл так не могла сказать с уверенностью.

Иногда ей казалось, что для такого дела нужен особый дар. Но, может быть, все это не более как самонадеянность? В конце концов, что может сделать она? Снова вспомнились слова приятельницы: «Вы не так молоды, как раньше».

Не давая воли эмоциям, как генерал, составляющий план боевых действий, или как бухгалтер, подсчитывающий доход от какой-нибудь торговой операции, мисс Марпл взвешивала в уме все факты, говорившие «за» и «против» дальнейших шагов в этом деле.

Вот что говорило в пользу дальнейших попыток расследования:

1. Большой жизненный опыт и знание ею характеров людей.

2. Сэр Генри Клитеринг и его крестник (сейчас он работает в Скотланд Ярде), которые так помог-

ли при расследовании истории, происшедшей в Литл-Паддокс.

3. Второй сын ее племянника Раймонда — Дэвид, который работает в Управлении Британских железных дорог.

4. Сын Гризельды — Леонард, который так хорошо разбирается в географических картах.

Мисс Марпл снова перебрала в уме эти обстоятельства и осталась довольна ими. Было совершенно необходимо ослабить те аргументы, которые говорили против ее затеи. Основным препятствием она считала свою физическую немощь.

«Вот если бы я могла сама поехать всюду, куда необходимо, — рассуждала мисс Марпл, — навести справки, выяснить некоторые вопросы».

Да, основное возражение — ее возраст и физическая слабость. Хотя для своих лет у нее довольно хорошее здоровье, тем не менее, она стара. И уж если доктор категорически запретил ей делать хоть что-то в саду, то вряд ли он благожелательно отнесется к тому, что она начнет распутывать какое-то убийство. А ведь на самом деле она хотела заняться им, вот в чем вся загвоздка. Если несколько дней назад это убийство не трогало ее, то теперь она сама, по собственной воле, решила

взяться за его раскрытие. И в то же время она не совсем уверена, что хочет заняться им. Она старая, старая и усталая женщина. Сейчас, к концу утомительного дня, она чувствовала большую апатию, ей хотелось добраться до своего дома, сесть у камина с тарелкой вкусного ужина, потом лечь в кровать, а на следующий день немножко повозиться в саду, подрезать какие-нибудь веточки, привести что-нибудь в порядок и делать все размеренно, не нагибаясь, не перетруждая себя…

«Я уже слишком стара для разного рода приключений», — сказала себе мисс Марпл, с отсутствующим видом глядя в окно на поворот железнодорожного полотна.

Поворот!

В голове у нее очень слабо промелькнула какая-то мысль… «Как раз после того контролер проверил билеты…». Это подало идею. Всего лишь идею. Но совершенно другую идею…

Чуть заметный румянец проступил на лице мисс Марпл. Она уже не чувствовала усталости.

— Завтра утром я напишу Дэвиду, — сказала она себе.

И в тот же момент еще одна важная мысль пришла ей в голову:

— Конечно! Моя преданная Флоренс!

Мисс Марпл разрабатывала свой план методически, отдавая должное рождественским праздникам, которые немало задерживали развитие событий. Она написала внучатому племяннику Дэвиду Уэсту письмо, в котором соединила пожелания счастливого Рождества с настоятельной просьбой добыть для нее кое-какие сведения. Как и в прошлые годы, она была приглашена на рождественский обед в дом священника и здесь смогла поговорить о географических картах с молодым Леонардом, приехавшим на Рождество домой.

Страстью Леонарда были географические карты всех видов. Причина, побудившая старую даму спрашивать у него крупномасштабную карту определенного района, не вызвала у него любопытства. Он просто нашел карту в своей коллекции и предложил ей. Мисс Марпл пообещала бережно с ней обращаться и своевременно вернуть.

— Географические карты, — сказала мать Леонарда Гризельда, которая выглядела удивительно моложавой и цветущей для того, чтобы жить в старом полуразвалившемся доме священника. — Что ей надо от географических карт? Я имею в виду, для чего они ей нужны?

— Не знаю, — сказал молодой Леонард. — Она ничего определенного не говорила.

— Странно… — сказала Гризельда, — мне это кажется очень подозрительным… В ее-то годы следовало бы забыть о такого рода вещах.

Леонард спросил, что она имеет в виду, и Гризельда уклончиво ответила.

— Да всюду совать свой нос. Но почему все-таки географические карты? Странно…

Через несколько дней мисс Марпл получила ответное письмо от своего внучатого племянника Дэвида Уэста. Написано оно было с нежностью:

> Дорогая тетушка Джейн!
>
> Чем вы теперь занялись? Я раздобыл сведения, о которых вы меня просили. Есть только два поезда, которые могут идти рядом: это поезда, выходящие в 4 часа 33 минуты и в 5 часов. Первый поезд — пассажирский, идет, медленно и останавливается в Хейлинг Бродвей, в Баруэлл Хелт, в Брэкхемптоне, и потом всюду вплоть до Маркет-Бэйзинг. А пятичасовой поезд — это Уэльский экспресс, который идет в Кардифф, Ньюпорт и Суонси. Первый поезд мог быть

обогнан около 5 часов 50 минут, хотя он должен прибыть в Брэкхемптон на пять минут раньше, а второй — в 5 часов 50 минут идет около Брэкхемптона. За всем этим мне видится какой-то деревенский скандал острого характера. Прав ли я? Возможно, вы, сделав поход по магазинам и возвращаясь домой поездом в 4 часа 50 минут, увидели в поезде, идущем рядом, жену мэра, которую обнимал санитарный инспектор? Но разве так уж важно, в каком это происходило поезде? А может, вам захотелось поехать на конец недели в Порткаул?

Спасибо вам за пуловер, это как раз то, что я хотел. Как ваш сад? В это время года он не очень пышный.

Искренне ваш Дэвид.

Мисс Марпл чуть улыбнулась и начала изучать полученные сведения. Миссис Мак-Гилликади совершенно определенно сказала, что в том поезде не было коридора. Значит, это не экспресс, идуший до Суонси. Было указано время — 4 часа 33 минуты.

Еще одна поездка казалась неизбежной. Мисс

Марпл, вздохнув, занялась составлением плана. Она, как и раньше, выехала в Лондон поездом в 12 часов 15 минут, но на этот раз возвращалась не в 4 часа 50 минут, а в 4 часа 33 минуты и доехала до Брэкхемптона. Поездка прошла без происшествий, но дополнила кое-какие детали. Этот поезд не очень переполнен. 4 часа 33 минуты — это еще не время пик. В первом классе ехал только один пассажир — очень старый джентльмен, читавший «Нью стейтсмен». Мисс Марпл ехала в пустом купе и на двух остановках, в Хейлинг Бродвей и в Баруэлл Хелт, высунулась из окна, чтобы видеть входивших и выходивших пассажиров. Несколько пассажиров третьего класса вошло на Хэйлинг Бродвей, а в Баруэлл Хелт несколько человек вышло. Из вагона первого класса никто не выходил, кроме старого джентльмена с «Ныо стейтсмен» в руках.

Когда поезд двигался вдоль изгиба железнодорожного полотна, у Брзкхемптона, мисс Марпл встала для эксперимента спиной к окну и опустила штору.

«Да, — подумала она, — при быстром движении на повороте и резком торможении человек, потеряв равновесие, припадал к окну, и штора очень легко могла подняться». Она посмотрела в

темноту за окном. Сейчас светлее, чем в то время, когда ехала миссис Мак-Гилликади, но увидеть удалось немного. Чтобы получше все разглядеть, ей придется проехать днем.

На следующий день она выехала рано утром и возвратилась домой поездом из Паддингтона в 12 часов 15 минут. И снова она ехала одна в первом классе.

«Вот куда летят попусту деньги, — подумала мисс Марпл. — Это транжирство. Кроме бизнесменов, никто первым классом не ездит, и то только в часы пик. Но у них хоть игра стоит свеч».

За четверть часа до Брэкхемптона мисс Марпл вытащила карту, которой снабдил ее Леонард, и начала сверять окрестность. Она раньше тщательно изучала карту и, заметив название промелькнувшей станции, определила, где находилась в момент, когда поезд замедлял ход у поворота. Этот поворот казался ей очень важным. Мисс Марпл, приплюснув к окну нос, с неослабевающим вниманием изучала участок довольно высокой насыпи. Внимание ее было сосредоточено на местности и на карте до тех пор, пока поезд не приблизился к Брэкхемптону.

В этот вечер она написала письмо мисс Флоренс Хилл в Брэкхемптон, Мэдисон-роуд, 4. На следу-

ющее утро, заглянув в окружную библиотеку, просмотрела адресную книгу, географический справочник Брэкхемптона и познакомилась с историей этого графства.

Ничто не мешало теперь приступить к осуществлению неясной и едва наметившейся идеи, которая пришла ей в голову раньше. То, что она надумала, было ей по силам, и ничего больше она делать не собирается.

Но следующий же шаг требовал действий, которые ей были не по силам. Если ее догадка должна полностью подтвердиться или же оказаться отвергнутой, ей необходимо иметь себе в помощь какого-нибудь человека. Вопрос в том, кто мог стать этим человеком? Мисс Марпл вновь и вновь перебирала в памяти различные имена и тут же отвергала их, раздраженно качая головой. Все интеллигентные люди, на которых она могла положиться, слишком заняты важной работой, а их свободное время обычно распланировано на много дней вперед. От несмышленых людей, у которых времени достаточно, по мнению мисс Марпл, мало толку.

Она размышляла, все больше раздражаясь и запутываясь. Потом вдруг морщины ее лба разгладились, она вслух громко произнесла:

— Ну, конечно же, это Люси Айлесбэроу!

Глава 4

Люси Айлесбэроу была хорошо известна в определенных кругах.

Ей тридцать два года. В свое время она получила первую премию за работу по математике в Оксфорде, у нее находили блестящие способности и считали, что она сделает выдающуюся ученую карьеру.

Но Люси Айлесбэроу, в дополнение к блестящим способностям в науках, обладала еще и здравым смыслом. Она заметила, что жизнь, отданная исключительно науке, до странности мало оплачивается. У нее не было желания преподавать, ей нравились люди менее способные, чем она сама. Она заметила в себе склонность общения с людьми, но не с одними и теми же. К тому же, что уж греха таить, она любила деньги. Но, чтобы иметь деньги, нужно уметь воспользоваться нехваткой чего-либо.

Люси Айлесбэроу заметила, что у людей острая нехватка в прислуге, умеющей хорошо выполнять домашнюю работу. К удивлению своих друзей и однокашников, Люси Айлесбэроу посвя-

тила себя домашнему хозяйству.

Успех пришел незамедлительно я прочно. В течение нескольких лет она стала известна на Британских островах. Стало обычным, когда жена с радостью сообщала мужу:

— Ну вот, теперь все в порядке. Я могу поехать с тобой в Соединенные Штаты. У меня будет Люси Айлесбэроу!

Уж если Люси Айлесбэроу приходила в дом, все волнения, тревоги и тяжелая работа исчезали: Люси делала все, за всем следила, все устраивала, организовывала, была необычайно сведущей во всех вопросах, которые только можно себе представить. Она ухаживала за престарелыми родителями, заботилась о малолетних детях, сидела с больными, умела пророчествовать, находила общий язык со старыми сварливыми слугами, оставалась сдержанной с невыносимыми людьми, усмиряла закоренелых алкоголиков, прекрасно обращалась с собаками, и, самое главное, никогда не жаловалась на свою судьбу. Она скребла полы в кухне, копала в саду, таскала уголь!

Как правило, Люси никогда не нанималась на работу на длительный срок, обычно на пару недель, в самом крайнем случае, на месяц. Но за

эти две недели следовало и заплатить порядочно. Зато в течение двух недель жизнь людей, к которым она приходила, становилась райской, можно было прекрасно отдохнуть, уехать за границу или, оставаясь дома, делать все, что угодно, и быть совершенно уверенным, что в доме все идет как надо, потому что он находится в умелых руках Люси Айлесбэроу.

Естественно, что Люси Айлесбэроу была нарасхват. Она смогла бы заручиться работой на три года вперед. Ей предлагали огромные суммы денег, чтобы она согласилась работать на одном месте, но Люси не имела никакого желания становиться постоянной работницей. А в промежутках, втайне от своих шумно протестующих клиентов, она предавалась короткому роскошному отдыху, чтобы тратить деньги; ей платили много, и она была полностью обеспечена. Иногда, ни с того ни с сего, Люси вдруг соглашалась с неожиданным предложением, то ли из-за своего странного характера, то ли потому, что она «любила этих людей». Теперь, имея возможность богатого выбора работы среди набивавшихся претендентов, она чаще всего предпочитала поступать в соответствии со своими личными привязанностями. Одним только богатством невозможно стало ку-

пить услуги Люси Айлесбэроу; она сама выбирала дело и хозяев. Такая жизнь ей нравилась и была непрерывным источником ее обогащения.

Люси Айлесбэроу перечитывала письмо от мисс Марпл. Познакомилась она с мисс Марпл два года тому назад, когда к ее услугам обратился писатель Раймонд Уэст с просьбой поухаживать за его старой теткой, только что перенесшей воспаление легких. Люси согласилась и приехала в Сент Мэри Мид. Она очень полюбила мисс Марпл.

Больная мисс Марпл, выглянув из окна своей спальни, увидела, как Люси Айлесбэроу по всем правилам вскапывала грядку под сладкий горошек, со вздохом облегчения откинулась на подушки, съела всю еду, которую принесла ей Люси. Вскоре она выслушала, соглашаясь и удивляясь, историю, рассказанную ее пожилой, вспыльчивой служанкой о том, как «я научила эту мисс Айлесбэроу вышивать узоры, о которых та и понятия не имела. И как же она была благодарна за это!» И мисс Марпл удивила своего доктора тем, что стала очень быстро поправляться.

В письме мисс Марпл спрашивала Люси Айлесбэроу, не смогла бы она взяться за одно не совсем обычное поручение. Может быть, мисс

Айлесбэроу сумеет встретиться с ней, чтобы обсудить этот вопрос?

Люси Айлесбэроу задумалась и нахмурила брови. Право же, она так занята! Но слово «необычное» и воспоминания о свойствах характера мисс Марпл не покидали ее весь день. Наконец, она позвонила мисс Марпл по телефону, объяснив, что приехать в Сент Мэри Мид не сможет, так как слишком занята на работе. Но завтра от двух до четырех часов она будет свободна и сможет встретиться с мисс Марпл в Лондоне. Она предложила устроить эту встречу в клубе, который посещала, и имевшем лишь то преимущество, что в нем было несколько небольших темных кабинетов, обычно пустовавших.

Мисс Марпл приняла предложение, и на следующий день встреча состоялась.

Они обменялись приветствиями, после чего Люси Айлесбэроу провела свою гостью в самый темный кабинет и сказала:

— Боюсь, что в ближайшее время я буду сильно загружена работой. Но, может быть, вы расскажете, в чем заключается дело, которое вы хотите мне поручить?

— Собственно говоря, все обстоит очень просто, — ответила мисс Марпл. — Необычно, но

просто. Я хочу, чтобы вы отыскали труп.

На мгновение в мыслях Люси промелькнуло подозрение, что мисс Марпл не совсем в своем уме, но она тут же отказалась от него. Мисс Марпл славилась своим здравомыслием. Она говорила именно то, что хотела сказать.

— А какой труп? — спросила Люси Айлесбэроу с очаровательным спокойствием.

— Труп женщины, — сказала мисс Марпл, — которая убита, вернее, задушена в поезде.

Брови Люси чуть приподнялись:

— Да, это действительно необычно. Расскажите мне поподробнее.

Мисс Марпл рассказывала, Люси слушала внимательно, не перебивая. Наконец, она сказала:

— Все строится на том, что ваша приятельница видела или считает, что видела?..

Она не закончила эту фразу, оставив в ней вопрос.

— Элспет Мак-Гилликади никогда ничего не выдумывает, — сказала мисс Марпл, — поэтому я полагаюсь на ее слова. Вот если бы это была Дороти Каррерайт, то тогда, конечно, совсем другое дело. У Дороти всегда наготове интересная история, в которую она сама верит; в основе таких историй лежит обычно лишь какая-то доля

истины, но ничего более. А Элспет — женщина, которую очень трудно убедить в необычном или же из ряда вон выходящем. Она не поддается внушениям и похожа чем-то на гранит.

— Ясно, — сказала Люси Айлесбэроу. — Ну, что ж, пусть так. Что же я должна делать?

— Вы произвели на меня очень хорошее впечатление, — сказала мисс Марпл, — а у меня нет уже физических сил самой что-то делать.

— Вы хотите, чтобы я производила расследование? Или что-нибудь в этом роде? Но не лучше ли этим заняться полиции? Или вы думаете, что она просто нерадива?

— О, нет, — сказала мисс Марпл, — не так уж она нерадива. Но у меня есть свое мнение о том, где находится труп этой женщины. Его не оказалось в поезде, значит, — столкнули, но нигде у полотна железной дороги он не обнаружен. Я поехала той же дорогой и посмотрела, нет ли такого места, где труп мог быть сброшен с поезда и не быть обнаруженным. Такое место есть. Перед Брэкхемптоном поезд делает крутой поворот и идет по высокой насыпи. Если труп сбросили в этом месте, когда поезд идет по повороту, то труп свалился с откоса.

— Но его и в этом случае должны обнару-

жить...

— Да, если его оттуда не убрали. Вот теперь мы подходим к главному. Вот это место, смотрите на карту.

Люси наклонилась над картой.

— Это в пригороде Брэкхемптона, — сказала мисс Марпл. — Раньше здесь стоял загородный дом, окруженный огромным парком и полями. Дом до сих пор сохранился нетронутым, хотя теперь вокруг построены большие дома и дачи. Называется это место Рутерфорд-холл. Дом построен в 1884 году человеком по имени Крекенторп, очень богатым промышленником. Сын этого самого Крекенторпа, уже пожилой человек, все еще живет в этом доме с дочерью. Железная дорога идет вдоль его владения.

— И вы хотите, чтобы я?..

Мисс Марпл ответила, не дав ей закончить фразу:

— Я хочу, чтобы вы устроились там на работу. Все сбились с ног в поисках умелой помощницы в домашних делах. Устроиться там не составит большого труда.

— Да, пожалуй, это будет нетрудно.

— Я выяснила, что мистер Крекенторп большой скряга, и если вам предложат низкую плату, я

добавлю до нужной суммы. Эта плата, как мне кажется, должна быть выше существующих норм.

— Это из-за трудностей, которые меня там ожидают?

— Не столько из-за трудностей, сколько из-за опасности. Я считаю своим долгом предупредить вас о ней.

— Не думаю, — сказала Люси спокойно, — чтобы мысль об опасности могла меня отпугнуть.

— И я тоже так считаю, — сказала мисс Марпл, — вы — не тот человек.

— Вы не подумали, что такое дело может даже привлечь меня? В своей жизни я редко сталкивалась с опасностями. Но вы правда думаете, что там может быть опасно?

— Совершено преступление. Оно сошло удачно, — сказала мисс Марпл. — Не последовало большого шума, не возникло даже серьезных подозрений. Две пожилые дамы рассказали довольно неправдоподобную историю, полиция навела справки, но ничего не подтвердилось. Таким образом, все очень хорошо, все шито-крыто. По-моему, преступник не думает, что кто-то снова начнет копаться в этом деле. Особенно, если вы будете осторожной.

— Что именно мне нужно искать?

— Любые улики, оставленные у насыпи железнодорожного полотна: клочок от платья, сломанный куст и тому подобное.

Люси кивнула.

— А потом?

— Я буду находиться поблизости, — сказала мисс Марпл. — Одна моя старая служанка, моя преданная Флоренс, живет как раз в Брэкхемптоне. Много лет она ухаживала за своими старыми родителями. Теперь они уже оба умерли, а она сдает комнаты жильцам, вполне респектабельным людям. Я буду жить вместе с ней, она присмотрит за мной, а мне хочется жить поближе к этим местам. Я бы посоветовала вам упомянуть в разговоре о пожилой тетке, живущей по-соседству, что вы подыскиваете место поближе к ней, и попросить предоставлять вам свободнее время для того, чтобы почаще навещать ее.

Люси снова кивнула:

— Я должна поехать в Таормину послезавтра. Правда, отдых можно отложить, но я могу пообещать быть в Брэкхемптоне только три недели. После этого я буду занята, так как уже условилась о работе.

— Этого достаточно, — сказала мисс Марпл. — Если в течение трех недель ничего не выясним,

то всю эту затею нужно отбросить как совершенно пустую.

Мисс Марпл уехала. А Люси, немного поразмыслив, позвонила по телефону в бюро, заведующую которым она хорошо знала, чтобы подыскали место прислуги в Брэкхемптоне. Она объяснила, что хотела бы получить место в том районе, чтобы пожить поближе к своей «тетке».

После того, как с помощью большой изобретательности было перебрано и отвергнуто несколько выгодных мест, предложили Рутерфорд-холл.

— Это как раз то, что мне нужно, — сказала Люси уверенно.

Из бюро позвонили мисс Крекенторп, а мисс Кре-кенторп, в свою очередь, позвонила Люси. Через два дня Люси выехала из Лондона в направлении Рутерфорд-холла.

Управляя своей маленькой машиной, Люси Айлесбэроу въехала через широкие, внушительного вида железные ворота. Сразу же за ними находился небольшой домик привратника, теперь почти развалившийся то ли от повреждений, полученных во время войны, то ли просто от запущенности. Длинная петляющая дорога вела через густые, угрюмого вида заросли рододендронов

к владению Крекенторпов. У Люси перехватило дыхание и сжалось от волнения горло при виде миниатюрного повторения Виндзорского замка. Каменные ступеньки у входа в дом делались с большим старанием, но гравийная дорожка уже давно заросла сорняками.

Она тронула старомодный чугунный звонок и услышала, как треск его эхом отозвался где-то в глубине дома. Неряшливо одетая женщина, вытирая руки о фартук, открыла дверь и смерила Люси подозрительным взглядом.

— Вас ждут? — спросила она. — Вы — мисс как-то там — Бэроу, так мне сказали?

— Совершенно верно, — ответила Люси.

В доме стоял невероятный холод. Женщина провела Люси через темную переднюю и открыла дверь направо, в довольно приятную гостиную со множеством книг и стульями, обтянутыми ситцем.

— Я доложу, — женщина вышла, закрыв за собой дверь и предварительно посмотрев на Люси взглядом, полным глубочайшего неодобрения.

Через несколько минут дверь снова открылась, и вошла Эмма Крекенторп. С первого взгляда Люси решила, что ей нравится эта женщина.

Эмма оказалась женщиной средних лет, без

ка-ких-либо выдающихся внешних данных. Ее нельзя было назвать ни красавицей, ни дурнушкой, но одета она была со вкусом, в твидовую юбку и кофточку, темные волосы ее откинулись со лба, глаза смотрели спокойно и прямо, как у газели, тембр голоса очень приятный.

— Вы — мисс Айлесбэроу? — спросила она, протянув руку, и совершенно смутилась:

— Право, не знаю, подойдет ли вам это место? Мне не нужна экономка для руководства делами. Я ищу человека, который бы делал всю домашнюю работу сам.

Люси ответила, что в этом сейчас нуждается большинство людей.

Эмма Крекенторп сказала извиняющимся тоном:

— Знаете, многим кажется, что, чуть-чуть стерев пыль, они уже сделали свое дело. Но смахивать пыль я могу и сама.

— Я все прекрасно понимаю, — ответила Люси. — Вам нужно готовить и стирать, делать всю домаш-пою работу и топить котел. Все верно, я этим и занимаюсь. И не чураюсь никакой работы.

— Этот дом очень большой и, боюсь, не очень удобный. Конечно, мы с отцом занимаем лишь

часть его. Отец — почти инвалид. У меня несколько братьев, но здесь они бывают не часто. Мне помогают две женщины, одна, миссис Киддер, приходит по утрам, вторая, миссис Харт, три раза в неделю делает уборку. А это ваша собственная машина?

— Да. Ее можно оставить на улице, если не найдется другого места. Ей не привыкать.

— О, что вы! У нас такое количество старых конюшен, об этом не беспокойтесь.

Потом, чуть нахмурившись, она сказала:

— Айлесбэроу — довольно редкая фамилия. Мои друзья, Кеннеди, говорили мне о какой-то Люси Айлесбэроу.

— Это я и есть. Я жила с ними в Северном Дэвоне, когда у миссис Кеннеди родился ребенок.

Эмма Крекенторп улыбнулась:

— Они говорили, что никогда так чудесно не жили, пока вы занимались их делами. Но вам платили довольно много, а плата, которую я назвала…

— Это меня не смущает, — ответила Люси. — Видите ли, мне крайне необходимо находиться сейчас поблизости от Брэкхемптона. Моя престарелая тетя, которая здесь живет, сейчас очень больна, и мне хотелось бы быть поближе к ней.

Поэтому деньги для меня в данном случае дело второстепенное. А ничего не делать я позволить себе не могу, да и не привыкла. Могу я быть уверена, что у меня будет немного свободного времени?

— Да, конечно. От полудня до шести часов, если вас это устраивает.

— Чудесно.

— Мой отец, — сказала немного поколебавшись мисс Крекенторп, — пожилой человек и временами с ним бывает трудно. Он очень печется об экономии и иногда говорит такие вещи, которые легко выводят людей из равновесия. Мне не хотелось, чтобы…

Люси постаралась поскорее прервать ее:

— Я привыкла к пожилым людям со всякими характерами, мне всегда удавалось с ними ладить.

У Эммы Крекенторп отлегло от души.

«У нее нелады с отцом, — подумала Люси. — Бьюсь об заклад, что он старый брюзга».

Люси отвели большую темную спальню; маленькая электрическая печка изо всех сил старалась нагреть ее. А потом показали весь дом, большой и неуютный. Когда они проходили по коридору, голос из-за двери позвал:

— Это ты, Эмма? Приехала уже новая работни-

ца? Приведи ее. Я хочу посмотреть.

Эмма вспыхнула, и, как бы извиняясь, взглянула на Люси. Обе женщины вошли в богато убранную комнату, обитую темным бархатом. Через узкие окна проникало мало света, вся комната была заставлена тяжелой викторианской мебелью красного дерева.

Старик Крекенторп полулежал в инвалидном кресле, около него стояла трость с серебряным набалдашником. Это был крупный, но изможденный человек, кожа на его теле обвисла складками, а лицо напоминало морду бульдога с драчливым подбородком. У него были редкие темные волосы с проседью и маленькие сверлящие глаза.

— А ну-ка, дайте посмотреть на вас, молодая леди.

Люси приблизилась, спокойно улыбнулась.

— Одно вам следует сразу же себе уяснить: мы живем в большом доме, но это не значит, что мы богаты. Мы не богаты. Мы живем скромно, вы слышите? — скромно. Нет смысла приезжать сюда с мыслями о чем-то необычном. И не забывайте, что иногда и на безрыбье рак — рыба. Я не люблю транжирства. Я живу здесь, потому что этот дом построен моим отцом и нравится мне. Вот когда я умру, то пусть, если захотят, продают

его. Я знаю, они так и сделают. У них нет никакого чувства семьи. Дом построен крепко, он прочный, вокруг все наше поместье. Мы чувствуем здесь себя отрешенными от городской суеты. Мы могли бы получить большую сумму, если бы продавали землю для строительства. Но этого не будет, пока я жив. Отсюда меня вынесут только ногами вперед.

Он взглянул на Люси.

— Ваш дом — ваша крепость, — сказала Люси.

— Смеетесь надо мной?

— Нет, что вы! Я думаю, очень приятно иметь настоящий загородный дом, со всех сторон окруженный городом.

— Вы правы. Отсюда не видно ни одной постройки, правда? Одни поля, на которых пасутся коровы, — и все это в центре Брэкхемптона! Сюда доходит шум уличного движения, только когда ветер дует в нашем направлении, а так это настоящая спокойная деревня.

И тут же, не сделав паузы, не изменяя тона, добавил, обращаясь к дочери:

— Позвони этому болвану — врачу. Скажи, что лекарство, которое он мне прописал в последний раз, совсем негодное.

Люси и Эмма вышли из комнаты. Вслед им

неслось:

— И не пускай сюда больше эту старую дуру, которая приходит вытирать пыль. Перепутала у меня все книги.

Люси спросила:

— А что, мистер Крекенторп давно в таком состоянии?

— Да, уже несколько лет… — ответила Эмма уклончиво. — Здесь кухня.

Кухня оказалась огромной, большая плита стояла холодная и запущенная. Около нее скромно пристроилась маленькая электрическая плитка.

Люси спросила, в котором часу они едят, и заглянула в кладовку. Потом с веселым видом обратилась к Эмме Крекенторп:

— Ну, теперь я все знаю. Не беспокойтесь и доверьте заботы мне.

Вечером, ложась спать, Эмма Крекенторп облегченно вздохнула:

— Да, Кеннеди правы, эта женщина — прелесть.

На следующее утро Люси встала в шесть часов. Она убрала дом, начистила овощи, приготовила завтрак и накрыла на стол. Потом с помощью миссис Киддер застелила кровати, и в одиннадцать часов они присели на кухне выпить по чашечке

чая. Удостоверившись в том, что Люси не собиралась занять ее место, а еще больше от крепкого сладкого чая, миссис Киддер разоткровенничалась. У этой маленькой худощавой женщины глаз оказался острый, а язык колючий.

— Обыкновенный старый скряга, вот кто он. И чего только ей не приходится от него терпеть! Но она не из тех, которых называют «забитая». Она, когда нужно, умеет за себя постоять. Раньше, когда мужчины садились за стол, она сама следила, чтобы все было пристойно.

— Мужчины?

— Да. Семья-то ведь была большая. Старшего, мистера Эдмунда, убили на войне. Следующий за ним, мистер Гедрик, живет за границей, не женат, рисует какие-то картины в других странах. Мистер Гарольд живет в Лондоне, служит в Сити, женат на дочери графа. Потом мистер Альфред, старик его очень любит, но он немножко шалопай; раз или два у него случались всякого рода неприятности. Еще — муж миссис Эдит, мистер Брайен, всегда такой добрый. Она-то умерла несколько лет тому назад, но он всегда жил здесь. Еще — мистер Александр, сын миссис Эдит. Он учится в колледже, но всегда приезжает сюда на каникулы. Мисс Эмма очень о нем заботится.

Люси усваивала эти сведения, продолжая то и дело доливать чай. Наконец миссис Киддер неохотно поднялась:

— Похоже, что сегодня утром, в кои-то веки, мне удалось как следует насладиться чаем, право же! — сказала она удивленно. — Хотите, дорогая, я помогу вам почистить картошку?

— А я уже все сделала.

— Да, вы из тех, у кого работа прямо горит под руками. Я могла бы помочь вам, да больше и делать-то нечего.

Миссис Киддер ушла, а Люси, не теряя времени, почистила кухонный стол, хотя это входило в обязанности миссис Киддер. Потом почистила серебряные ложки и вилки так, что они засияли, приготовила обед, убрала посуду со стола, вымыла ее и в половине третьего уже решила приступить к поискам. Она приготовила чашки для чая, на поднос положила хлеб, прикрыв влажной салфеткой, чтобы не зачерствел.

Она обошла сад, что выглядело естественно. Сад оказался тоже запущенным, недалеко от кухни росли овощи, но парники развалились. Дорожки заросли сорняками. Производила хорошее впечатление только цветочная клумба около дома, и Люси подумала, что это дело рук

Эммы. Садовник — совсем старик, почти глухой, он лишь делал вид, что работает. Люси вежливо с ним поговорила. Он жил в маленьком домике, примыкавшем к огромным конюшням. Еще одна дорога, начинавшаяся у конюшен, шла через парк, обнесенный забором с одной стороны, и дальше тянулась под железнодорожным мостом, заканчиваясь небольшой тропинкой.

Через каждые несколько минут по мосту громыхали поезда. Люси видела, как они несколько замедляли ход на крутом изгибе железной дороги около владения Крекенторпов. Она прошла под мост и вышла на тропинку. Видно, прохожие здесь бывают не часто. С одной стороны тропинки шла железнодорожная насыпь, с другой — высокая стена, окружавшая большие здания какой-то фабрики. По тропинке Люси вышла на улицу с маленькими домиками. Сюда уже доходил несмолкаемый шум .уличного движения от проходившего неподалеку шоссе. Она взглянула на часы. Из дома, мимо которого она проходила, вышла женщина. Люси остановила ее:

— Простите. Не скажете, где здесь поблизости телефон-автомат?

— Почта как раз на углу, у шоссе.

— Благодарю вас.

В здании почты находилось не только почтовое отделение, но и магазин. Телефонная будка стояла в стороне. Люси позвонила и попросила позвать к телефону мисс Марпл. Женский голос, напоминавший резкий собачий лай, ответил:

— Она отдыхает. Я не собираюсь ее тревожить. Она нуждается в отдыхе. Что передать, кто звонил?

— Мисс Айлесбэроу. Не нужно ее беспокоить. Только скажите, что я приехала, и все идет хорошо. Я ей сообщу, когда у меня будут новости. — Она отправилась обратно в Рутерфорд-холл.

Глава 5

— Вы не против, если я возьму шары и немножко потренируюсь в парке? — спросила Люси.

— Конечно, нет. Вы любите гольф?

— Я не очень хорошо играю, но иногда тренируюсь. Упражняться в гольф все-таки лучше, чем просто ходить пешком.

— Кроме парка, здесь негде погулять, — нахмурившись, сказал мистер Крекенторп, — не на что смотреть, одни мостовые да жалкие, как спичечные коробки, домики. А они еще мечтают завладеть моей землей и настроить на ней таких же коробок. Ничего из этого не получится, пока я жив. И я не собираюсь умирать, чтобы сделать одолжение кому-то, могу вас заверить! Никому никаких одолжений!

Эмма Крекенторп сказала мягко:

— Ну что вы, отец.

— Да, да, я знаю, что у них на уме и чего они ждут. Все — и Гедрик, и эта хитрая лиса Гарольд с самодовольной физиономией. А вот Альфред не сделал ничего, чтобы отдалить меня от себя. Правда, но совсем уверен, что это так, особенно

после Рождества. Уж очень все страшно. Чудной он, этот старик Куимпер. Он задал мне кучу неприличных вопросов.

— Теперь у всех неполадки с пищеварением, отец.

— Ладно, ладно. Скажи уж прямо, что я слишком много ел. Это ты имеешь в виду? А почему, спрашивается, я много ел? Да потому, что на стол Еыставили много еды, невероятно много. Это мотовство и расточительство. О чем я хотел сказать и вам, молодая леди. Сегодня вы подали на обед пять картофелин, и к тому же крупных. Для каждого из нас вполне достаточно двух. В дальнейшем больше четырех не подавайте. Сегодня одна картофелина истрачена напрасно.

— Она не истрачена напрасно, мистер Крекенторп. Я предполагала употребить ее вечером в омлет по-испански.

— Вот это правильно!

Люси вышла с кофейными чашками на подносе, услышав, как он сказал:

— Ну и ловкая же девица, на все у нее найдется ответ. Впрочем, говорит она хорошо. Да и собой весьма недурна.

Люси Айлесбэроу выбрала легкие шары из комплекта для гольфа и, перепрыгнув через забор,

направилась в парк.

Она забрасывала один шар за другим. Минут через пять один из шаров, словно от неточного удара, откатился в сторону железной дороги. Люси принялась его искать. Правда, предварительно она оглянулась в сторону дома. Никто не проявлял ни малейшего интереса к ней. Она отошла дальше, продолжая делать вид, что разыскивает шар, отбрасывая его подальше от насыпи в траву. Так она осмотрела почти треть насыпи, и безуспешно. Ей пришлось вернуться, подталкивая шар в сторону дома.

На следующий день она кое-что обнаружила. Куст боярышника, как раз на середине насыпи, был помят, вокруг валялись обломанные ветки. К одной из колючек прилип клочок меха. Он был почти такого же светло-коричневого оттенка, как и ветка. Люси внимательно рассмотрела его, потом вытащила из кармана ножницы, осторожно отрезала половину клочка и положила в конверт, который предусмотрительно захватила с собой. Затем стала спускаться с насыпи, внимательно выискивая, нет ли там каких-нибудь улик. Тщательно осмотрела жесткую высокую траву, надеясь различить на примятой траве след, оставленный человеком. Но трава была

примята лишь в некоторых местах, и если даже здесь кто-то и проходил, то следа почти не оставил. Должно быть, прошло значительное время. Правда, она совсем не была уверена, что все это не игра ее воображения.

Она начала осматривать траву, росшую ближе к сломанному кусту боярышника. Ей повезло, она нашла пудреницу, небольшую, дешевую, покрытую эмалью, и положила ее в карман, завернув в носовой платок, поискала еще некоторое время, но больше ничего не нашла.

На третий день, после ленча, она села в машину и поехала навестить свою больную тетку. Эмма Крекенторп сказала ей участливо:

— Не торопитесь. До обеда вы не понадобитесь.

— Спасибо, но к шести, по крайней мере, я уже вернусь.

Дом № 4 на Мэдисон-роуд, маленький и бесцветный, стоял на такой же маленькой и бесцветной улице. В комнатах висели очень чистые ноттингемские кружевные занавески, ступеньки перед дверью были **отмыты** добела и блестели, а медная ручка отливала золотом. Дверь открыла невысокая, сурового вида женщина, одетая во все черное, с огромной копной жестких с проседью волос. Она оглядывала Люси с ног до головы

оценивающим взглядом, пока шли в комнату мисс Марпл.

Мисс Марпл занимала гостиную в конце дома, выходившую окнами в маленький аккуратный квадратик сада. В гостиной все содержалось в невероятной чистоте. Всюду коврики и салфеточки, очень много китайских украшений, в углу большой шкаф времен короля Иакова для платья и два горшка с папоротником. Мисс Марпл сидела в большом кресле у огня с вышиванием.

Люси закрыла за собой дверь и села в кресло напротив мисс Марпл.

— Так вот, — сказала она, — похоже, что вы правы.

Она вынула находки и подробно рассказала, как их обнаружила. На щеках мисс Марпл чуть заметно проступил румянец.

— Может быть, и не стоит так все воспринимать, — сказала она, — но, право же, доставляет большое удовольствие, когда, создав теорию, находишь подтверждение ее правильности.

Она потрогала маленький кусочек меха.

— Элспет говорила, что женщина была одета в меховую шубку светлого цвета. А пудреница, наверное, лежала в кармане и вывалилась во время падения тела с насыпи. Во всяком случае, хотя

улик и недостаточно, они помогут в дальнейшем. Надеюсь, вы сняли не весь кусочек меха?

— Нет, часть я так и оставила на кусте.

Мисс Марпл одобрительно кивнула головой:

— Правильно. Вы очень разумная женщина, моя дорогая. Полиции наверняка самой захочется еще раз все проверить.

— Вы хотите показать полиции эти вещи?

— Нет, не теперь. — Мисс Марпл задумалась. — Будет лучше, если сначала вы отыщете труп. Вы согласны?

— Да, но найду ли? Допустим, ваше предположение правильно. Убийца сбросил труп с поезда, затем сошел в Брэкхемптоне, а через некоторое время, возможно, в тот же самый вечер, пришел на место и увез труп. Но что он делал потом? Он мог увезти его куда угодно.

— Нет, не куда угодно, — ответила мисс Марпл.

— Боюсь, что вы не проанализировали эту историю до логического завершения, моя дорогая мисс Айлесбэроу.

— Зовите меня просто Люси. А почему вы думаете, что он не мог увезти труп в другое место?

— Просто он не стал бы все усложнять понапрасну, когда намного легче и безопаснее убить женщину где-нибудь в укромном месте и уже

оттуда везти труп. Вы еще не совсем поняли?

Люси перебила ее:

— Вы считаете, что это заранее продуманное преступление?

— Вначале я так не думала, — сказала мисс Марпл. — Все слишком походило на крупную ссору: мужчина, потеряв над собой контроль, задушил эту женщину. А потом, столкнувшись с проблемой трупа, решил ее в течение нескольких минут. Но уж очень много благоприятных стечений обстоятельств: и женщина убита в припадке ярости, и он видит из окна вагона крутой поворот именно в таком месте, где можно отделаться от трупа, и полная уверенность, что позднее можно вернуться к этому месту и убрать труп. Нет, если бы он выбросил труп здесь случайно, его бы обнаружили давным-давно.

Она замолчала. Люси в упор, неотрывно, смотрела на нее.

— Понимаете, — сказала мисс Марпл, — очень хитроумно придумано — осуществить убийство именно таким образом; значит, оно тщательно продумано и взвешено. Убийство в поезде в какой-то степени заметает следы. Убить ее в доме или гостинице опасней: всегда найдутся люди, которые заметят, когда он входит или выходит из

дома. В пригороде могут заметить номер машины. А в поезде едет много пассажиров. В вагоне, где нет коридора, тем более легко это сделать, оставшись один на один с женщиной. Нет, он хорошо знал, каковы будут его последующие действия. Более того, он хорошо знал Рутерфорд-холл. Я имею в виду его географическое местоположение, его изолированность. Рутерфорд-холл представляет собой своеобразный островок, окруженный железной дорогой.

— Действительно, — согласилась Люси. — Рутерфорд-холл — это какой-то осколок прошлого. Шумная и суетливая городская жизнь бурлит вокруг, но совсем не затрагивает его. По утрам приходят только разносчики продуктов, и все.

— Итак, мы должны согласиться, что убийца в тот самый вечер был в Рутерфорд-холле. Было темно, когда он сбросил с поезда труп, и никто не мог найти его раньше следующего утра.

— Да, правильно.

— Убийца приехал… но как? На машине? По какой дороге?

Люси задумалась:

— Вдоль фабричной стены идет небольшая тропинка. Очевидно, он пришел оттуда, прошел под железнодорожным мостом на вторую боковую

дорогу, ведущую из Рутерфорд-холла. Затем он перелез через забор, прошел внизу возле насыпи, отыскал труп и отнес его в машину.

— И затем, — сказала мисс Марпл, — он должен был увезти его в какое-то место, которое он заранее подготовил. Нет, он заранее все продумал. Я не считаю, что он увез труп из Рутерфорд-холла, а если увез, то совсем недалеко. Можно предположить, что он захоронил его где-нибудь поблизости.

Она вопрошающе взглянула на Люси.

— Может быть, вы и правы, — сказала Люси, — но это не так-то просто сделать.

Мисс Марпл согласилась с ней.

— Он не мог закопать тело в парке, там вскопанная земля сразу бросится в глаза. А есть в поместье участки, где земля была уже вскопана?

— Да, в садике возле кухни. Но это очень близко к домику садовника. И хотя он старый и глухой, все равно там прятать труп рискованно.

— А собака есть?

— Нет.

— В таком случае, может быть, в сарае или во флигеле?

— Конечно, это проще и быстрее… Там много заброшенных старых построек: развалившийся

свинарник, конюшни, сараи для хранения упряжи и сбруй, мастерские, к которым никто даже близко не подходит. Или он просто забросил труп в заросли рододендронов или в кусты?

Мисс Марпл кивнула:

— Да, думаю, что это вероятнее всего.

В дверь постучали, и в комнату вошла хмурая Флоренс с подносом в руках.

— Как хорошо, что вас пришли навестить, — сказала она мисс Марпл. — Я испекла лепешки по своему собственному рецепту, вы их когда-то так любили.

— Флоренс всегда печет что-нибудь необыкновенно вкусное к чаю, — сказала мисс Марпл.

Флоренс от такой похвалы вдруг расплылась в улыбке, которой от нее никак нельзя было ожидать, и поспешила выйти из комнаты.

— Надеюсь, дорогая, — сказала мисс Марпл, — за чаем мы больше не будем говорить об убийстве. Уж очень неприятная тема!

Выпив чай, Люси встала:

— Я поеду. Как я уже вам говорила, в Рутерфорд-холле нет человека, которого мы с вами ищем как убийцу. Там живут только старик и женщина средних лет, да еще старый глухой садовник.

— А я и не говорила, что он там живет, — ска-

зала мисс Марпл. — Я лишь имела в виду, что этот человек хорошо знает Рутерфорд-холл. Но вы найдите вначале труп.

— Похоже, вы уверены, что я его найду, — сказала Люси. — Я-то сама настроена не так оптимистично.

— Убеждена, что найдете, моя дорогая Люси. Вы такая энергичная.

— Может быть, в чем-то другом, но опыта поисков трупов у меня нет.

— Единственное, что требуется, — здравый смысл, — сказала мисс Марпл ободряюще.

Люси рассмеялась, мисс Марпл улыбнулась ей в ответ.

На следующий день Люси приступила к систематическим поискам. Она заглянула во флигели, обследовала кусты шиповника у старого свинарника и уже осматривала котельную под оранжереей, когда вдруг услышала сухой кашель. Она обернулась и увидела старого садовника Хилмэна, неодобрительно глядевшего на нее.

— Будьте осторожны, а то можете серьезно пострадать, мисс, — сказал он. — Ступеньки совсем сгнили. Вот вы только что были на чердаке. А половицы там совсем никудышные.

Люси изо всех сил старалась не показать своего

замешательства.

— Вам, наверное, показалось, будто я чересчур любопытна, но я просто хотела узнать, нельзя ли как-нибудь использовать эту пристройку, ну, скажем, для разведения грибов, а потом продавать их. Тут все брошено на произвол судьбы.

— Для этого есть хозяин, — сказал старик. — Но он не хочет потратить и пенни. Тут надо иметь двух работников, да еще мальчика, чтобы содержать все в надлежащем порядке. Но он и слышать не хочет. Уж я ли не старался уговорить его купить косилку с моторчиком. Так нет, он хочет, чтобы я всю траву перед домом косил своими руками, вот!

— Но если от этого места можно получить доход?.. Правда, нужно кое-что подремонтировать.

— Да разве от этого получишь доход? Слишком все запущено. А его ничего не волнует. Он думает только об одном — как бы побольше скопить денег. Да еще хорошо знает, что произойдет, когда его уже не станет. Молодые люди все продадут, как можно скорее. Они только и ждут, когда он помрет. Они собираются получить в наследство кругленькую сумму после его смерти, я слышал это.

— Мне кажется, он очень богатый человек, —

сказала Люси.

— Все они с причудами, эти Крекенторпы. Старик, отец мистера Крекенторпа, разбогател и построил этот дом. А тверд был, говорят, как скала, и никогда не забывал обид. Но вместе с тем он был человеком широким, не мелочным. Говорят, что в обоих своих сыновьях он разочаровался. Дал им образование и вырастил как джентльменов, Оксфорд и все такое. Но они стали уж очень джентльменами и не захотели заниматься делами. Младший женился на актрисе и погиб пьяный в автомобильной катастрофе. А старшего, который сейчас хозяин, отец никогда особенно не любил, Он много жил за границей, покупал очень много всяких языческих божков и присылал домой. В молодости он не был таким скрягой, это пришло потом. Нет, они никогда не ладили друг с другом, он и отец. Так говорят.

Люси слушала с видимым интересом. Старик стоял, прислонившись к стене, и готовился дальше продолжать свое повествование. Видно, ему куда приятнее было говорить, чем работать.

— Он умер перед войной, этот старый джентльмен. Ну, и характер же! Не дай бог, кто скажет ему дерзкое слово. Век будет помнить. А после его смерти мистер Крекенторп приехал сюда уже

насовсем. Он и его сыновья, да. Они уже стали все взрослыми.

— Но как же так?.. А, понимаю, вы говорили о войне четырнадцатого года?

— Да нет. Он умер в 1928 году.

Люси поняла, что он называл 1928 год «перед войной».

Она сказала:

— Мне кажется, вы хотите продолжить свою работу, не буду вам больше мешать.

— Да ну, — сказал старик Хилмэн без всякого энтузиазма, — не очень-то много сделаешь в это время дня. Свет уже очень плохой.

Люси пошла обратно, остановившись лишь разглядеть как следует заросли азалий и березовую рощу, через которую проходила.

Войдя в дом, Люси увидела Эмму Крекенторп, которая стояла в холле и читала письмо. Только что принесли вечернюю почту.

— Завтра мой племянник приезжает со школьным товарищем. Комната Александра над крыльцом. А соседняя комната как раз хороша для Джеймса Стоддат-Уэста. Они будут пользоваться ванной, которая находится напротив.

— Хорошо, мисс Крекенторп. Я прослежу, чтобы приготовили комнаты для них.

— Они приедут утром, до обеда. — Она замялась. Наверное, будут голодны.

— Да, уж конечно, — сказала Люси. — Приготовить им ростбиф? И еще, может, торт с патокой?

— Да, Александр очень любит торт с патокой.

Юноши приехали на следующее утро. Оба были аккуратно причесаны, у обоих какие-то необыкновенно ангельские лица и безукоризненные манеры. У Стоддат-Уэста — светлые волосы и голубые глаза. Александр Истлеу оказался шатеном и носил очки. За обедом они серьезно рассуждали о новостях спорта, временами говорили о литературе по космосу. Держались, как пожилые профессора, обсуждавшие находки времен палеолита. По сравнению с ними Люси чувствовала себя совсем юной.

Мясное филе исчезло в мгновение ока, торт с патокой был съеден до последней крошки.

Мистер Крекенторп нахмурился.

— Вы вдвоем вконец объедите меня и разорите.

Александр взглянул на него с укором своими голубыми глазами.

— Хорошо, мы будем есть только хлеб и сыр, дедушка, если мясо вам не по карману.

— Не по карману? Мне все по карману. Я просто

не люблю излишеств.

— Мы не излишествовали, сэр, — сказал Стоддат-Уэст, глядя в тарелку, которая ясно подтверждала его мысли.

— Вы, мальчики, оба едите в два раза больше меня.

— А мы растем, — объяснил ему Александр, — и нуждаемся в большом количестве белков.

Старик что-то промычал в ответ. Молодые люди вышли из-за стола, и Люси услышала, как Александр, извиняясь, говорил своему другу:

— Не обращай на него внимания. Он сидит на диете, это делает его немного странным. К тому же он страшно скупой — своего рода старческий маразм.

Стоддат-Уэст ответил понимающе:

— У меня тетка все время думала, что скоро разорится. В действительности у нее оказалась куча денег. Врач сказал, что это патология. А ты захватил с собой футбольный мяч, Алекс?

Убрав стол и вымыв посуду, Люси вышла из дома. Она слышала голоса юношей на лужайке и пошла в противоположном направлении по дороге, а затем свернула к зарослям рододендронов. Она начала тщательно осматривать их, раздвигая ветви и вглядываясь в гущу, методиче-

ски переходя от одного куста к другому и помогая себе клюшкой для гольфа. Вежливый голос Александра Истлеу заставил ее вздрогнуть.

— Вы что-то ищете, мисс Айлесбэроу?

— Шар от гольфа, — сказала Люси поспешно. — И даже не один, а несколько. Часто после полудня я тренируюсь и растеряла уже много шаров. А сегодня решила найти хоть часть из них.

— Мы вам поможем, — сказал Александр услужливо.

— Это очень мило с вашей стороны, а я думала, что вы играете в футбол.

— Долго в футбол играть нельзя, — сказал Стод дат-Уэст. — Становится очень жарко. А вы много играете в гольф?

— Я очень люблю эту игру, но играть доводится нечасто.

— Я так и думал. Вы здесь занимаетесь приготовлением пищи?

— Да.

— Это вы готовили сегодняшний обед?

— Да. Вам понравилось?

— Вы просто волшебница, — сказал Александр. — У нас в колледже отвратительно кормят. Все пересушенное, пережаренное, а я люблю филе розовое, с соком внутри. И торт с патокой

тоже оказался прелесть.

— Скажите мне, что вы больше всего любите?

— А можно как-нибудь сделать яблочную меренгу? Это мое самое любимое блюдо.

— Конечно.

Александр вздохнул счастливо.

— У нас под лестницей целый набор для игры в гольф, мы можем установить его на лужайке и немного погонять шары. Как ты на это смотришь, Стоддат?

— Здо-о-ррово!!! — ответил Стоддат-Уэст.

— Нет, он не австралиец, — объяснил Александр учтиво. — Он так говорит, чтобы его на будущий год родные взяли на первенство по футболу.

Мальчики отправились за набором для гольфа. Возвращаясь в дом, Люси увидела, как они расставляли на лужайке приспособления для игры и спорили о том, как расставлять цифры.

— Не нужно их ставить по часовой стрелке, — сказал Стоддат-Уэст. — Это детская забава. Давай поставим их в линию. Длинные лунки, короткие. Жаль, что числа такие ржавые, еле видно.

— Их нужно выкрасить белой краской, — сказала Люси. — Неплохо достать немного и выкрасить.

— Хорошая мысль, — лицо Александра засветилось. — Послушай-ка, у нас несколько старых банок краски оставили маляры в Длинном сарае, когда красили в последний раз. Пойдем, посмотрим?

— А что это такое, Длинный сарай?

Александр показал на длинное каменное строение, стоявшее в стороне от дома.

— Он очень старый, — сказал он. — Дедушка назвал его Длинным сараем. Он говорит, что сарай построен в эпоху королевы Елизаветы, но это просто хвастовство. Он принадлежал ферме, которая стояла здесь когда-то давно. Мой прадедушка снес ферму и построил вместо нее этот ужасный дом.

Потом он добавил:

— Большая часть коллекции дедушки находится именно в этом сарае. Там всякие древности, которые он присылал из-за границы, когда был молодым. Многие из них довольно страшные, к тому же Длинный сарай иногда использовали для игры в вист, для собраний Общества женщин и тому подобных вещей.

— Пойдемте и поглядим на него.

Люси охотно последовала за юношами. Дверь сарая большая, дубовая, была усеяна множеством

гвоздей с крупными шляпками.

Александр поднял руку и достал ключ, который висел на гвозде под плющом справа от двери, повернул ключ в замке, распахнул дверь, и они вошли внутрь.

С первого же взгляда Люси почувствовала, что попала в своеобразный плохой музей. Головы двух римских императоров из мрамора смотрели на нее своими выпуклыми глазами, тут же стоял огромный саркофаг периода упадка греко-римской культуры. Улыбающаяся Венера красовалась на пьедестале, придерживая спадающее одеяние. Здесь же стояли два громоздких стола, несколько стульев, поставленных один на другой, различная утварь наподобие ржавой ручной косилки, корзины, два изъеденных молью сиденья от автомашины и выкрашенная в зеленую краску железная садовая скамейка с отломанной ножкой.

— Мне кажется, я видел краску где-то здесь, — сказал рассеянно Александр.

Он прошел в угол и отдернул подобие занавески, которая отделяла этот угол от остального. Они нашли две банки краски и высохшие жесткие кисти.

— Вам еще понадобится олифа, — сказала Лю-

си.

Но олифы они так и не нашли. Юноши предложили съездить куда-нибудь на велосипедах и купить ее, и Люси одобрила это. На какое-то время, думала она, это развлечет их. Юноши направились к выходу, оставив Люси в сарае одну.

— Да, здесь надо бы немного прибрать, — пробормотала она.

— Не беспокойтесь об этом, — посоветовал ей Александр. — Здесь приберут, когда сарай понадобится. Но обычно в это время года он никогда не используется.

— А ключ повесить опять у входа? Он всегда там находится?

— Да. Вы сами видите, здесь ничего ценного. Никто не позарится на этих ужасных мраморных богинь, да и весят-то они — дай бог!

Люси согласилась. Она вряд ли могла разделить вкусы старого мистера Крекенторпа в области искусства; у него был какой-то безошибочный инстинкт на самые скверные произведения любой эпохи.

Когда юноши ушли, она немного постояла, осматриваясь вокруг. Взгляд ее остановился на саркофаге.

Этот саркофаг…

Воздух в сарае чуть затхлый, как всегда, когда помещение долго не проветривают. Она подошла к саркофагу. Тяжелая крышка плотно закрывала его. Люси смотрела на нее, раздумывая. Потом вышла из сарая, на кухне отыскала лом.

Да, Люси трудилась настойчиво. Медленно, очень медленно крышка начала подниматься под действием лома. Наконец она поднялась настолько, что Люси могла заглянуть внутрь.

Глава 6

Через несколько минут чуть побледневшая Люси вышла из сарая, заперла дверь и повесила ключ обратно на гвоздь. Она быстро прошла к конюшням, вывела свою машину и поехала по боковой дороге. В конце дороги была почта. Люси остановила возле нее машину, вошла в телефонную будку, опустила монету и набрала номер.

— Я бы хотела поговорить с мисс Марпл.

— Она отдыхает, мисс. Это говорит мисс Айлесбэроу?

— Да.

— Я не собираюсь ее тревожить, мисс. Она старая женщина и нуждается в отдыхе…

— Вы должны потревожить ее. Это очень важно.

— Нет, я не буду…

— Пожалуйста, сделайте сразу же то, о чем я вас прошу.

Когда нужно, голос Люси становился твердым, как сталь. И Флоренс, почувствовав властность, подчинилась.

Через несколько минут послышался голос мисс

Марпл:

— Слушаю, Люси.

У Люси вырвался глубокий вздох.

— Вы были совершенно правы, — сказала она. — Я нашла.

— Труп женщины?

— Да. Женщина в меховом пальто. Труп находится в саркофаге в сарае-музее около дома. Что мне делать дальше? Сообщить в полицию?

— Да. Сообщите в полицию. Сейчас же.

— А как остальные? Как вы? Первое, что они захотят узнать, зачем я поднимала без особой причины крышку этого саркофага, которая весит тонны. Мне что-нибудь выдумать? Я могу.

— Нет, — сказала мисс Марпл тихим, но серьезным тоном, — единственно, что нужно, — это рассказать правду.

— И о вас?

— Обо всем.

И вдруг на побледневшем лице Люси промелькнула улыбка.

— Мне ничего не стоит так сделать, — сказала она. — Но я могу себе представить: им это покажется весьма неправдоподобным!

Она положила трубку, подождала немного и позвонила в полицейский участок.

— Я только что обнаружила труп в саркофаге в Длинном сарае в Рутерфорд-холле.

— Что, что?

Люси повторила фразу и, предвидя следующий вопрос, назвала свое имя.

Она поехала обратно, поставила на место машину и вошла в дом. В холле она на мгновение остановилась в раздумье. Потом быстро и решительно кивнула головой и направилась прямо в библиотеку, где мисс Крекенторп помогала отцу решать кроссворд из «Таймса».

— Могу я на минуту оторвать вас, мисс Крекенторп? Мне нужно с вами поговорить.

Эмма посмотрела на нее, и в глазах у нее появилось понимающее выражение. В таком тоне знающая себе цену домашняя прислуга обычно объявляла о своем немедленном уходе.

— Ну-ну, говорите, девушка, выкладывайте, что у вас стряслось? — сказал раздраженно старик Крекенторп.

Люси сказала, обратившись к Эмме:

— Я бы хотела поговорить с вами наедине, если можно.

— Чепуха! — сказал мистер Крекенторп. — Выкладывайте прямо здесь, что хотите сказать.

— Одну минуту, отец, — сказала Эмма, подняв-

шись и направляясь к двери.

— Все это чепуха. Подождите, потом расскажете, — проворчал со злостью старик.

— Боюсь, что это не может ждать, — ответила Люси.

— Что за наглость, — проворчал мистер Крекенторп.

Эмма вышла в холл за Люси, закрыв за собой дверь.

— Ну, в чем дело? — спросила Эмма. — Если вам кажется, что работы прибавилось из-за мальчиков, я буду вам помогать и…

— О, здесь совсем другое, — сказала Люси. — Я не хотела говорить в присутствии вашего отца, он больной человек, и для него это большой удар. Дело в том, что я обнаружила труп женщины в том большом саркофаге, который стоит в Длинном сарае.

Эмма впилась в нее широко открытыми от изумления глазами.

— В саркофаге? Труп женщины? Это невозможно!

— Это чистая правда. Я уже позвонила в полицию. Скоро они будут здесь.

На щеках Эммы появился чуть заметный румянец.

— Нужно было сначала сказать мне, прежде чем ставить в известность полицию.

— Простите, — сказала Люси.

— Я не слышала, чтобы вы звонили по телефону.

Взгляд Эммы скользнул по телефонному аппарату, стоявшему на столике в холле.

— Я звонила с почты в конце боковой дороги.

— Но как все это странно! А почему не отсюда?

Люси быстро придумала ответ.

— Я боялась, что где-нибудь поблизости мальчики. И если бы я звонила отсюда, из холла, они бы услышали…

— Так… Да… Понимаю… Они уже едут сюда? Я имею в виду полицию?

— Они уже здесь, — сказала Люси, услышав около двери скрежет тормозов автомашины. Дверной звонок гремел по всему дому.

— Я очень и очень сожалею, что вынужден был пригласить вас сюда, — сказал инспектор Бэйкен, выходя из сарая и держа Эмму Крекенторп под руку. Эмма была бледна, она казалась больной, но шла твердой походкой, выпрямившись.

— Я могу поклясться, что раньше никогда в жизни не видела этой женщины.

— Мы вам очень благодарны, мисс Крекенторп.

Это все, что я хотел от вас услышать. Вам, очевидно, нужно лечь в постель?

— Я должна идти к отцу. Как только я узнала об этом, я тут же позвонила доктору Куимперу. Сейчас доктор с ним.

Когда они проходили вдоль холла, из библиотеки вышел доктор Куимпер. Этот высокий добродушный общительный человек с обычно бесцеремонными манерами весьма нравился пациентам.

Он и инспектор поклонились друг другу.

— Мисс Крекенторп перенесла это неприятное поручение очень стойко, — сказал Бэйкен.

— Молодец, Эмма, — сказал доктор, похлопав ее по плечу. — Вы умеете делать дела, я это всегда говорил. С отцом все в порядке. Зайдите к нему и немного поговорите. А потом идите в столовую и выпейте рюмочку бренди. Это я прописываю как врач.

Эмма благодарно улыбнулась и пошла в библиотеку.

— А женщина эта с изюминкой, — сказал доктор, глядя ей вслед. — До чего жаль, что она не замужем. Видно, таков удел единственной женщины в семье, где все мужчины. Вторая сестра поступила куда хитрее, она выскочила замуж

в семнадцать. А эта женщина действительно хороша собой. Она была бы чудесной женой и матерью.

— А мне кажется, она слишком уж привязана к своему отцу, — сказал инспектор Бэйкен.

— Она не только преданна. У нее есть еще и врожденная способность делать мужчин счастливыми, которой обладают немногие женщины. Ее отцу нравится быть больным, она и не разубеждает его. Так же она ведет себя с братьями. Гедрик считает себя хорошим художником. Она не мешает ему так думать. Этот, — как его там зовут? — Гарольд знает, как сильно она считается с его мнением. Она разрешает Альфреду шокировать ее разными историями о своих похождениях. Да, да, она умная женщина. Ну, ладно. Могу я быть вам чем-нибудь полезен? Хотите, я взгляну, что там сделал с трупом ваш полицейский хирург Джонстон, может быть, я опознаю в ней одну из моих пациенток?

— Да, доктор, хорошо, если бы вы взглянули. Мы хотим опознать ее. Мне кажется, для мистера Крекенторпа в его возрасте это будет слишком сильным потрясением.

— Потрясением? Чепуха! Он никогда не простит ни вам, ни мне, если вы не разрешите ему

взглянуть. Он весь в ожидании — это самая невероятная вещь, которая произошла за последние пятнадцать-двадцать лет. Нет, на него это не повлияет.

— Значит, с ним на самом деле не так уж плохо?

— Ему семьдесят два года, — сказал доктор. — Вот и все. У него случаются приступы ревматизма, а у кого их сейчас не бывает? Сам он называет это артритом. После еды у него сердцебиение, что тоже не удивительно — он все относит к болезни сердца. Но он всегда делает то, что хочет. А тот, кто действительно безнадежно болен, уговаривает меня, что абсолютно здоров. У меня много таких пациентов. Пойдемте, посмотрим на труп, хотя это не очень-то приятно.

— Джонстон пришел к заключению, что она умерла недели две-три тому назад.

— Тогда это тем более неприятно.

Доктор стоял у открытого саркофага и смотрел с откровенным любопытством, его профессиональные качества позволяли ему проявлять интерес и к тому, что он называл «неприятным».

— Нет, это не моя пациентка. Я даже не помню, чтобы видел ее где-нибудь в Брэкхемптоне. А она была совсем недурна. Да, здорово ее здесь

пристроили.

Они снова вышли на воздух. Затем доктор Куимпер взглянул на всю постройку.

— Нашли ее в этом, — как они его называют? — Длинном сарае, в саркофаге? Фантастично! А кто нашел?

— Мисс Люси Айлесбэроу.

— А, это новая служанка, что помогает в домашних делах! А что она делала около саркофага?

— Об этом, — сказал сухо инспектор Бэйкен, — как раз я и собираюсь ее спросить. А теперь, как нам быть с мистером Крекенторпом? Может быть, вы…

— Я его сейчас приведу.

Мистер Крекенторп, закутанный в платки, пришел в сопровождении доктора.

— Позор! — сказал он. — Настоящий позор. Я привез этот саркофаг из Флоренции в… дайте-ка вспомнить… должно быть, в 1908, а может, в 1909 году.

— Ну, а теперь возьмите себя в руки, — сказал доктор. — Знаете, зрелище не будет приятным.

— Не имеет значения, что я сильно болен. Я должен выполнить свой долг.

Краткий визит в Длинный сарай, тем не менее, затянулся. Мистер Крекенторп вышел из сарая,

волоча ноги.

— Никогда не видел ее раньше, никогда в жизни! — сказал он. — Но что все это значит? Настоящий позор! Да, я вспомнил, я привез его не из Флоренции, а из Неаполя. Прекрасное произведение искусства. И какая-то дура забралась сюда, чтобы убить себя.

Вдруг он стал хватать себя за лацканы пальто с левой стороны.

— Это слишком неприятно для меня… Сердце… Где Эмма? Доктор…

Доктор Куимпер прослушал пульс.

— Все в порядке, — сказал он. — Не волнуйтесь, я пропишу вам немного взбадривающего бренди.

Они вместе ушли по направлению к дому.

— Сэр. Прошу вас, сэр.

Инспектор Бэйкен обернулся. Совершенно запыхавшиеся, приехали ка велосипедах юноши. На лицах у них была мольба.

— Пожалуйста, сэр, нельзя ли и нам взглянуть на труп?

— Нет, нельзя, — отрезал инспектор Бэйкен.

— О, сэр, пожалуйста, сэр. Ведь никто ее не знает, а мы, может быть, узнаем. О, пожалуйста, сэр, будьте так добры. Так ведь несправедливо.

Здесь, в нашем собственном сарае, произошло убийство. Этот случай для нас может никогда больше не повториться. Будьте добры, сэр.

— А кто вы такие?

— Я — Александр Истлеу, а это мой друг Джеймс Стоддат-Уэст.

— Видели ли вы когда-нибудь в этих местах блондинку в светлой крашеной беличьей шубе?

— Я, право же, не помню, — сказал хитро Александр. — Вот если бы мы могли взглянуть…

— Пустите их туда, Сандерс, — сказал инспектор Бэйкен констеблю, стоявшему у двери сарая. — Не такие уж они маленькие!

— О, сэр, спасибо, сэр, — закричали оба мальчика. — Это очень любезно с вашей стороны, сэр.

Бэйкен повернулся и пошел по направлению к дому.

— А теперь, — сказал он сам себе мрачно, — очередь за вами, мисс Айлесбэроу!

Направив полицию к Длинному сараю и кратко рассказав о том, что она делала, Люси отошла на задний план; но у нее не было никаких иллюзий в отношении того, что полиция не займется ею снова.

Она только что закончила чистить картошку, которую собиралась поджарить, когда инспектор

Бэйкен вызвал ее. Отставив в сторону большую кастрюлю с подсоленной холодной водой и нарезанной картошкой, Люси пошла вслед за полицейским к инспектору. Она села и спокойно ждала вопросов.

Она назвала имя, свой адрес в Лондоне и добавила уже от себя:

— Я могу назвать имена людей и адреса, где вы сумеете справиться обо мне, если захотите узнать обо мне подробнее.

Имена произвели впечатление: адмирал военно-морского флота, ректор Оксфордского колледжа и жена баронета, имеющего орден Британской империи.

Инспектор Бэйкен был поражен.

— Итак, мисс Айлесбэроу, вы пошли в Длинный сарай для того, чтобы поискать краску. Так? А отыскав краску, вы взяли лом, подняли крышку этого саркофага и обнаружили труп. Что вы искали в саркофаге?

— Я искала труп, — ответила Люси.

— Вы искали труп, и вы его нашли? Не кажется ли вам, что это звучит немного странно?

— Да, весьма странная история. Может быть, разрешите рассказать вам по порядку?

— Я думаю, так будет лучше всего.

Люси обстоятельно рассказала обо всех событиях, приведших ее к столь сенсационному открытию. Инспектор подвел итог тоном, полным возмущения:

— Значит, какая-то пожилая дама специально наняла вас для того, чтобы, устроившись здесь работать, вы обыскали весь дом и окрестности с целью обнаружения трупа? Я вас правильно понял?

— Да.

— Кто эта пожилая дама?

— Мисс Джейн Марпл. В настоящее время она живет в доме № 4 по Мэдисон-роуд.

Инспектор записал ее адрес и фамилию.

— Вы надеетесь, я поверю этой истории?

Люси тихо ответила:

— Очевидно, нет, до тех пор, пока не расспросите мисс Марпл и не получите от нее подтверждения.

— Я, конечно, расспрошу эту мисс Марпл. Она, должно быть, давно уже выжила из ума.

Люси подумала, что когда человек прав, это вовсе не подтверждает его умственной неполноценности. Вместо этого она сказала:

— Что вы предлагаете мне сказать мисс Крекенторп? Я имею в виду — о себе.

— А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Видите ли, что касается мисс Марпл, то я выполнила ее задание. Я отыскала труп, который она хотела отыскать. Но я еще нанята на работу у мисс Крекенторп, к тому же сейчас в доме находятся двое голодных мальчиков и, возможно, вскоре сюда приедет еще кто-нибудь из членов семьи из-за всех этих неприятностей. Ей сейчас нужна помощь в домашних делах. Если вы расскажете Эмме, что я согласилась работать только для поисков трупа, она, вернее всего, выгонит меня. В противном же случае я смогу продолжать свою работу и быть ей полезной.

Инспектор сурово посмотрел на нее.

— Сейчас я ничего не скажу, я еще не проверил правильности вашей версии и еще не уверен, что вы ее не придумали.

Люси встала.

— Спасибо. Тогда я пойду продолжать свои дела.

Глава 7

— Лучше нам вызвать сюда кого-нибудь из Скотланд Ярда, Бэйкен. Вы ведь об этом думаете?

Начальник полиции города вопросительно взглянул на инспектора Бэйкена. Инспектор — большой плотный человек, выражение его лица такое, будто людская масса внушает ему полное отвращение.

— Эта женщина не здешняя, сэр, — сказал он. — Есть основания полагать по ее нижнему белью, что она иностранка. Конечно, — быстро добавил инспектор Бэйкен, — до некоторых пор я об этом не говорю, пока не проведено следствие.

Начальник полиции кивнул головой.

— Следствие будет, как я думаю, простой формальностью?

— Да, сэр. Я встречался со следователем.

— И на какое время назначено следствие?

— На завтра. Я думаю, другие члены семьи Крекенторп приедут, и один из них сумеет опознать ее.

Он посмотрел на список, который держал в руке.

— Гарольд Крекенторп что-то делает в Сити, очень важное лицо, как мне кажется. Альфред — я не очень хорошо знаю, чем он занимается. Гедрик живет за границей. Ну и разнообразие!

Инспектор произнес это со зловещей значимостью. Начальник полиции усмехнулся, спрятав улыбку в усы.

— Нет причин думать, что семья Крекенторп связана с этим преступлением… Как вы думаете? — спросил он.

— Если не считать, что тело обнаружено в их владениях, — сказал инспектор Бэйкен. — И, конечно, вполне возможно, что этот художественный член семьи может опознать ее. Чего я не постиг, так это болтовни о поезде.

— Ах, да. Вам еще нужно увидеть эту старую даму, эту… как ее? — он посмотрел на памятку, лежавшую на столе, — мисс Марпл.

— Да, сэр. Она совершенно непоколебимо и решительно стоит на своем. Я не знаю, спятила она с ума или нет, но она утверждает, что ее приятельница видела это и все такое прочее. Осмелюсь доложить, что пока, насколько показывают факты, ее рассказ можно считать просто фантазией. Нечто такое обычно воображают дамы: летающие блюдца над своим садом или

русских агентов, когда начитаются книг из библиотеки. Единственно, что вполне определенно, она наняла молодую женщину, которая здесь помогает по хозяйству, и велела ей искать труп, что она и делала.

— И нашла его, — заметил начальник полиции. — Да, это очень удивительная история… Марпл, мисс Марпл, эта фамилия мне откуда-то знакома… Но как бы то ни было, я сообщу об этом в Скотланд Ярд. Думаю, мы правы, не считая это событием местного значения. Впрочем, пока о нем не будем очень распространяться. В газеты сообщим как можно меньше.

Следствие носило чисто формальный характер. Никто не сумел опознать убитую женщину. Люси дала свидетельские показания о том, как нашла труп. Медицинская экспертиза установила, что причиной смерти было удушение. На этом разбирательство на месте закончилось.

Стоял холодный ветреный день, когда вся семья Крекенторп вышла из зала, где проходило следствие.

Все пять человек дали свои показания — Эмма, Гедрик, Гарольд, Альфред и Брайен Истлеу, муж умершей Эдит Крекенторп. Вместе с ними был и мистер Уимборн, старший партнер фирмы

адвокатов, которая вела юридические дела семьи Крекенторп. Его специально вызвали из Лондона, и он испытывал огромное неудовольствие оттого, что ему пришлось присутствовать на следствии.

Все остановились на тротуаре, дрожа от холода. Сразу собралась довольно большая толпа. Любопытные детали о «трупе в саркофаге» широко публиковали в лондонской и местной печати.

Послышался шепот:

— Вот они.

— Пойдемте отсюда, — сказала Эмма резко.

Большая машина марки «Даймлер», взятая напрокат, подъехала к обочине тротуара. Эмма села в нее и сделала жест рукой, приглашая Люси. Вместе с ними сели мистер Уимборн, Гедрик и Гарольд. Брайен Истлеу сказал:

— Я с Альфредом поеду в своей маленькой машине.

Шофер захлопнул дверцу, и «Даймлер» уже тронулся, когда Эмма крикнула:

— О, подождите! Вон там мальчики!

Мальчиков, несмотря на их настойчивые протесты, оставили в Рутерфорд-холле, а они вдруг появились здесь, перешептываясь друг с другом.

— Мы приехали на велосипедах, — сказал Стоддат-Уэст. — Полицейский был очень добр,

разрешил нам войти и сесть в конце зала. Я надеюсь, вы ничего не имеете против, мисс Крекенторп? — спросил он учтиво.

— Она ничего не имеет против, — ответил Гедрик за сестру. — Только вы еще слишком молоды. Я думаю, что вам впервые пришлось побывать на следствии?

— А, все это не очень интересно, — сказал Александр. — Так быстро закончилось.

— Мы не можем стоять здесь и болтать, — сказал раздраженно Гарольд. — Посмотрите, какая собралась толпа. Да еще эти люди с фотоаппаратами.

Он подал знак, и шофер отъехал от тротуара. Мальчики весело помахали им вслед.

— Так быстро закончилось — вот о чем они думают. О, юная простота, — сказал Гедрик. — У них все только начинается.

— Это так неприятно. Ужасно неприятно, — сказал Гарольд, — я думаю, что…

Он посмотрел на мистера Уимборна, который сидел, плотно сжав свои тонкие губы, и от неудовольствия качал головой.

— Надеюсь, — сказал он нравоучительно, — что эта история будет скоро и благополучно разгадана. Полиция действует сейчас довольно

квалифицированно. Конечно, история, как сказал Гарольд, чрезвычайно неприятная.

Говоря это, он взглянул на Люси, и в его взгляде сквозило явное неодобрение ее действий. «Не будь этой молодой особы, — казалось, говорили его глаза, — которая сует свой нос туда, куда не следует, ничего бы не произошло».

Такие же мысли, или очень близкие к ним, прозвучали и в голосе Гарольда.

— Кстати, э… мисс… э… э… Айлесбэроу, что заставило вас заглянуть в этот саркофаг?

Люси давно уже ждала, когда такая мысль придет в голову кому-нибудь из членов семьи. Она знала, что полиция спросила бы ее об этом в первую очередь. Казалось странным, что этот вопрос не пришел никому из них в голову раньше.

Гедрик, Эмма, Гарольд и мистер Уимборн, — все разом посмотрели на нее. Ее ответ, в какой бы форме он сейчас ни подавался, конечно, был давно обдуман.

— Право же, — сказала она неуверенным голосом, — не знаю… Я просто хотела везде убрать и вычистить. И к тому же, — она опять заколебалась, — там стоял такой странный и неприятный запах…

Она ясно почувствовала, как все вздрогнули.

Мистер Уимборн пробормотал:

— Да, да, конечно… Полицейский хирург сказал, что три недели… Знаете, всем нам нужно попытаться больше не думать об этой истории. — Он подбадривающе улыбнулся Эмме, которая оставалась очень бледной. — Имейте в виду, эта несчастная молодая женщина ничего не имела общего ни с одним из нас.

— А вы можете с уверенностью сказать это? — спросил Гедрик.

Люси Айлесбэроу с некоторым интересом посмотрела на него. Еще раньше она была заинтересована резко бросающейся в глаза разницей между тремя братьями. Гедрик оказался крупным мужчиной с обветренным лицом и резкими чертами. У него всклокоченные волосы и жизнерадостная манера общения. Он приехал из аэропорта небритый, хотя потом побрился, готовясь идти к следователю, но остался одетым все в тот же костюм, который был, по всему видно, у него единственным: старые серые фланелевые брюки и залатанный, довольно поношенный мешковатый пиджак. На жизнь он смотрел глазами человека богемы и был этим доволен.

Его брат Гарольд, напротив, выглядел истинным представителем джентльменов из Сити;

он служил директором одной очень важной компании. Он был высок ростом, держался прямо, скромно, изящно и с достоинством. Темные волосы, слегка поредевшие на висках, небольшие черные усы; темный, прекрасно сшитый безупречный костюм и серый с перламутровым отливом галстук. Он выглядел тем, кем и был на самом деле — умным, преуспевающим бизнесменом.

— Право же, Гедрик, — сказал он резко, — это совсем ненужное замечание.

— Не понимаю, почему? В конце-то концов, ее нашли в нашем сарае. Для чего она туда пошла?

Мистер Уимборн откашлялся и сказал:

— Возможно, здесь… кх… какая-то тайная встреча. Притом, все в округе знают, что ключ всегда висит у входа в сарай на гвозде.

В голосе его слышалось негодование на такую небрежность, прозвучавшее настолько ясно, что Эмма стала объяснять извиняющимся тоном:

— Все началось во время войны, когда солдаты противовоздушной обороны облюбовали себе этот сарай. Там у нас стояла маленькая спиртовка, и они варили на ней какао. А потом, ведь в сарае нет ничего, на что можно польститься, мы так и оставляли ключ на гвозде. Это удобно и для нас,

и для тех, кто приходил на собрания Общества женщин; хранить его в доме не совсем удобно, особенно, когда им хотелось заранее подготовить место для своих собраний. Ведь у нас только одна приходящая служанка и нет слуг, которые бы жили в доме…

Голос ее замер. Говорила она механически, произносила слова, объясняла, а в мыслях была где-то далеко.

Гедрик быстро взглянул на нее с недоумением.

— Ты волнуешься, Эмма? К чему это?

— Но, право же, Гедрик, — сказал Гарольд, выведенный из терпения, — как ты можешь спрашивать такое?

— Да, могу. Само собой разумеется, эта никому не известная молодая женщина сама покончила с собой в сарае Рутерфорд-холла, хоть и звучит это как мелодрама времен королевы Виктории. И, естественно, для Эммы это удар. Но ведь Эмма слыла здравомыслящим человеком, и я не понимаю, почему она теперь должна волноваться. Плюнь ты на это, ко всему можно привыкнуть.

— Некоторые привыкают к убийствам уж слишком легко. Вот, например, там, где ты живешь, — ледяным тоном сказал Гарольд. — Уверен, что на Майорке убить человека сущий пустяк и…

— Ивица, а не Майорка.

— Все равно.

— Ничего подобного. Это совсем другой остров.

Гарольд продолжал:

— Я думаю так. Хотя для тебя убийство может показаться вполне привычным явлением, потому что ты живешь среди пылких и страстных людей латинской породы, тем не менее, мы в Англии к таким вещам подходим очень серьезно…

И еще с большим раздражением добавил:

— И право же, Гедрик, появляться на людях в таком виде…

— А чем тебе не нравится мой костюм? Он очень удобный…

— Это неприлично.

— Ну, ладно. Во всяком случае, это единственный костюм, который я взял с собой. Я примчался, как сумасшедший, не упаковав сундук с костюмами, а все для того, чтобы помочь в этой истории. Я — художник, а художники любят свободную одежду.

— Ты все еще пытаешься рисовать?

— Знаешь, Гарольд, когда ты говоришь, что я пытаюсь рисовать…

Мистер Уимборн стал покашливать довольно властно.

— Эта дискуссия ни к чему, — сказал он укоризненно. — Я надеюсь, моя дорогая Эмма, вы сообщите мне до моего возвращения в город, чем я мог бы оказаться вам полезен.

Его вмешательство подействовало. Эмма быстро ответила:

— Вы очень любезны, что приехали сюда.

— Ну, что вы. Просто необходимо, чтобы кто-то присутствовал на следствии и следил за всей процедурой от имени семьи. Я уже договорился о встрече с инспектором полиции у вас в доме. Но сомневаюсь, что скоро все прояснится. А что касается меня, то мне в этой истории давно все ясно. Как Эмма сказала, ключ от Длинного сарая висел у двери, и об этом знала вся округа. Вполне вероятно, что в зимние месяцы сарай служил местом встреч для местных влюбленных. Однажды произошла ссора, и молодой человек потерял над собой контроль. В ужасе от содеянного он стал искать выход из положения, взгляд его случайно упал на этот саркофаг, и он понял, что нет лучшего места, чтобы спрятать труп.

«Да, это звучит вполне правдоподобно, — подумала про себя Люси. — Только так все могут объяснить».

— Вы говорите — местные влюбленные, — ска-

зал Гедрик. — Но никто из местных жителей не смог опознать убитую.

— Пока еще рано. Я не сомневаюсь, мы скоро получим сведения о ее личности. И вполне можно предположить, что убийца окажется местным жителем, а женщина откуда-нибудь приехала. Возможно, из другой части Брэкхемптона. Брэкхемптон теперь большой, вон как разросся за последние двадцать лет.

— Будь я на месте девушки, которая едет на свидание со своим возлюбленным, я бы никогда не согласился идти куда-то к черту на рога, в какой-то холодный заброшенный сарай, — возразил Гедрик. — Я бы постарался встретиться в более приятном месте. Можно обниматься и в кино. Вы как полагаете, мисс Айлесбэроу?

— Да нужно ли нам входить во все детали? — спросил жалобно Гарольд. Но в этот момент машина подъехала к дверям Рутерфорд-холла, и все вышли.

Глава 8

Войдя в библиотеку, мистер Уимборн слегка сощурился, когда взгляд его острых, еще не старых глаз, скользнув мимо инспектора Бэйкена, с которым он уже познакомился, упал на стоявшего позади него симпатичного белокурого молодого человека.

Бэйкен представил их друг другу.

— Это инспектор Крэддок из сыскной полиции Нового Скотланд Ярда, — сказал он.

— Хм, из Нового Скотланд Ярда? — брови мистера Уимборна поползли вверх.

Дэрмот Крэддок, у которого оказались приятные манеры, легко вступил в разговор.

— Меня вызвали сюда по известному вам делу, мистер Уимборн, — сказал он. — И так как вы представляете интересы семьи Крекенторп, я чувствую необходимость сообщить вам кое-какие конфиденциальные сведения.

Никто не смог бы лучше инспектора Крэддока, знавшего лишь небольшую часть истории, создать видимость, что знает всю правду.

— И я уверен, что инспектор Бэйкен согласится

со мной, — добавил он, бросив взгляд на своего коллегу.

Инспектор Бэйкен согласился с надлежащей важностью, не показав и вида, что все обдумано заранее.

— Дело в следующем, — начал Крэддок. — У нас имеются сведения, что убитая не является жительницей этих мест; она прибыла сюда из Лондона, незадолго до этого приехала из-за границы, скорее всего из Франции, хотя в этом мы не вполне уверены.

Брови у мистера Уимборна снова поползли вверх.

— Правда? — спросил он. — Да неужели?

— Поэтому, — продолжал инспектор Бэйкен, — начальник полиции решил привлечь к расследованию этого дела Скотланд Ярд.

— Я надеюсь лишь, что расследование проведут быстро, — сказал мистер Уимборн. — Как вы, очевидно, уже заметили, эта история принесла большие огорчения всей семье. Хотя никто из них лично ни в какой мере не имеет к ней отношения. Тем не менее…

Он на секунду умолк, но инспектор Крэддок быстро вмешался.

— Да, конечно, не очень приятно найти убитую

женщину в своих владениях. А в остальном я с вами не могу полностью согласиться. Теперь мне необходимы краткие беседы с каждым из членов семьи и…

— Я, право, не совсем понимаю…

— Что они могут мне сказать? Очевидно, ничего интересного. Но кто знает? Могу лишь с уверенностью сказать, что от вас-то, сэр, я надеюсь получить побольше сведений, которые мне нужны. Сведений об этом доме и о семье Крекенторп.

— И какое отношение они могут иметь к женщине, приехавшей из-за границы, чтобы закончить здесь свою жизнь?

— Да, конечно, и это, — сказал Крэддок. — По чему она приехала сюда? Были у нее какие-либо связи с этим домом? Не служила ли она, например, здесь прислугой? Может, служанкой у мадам? Или она приехала сюда, чтобы встретиться с кем-либо из прежних обитателей Рутерфорд-холла?

Мистер Уимборн холодно заметил, что семья Крекенторп проживает в Рутерфорд-холле со времени постройки дома Джошуа Крекенторпом в 1884 году.

— Это уже интересно, — сказал Крэддок. — Не

могли бы вы вкратце рассказать историю этой семьи?

Мистер Уимборн пожал плечами.

— Много здесь не расскажешь. Джошуа известен как фабрикант пряностей: бисквиты, соусы, маринады и тому подобное. Он скопил огромное состояние и построил этот дом. Лютер Крекенторп, его старший сын, живет здесь и поныне.

— А у него были еще сыновья?

— Да, еще один сын — Генри, он погиб в автомобильной катастрофе в 1911 году.

— А ныне здравствующий мистер Крекенторп никогда не собирался продавать дом?

— Он не может так сделать, — сухо ответил адвокат. — Из-за завещания своего отца.

— Может быть, вы расскажете о завещании?

— Но зачем?

Инспектор Крэддок улыбнулся.

— Конечно, я и сам могу посмотреть завещание в нотариальной конторе, если захочу.

Мистер Уимборн улыбнулся против своей воли чуть раздраженно.

— Совершенно верно, инспектор. Я возразил потому, что сведения, которые вы хотите получить, совсем не относятся к делу, а в завещании Крекенторпа нет ничего загадочного. Он завещал

весь немалый капитал внукам, а доходы с капитала — сыну Лютеру. Но капитал может быть поделен поровну между Эдмундом, Гедриком, Гарольдом, Альфредом, Эммой и Эдит только после смерти их отца Лютера. Теперь смотрите, Эдмунд убит на войне, Эдит умерла четыре года тому назад. Таким образом, после кончины Лютера Крекенторпа деньги разделят Гедрик, Гарольд, Альфред, Эмма и сын Эдит — Александр Истлеу.

— А дом?

— Дом переходит к старшему здравствующему сыну Лютера Крекенторпа или его наследникам.

— Был ли Эдмунд Крекенторп женат?

— Нет.

— Таким образом, имущество переходит к…

— К следующему сыну — Гедрику.

— А мистер Крекенторп сам не может распорядиться им?

— Нет.

— И он не может распорядиться капиталом?

— Нет.

— Не кажется ли вам это несколько странным? — спросил инспектор Крэддок. — Я предполагаю, отец не очень любил его.

— Ваше предположение верно, — ответил мистер Уимборн. — Старик Джошуа был недоволен

старшим сыном, который не проявлял интереса к делам семьи и даже к делам вообще. Лютер все свое время посвящал путешествиям за границу и коллекционированию произведений искусства. Старик Джсшуа совсем не разделял такие увлечения. Вот он и оставил деньги в распоряжение следующего поколения.

— Но в настоящее время это следующее поколение не имеет доходов, кроме того, что они сами зарабатывают, или того, которым разрешает пользоваться отец. А отец имеет значительный доход, но у него нет возможности распорядиться самим капиталом.

— Совершенно верно. Но какое это имеет отношение к убийству незнакомой молодой женщины иностранного происхождения, я не могу себе представить.

— Это не имеет прямого отношения к делу, — быстро согласился с ним инспектор Крэддок. — Я просто хотел прояснить факты.

Мистер Уимборн посмотрел на него сурово, затем, видимо, удовлетворенный результатом своего испытующего взгляда, поднялся на ноги.

— Я собираюсь вернуться в Лондон, — сказал он. — Или вам угодно еще что-нибудь от меня узнать?

Он переводил взгляд с одного на другого.

— Нет. Спасибо, сэр.

Звук гонга, нарастая, несся из холла.

— О, господи, — сказал мистер Уимборн, — это, должно быть, один из мальчиков.

Инспектор Крэддок, повысив голос, чтобы его услышали сквозь этот гул, сказал:

— Мы сейчас уйдем, пусть семья спокойно пообедает. Но инспектору Бэйкену и мне хотелось бы снова вернуться, ну, скажем, в четверть третьего и немного поговорить с каждым членом семьи.

— Вы думаете, это необходимо?

— Да как вам сказать? — Крэддок пожал плечами. — Может быть, кто-нибудь кое-что припомнит и даст нам нить к опознанию личности женщины.

— Сомневаюсь, инспектор. Очень сомневаюсь. Но на всякий случай желаю удачи. А чем быстрее раскроется это неприятное дело, тем лучше будет для всех.

Покачивая головой, он медленно вышел из комнаты.

Возвратившись со следствия, Люси сразу прошла на кухню и занялась обедом. В это время Брайен Истлеу просунул голову в дверь.

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросил он. — Я умею управляться с домашними делами.

Люси взглянула на него быстро и чуть рассеянно. Брайен приехал прямо на следствие на своей маленькой машине, тарахтевшей, как пулемет, и она не успела его как следует разглядеть.

И он произвел на нее благоприятное впечатление. Истлеу оказался добродушным мужчиной лет тридцати с небольшим, у него были каштановые волосы, немного печальные голубые глаза и огромные светлые усы.

— Мальчики еще не вернулись, — сказал он, входя в кухню и усевшись на край кухонного стола.

— Они на своих велосипедах приедут минут через двадцать.

Люси улыбнулась.

— Уж очень им хотелось ничего нз пропустить.

— Их и винить нечего. Я их понимаю, если уж на то пошло, это первое следствие в их жизни и вообще в нашей семье.

— Может быть, вы освободите стол, мистер Истлеу? Я хочу поставить сюда кастрюлю.

Брайен повиновался.

— Послушайте, масло уже растопилось. Куда вы собираетесь его употребить?

— В йоркширский пудинг.

— Добрый старый Йоркшир. А какое на сегодня меню? Кажется, еще и ростбиф по-староанглийски?

— Да.

— Еда, как на похоронах. А пахнет очень вкусно. — Он принюхался оценивающе. — Вы не возражаете против моей болтовни?

— Если уж пришли помочь, то лучше помогайте, — она вытащила из печки жаровню. — Вот переверните картошку, пусть подрумянится с другой стороны.

Брайен исполнил это с готовностью.

— Неужели картошка так и стояла в печке и жарилась, пока мы находились на следствии? Мне кажется, что она могла сгореть.

— Нет, не могла, на печке есть регулятор.

— Это что-то вроде электрического ума, а? Правда ведь?

Люси быстро взглянула на него.

— Вы правы. А теперь поставьте жаровню обратно в печь. Да возьмите тряпку. Поставьте вниз, а верх мне понадобится для йоркширского пудинга.

Брайен повиновался, но вдруг вскрикнул.

— Обожглись?

— Немножко. Пустяки. До чего же все-таки это опасно — готовить!

— Вы сами себе никогда не готовите?

— Вообще-то говоря, готовлю, и даже очень часто. Но, конечно, не такие блюда, как вы. Я могу сварить яйцо, если не забуду посмотреть на часы, или поджарить яичницу с ветчиной. Еще могу испечь мясо на рашпере или открыть консервированный суп. У меня дома стоит такая маленькая электрическая духовка.

— Вы живете в Лондоне?

— Если вы называете это жизнью, то да.

В тоне его звучало уныние. Он следит, как Люси смешивала на блюде тесто для йоркширского пудинга.

— Все это ужасно смешно, — сказал он вдруг и вздохнул.

Теперь, когда у Люси прошла ее прежняя озабоченность, она смотрела на него более внимательно.

— Что смешно? Эта кухня?

— Да. Она напоминает мне кухню нашего дома, когда я еще был мальчиком.

И Люси вдруг показалось в Брайене Истлеу

что-то удивительно безнадежное. Пристальнее присмотревшись к нему, она поняла, что он старше, чем это ей вначале показалось. Ему, должно быть, около сорока лет. Трудно представить его отцом Александра. Он напоминал ей тех многочисленных молодых летчиков, которых она встречала во время войны, когда ей исполнилось четырнадцать лет — самый впечатлительный возраст. Она прошла через войну и выросла в послевоенном мире, но, казалось, Брайен все еще не отошел от своего времени, он остался таким же, а годы летели мимо, не затрагивая его. Его последующие слова подтвердили ее мысли. Он снова примостился на кухонный стол и сказал:

— Трудно жить в этом мире, правда? Я хочу сказать, правильно ориентироваться. Ведь этому нас никто не учил.

Люси вспомнила разговор с Эммой.

— Вы ведь были военным летчиком? — спросила она. — Я вижу у вас орден за боевые вылеты.

— Вот он-то и сбивает с толку. У человека есть заслуги, и другие стараются облегчить ему жизнь. Дают работу и так далее. Конечно, с их стороны благородно, но они всецело распоряжаются вашей судьбой. Дают работу, а у меня, может быть, совсем не лежит к ней душа. Сиди за конторкой,

высчитывай цифры. У меня могут появиться свои собственные мысли, свои идеи. И я даже пару раз пытался их реализовать. Но не получил поддержки, никого не привлек на свою сторону, не было денег. Вот если бы у меня оказался капитал…

Он грустно задумался.

— Вы ведь не знали мою жену Эдит? Нет, конечно, не знали. Она была другой, совершенно отличной от всех остальных в семье. Моложе, это одно. Она служила в женских частях военно-воздушного флота. Она всегда говорила, что ее отец — рехнувшийся старик. Жадный до денег, как черт. И ведь сам он с ними ничего не может делать. После его смерти капитал будет разделен. Доля Эдит, конечно, перейдет Александру. Хотя до двадцати одного года он не сможет и дотронуться до этих денег.

— Простите, но не могли бы вы снова слезть со стола? Я хочу подготовить посуду и сделать подливку.

В этот момент приехали Александр и Стоддат-Уэст, раскрасневшиеся и запыхавшиеся.

— Привет, Брайен, — нежно сказал Александр.

— Так вот ты, оказывается, где! Посмотрите-ка, какой сногсшибательный кусочек говядины. Это йоркширский пудинг?

— Да, он самый.

— У нас в колледже делают ужасный пудинг, сырой и мягкий.

— Пропустите-ка меня, — сказала Люси. — Мне нужно сделать соус.

— Сделайте соуса побольше. Можно подать к столу два полных соусника?

— Хорошо.

— Здо-о-ррово! — сказал Стоддат-Уэст, тщательно произнося это слово на австралийский манер.

— Я только не люблю, когда пудинг бледный, не подрумяненный.

— А он не будет бледный?

— Да она ведь отличнейшая повариха, — сказал Александр отцу.

Люси показалось, что они на какой-то момент поменялись ролями: Александр говорил, Как заботливый отец с сыном.

— Помочь вам, мисс Айлесбэроу? — спросил вежливо Стоддат-Уэст.

— Да, если можно. Александр, пойдите и ударьте в гонг. Вы, Джеймс, отнесите этот поднос в столовую. А вам, мистер Истлеу, остается взять посуду. Картофель и йоркширский пудинг я принесу сама.

— Здесь находится инспектор из Скотланд

Ярда, — сказал Александр. — Он будет с нами обедать?

— Зависит от того, как решит ваша тетя.

— Я не думаю, чтобы тетя Эмма возражала. Она очень гостеприимная. Но дяде Гарольду может не понравиться. Уж очень он поглощен убийством. — Александр с подносом в руках уже прошел в дверь, а потом, обернувшись, сообщил еще одну новость.

— Мистер Уимборн сейчас в библиотеке с инспектором из Скотланд Ярда. Но он обедать не останется и сказал, что ему нужно в Лондон. Пойдем, Стоддат. О, он уже ушел бить в гонг.

В этот момент раздался резкий звук гонга. Стоддат-Уэст родился артистом. В удар он вложил весь свой талант; дальнейшие разговоры стали невозможны.

Брайен понес посуду, Люси пошла вслед за ним с овощами, а потом вернулась на кухню и взяла два до краев наполненных соусника.

Мистер Уимборн стоял в передней и уже надевал перчатки, когда вниз быстро сошла Эмма.

— Вы действительно не можете с нами пообедать, мистер Уимборн? Все уже готово.

— Нет. У меня очень важная встреча в Лондоне. В поезде есть вагон-ресторан.

— Вы были очень добры, что приехали сюда, — с благодарностью сказала Эмма.

Два полицейских инспектора показались в дверях библиотеки. Мистер Уимборн взял руку Эммы.

— Незачем волноваться, моя дорогая, — сказал он. — Инспектор из сыскной полиции Нового Скотланд Ярда приехал специально распутать дело. Он вернется в 2.15, чтобы узнать кое-какие подробности, которые должны ему помочь в расследовании. Но, как я уже сказал, вам не о чем беспокоиться. — Он посмотрел на Крэддока. — Могу я сообщить мисс Крекенторп то, что вы мне рассказали?

— Конечно, сэр.

— Инспектор Крэддок сказал, что это, почти наверняка, не местное убийство. Предполагают, что женщина приехала из Лондона, и к тому же она, очевидно, иностранка.

Эмма Крекенторп быстро спросила:

— Иностранка? Она француженка?

Когда мистер Уимборн называл женщину иностранкой, он думал утешить мисс Крекенторп. Теперь он казался несколько ошеломленным ее реакцией.

Взгляд Дэрмота Крэддока быстро перескочил на

Эмму Крекенторп.

Он задумался, почему она вдруг подумала, что убитая — француженка, и почему эта мысль встревожила ее?

Глава 9

Единственными людьми, оценившими по достоинству превосходный обед Люси, оказались мальчики и Гедрик Крекенторп, который явился к обеду как ни в чем не бывало, совершенно не обеспокоенный обстоятельствами, принудившими его вернуться в Англию. Казалось, он и вправду считал эту историю шуткой каких-то злых сил.

Совсем не так, как подметила Люси, принял сообщение о следствии его брат Гарольд. Гарольд воспринял убийство как личное оскорбление семьи Крекенторп, и гнев его был настолько силен, что он потерял аппетит. Эмма выглядела взволнованной и несчастной и тоже очень мало ела. Альфред, будто заблудившись в потоке своих мыслей, почти не разговаривал. Это был очень приятный человек с тонким смуглым лицом, хотя глаза его находились слишком близко друг от друга.

После обеда вернулись инспекторы и вежливо осведомились, не могут ли они задать несколько вопросов мистеру Гедрику Крекенторпу.

Инспектор Крэддок вел себя вежливо и дружелюбно.

— Садитесь, мистер Крекенторп. Я знаю, что вы приехали с Балеарских островов. Вы что, там постоянно живете?

— Последние шесть лет на Ивице. Мне она подходит больше, чем наша тоскливая страна.

— Я думаю, вы намного больше нас пользуетесь там солнцем, — согласился инспектор Крэддок. — Вы были дома сравнительно недавно, насколько мне известно, на Рождество, чтобы уж быть точным. Что заставило вас снова поспешно вернуться?

Гедрик ухмыльнулся.

— Получил телеграмму от сестры, от Эммы. В наших владениях раньше никогда не случалось убийств. Я ничего не хотел пропустить, вот и приехал.

— Вы интересуетесь криминалистикой?

— О, не стоит говорить в таких высоких выражениях. Я просто люблю убийства, кто бы их ни совершал. Вот и все! А тут убийство совершается у дверей фамильного дома; это единственный случай, который, наверное, никогда больше не повторится. А потом я подумал, что бедняжке Эм может понадобиться моя помощь в разного

рода делах — со стариком, с полицией или еще что-нибудь.

— Понятно. Это вполне отвечает вашему спортивному интересу и семейным чувствам. Не сомневаюсь, что сестра вам весьма благодарна, хотя и два других брата приехали, чтобы быть в эти дни -вместе с ней.

— Но не для того, чтобы подбодрить ее и успокоить, — сказал Гедрик. — Гарольд сам совершенно выбит из колеи. Для магната из Сити вовсе не годится оказаться впутанным в убийство сомнительной женщины.

Брови Крэддока чуть заметно приподнялись.

— А разве она была женщиной с сомнительной репутацией?

— Ну, здесь уж вы власть на местах. Вам и карты в руки. Однако по всему видно, что так вероятнее всего.

— А не смогли бы вы подсказать нам, кто она такая?

— Послушайте, инспектор. Вы уже знаете, и ваш коллега может подтвердить, что я не опознал ее.

— Я сказал «подсказать», мистер Крекенторп. Вы могли никогда раньше не видеть этой женщины, но могли бы сделать предположение, кто она или кем могла быть.

Гедрик покачал головой.

— Вы напрасно теряете драгоценное время. Я не имею об этом никакого понятия. Вы строите догадки, как мне кажется, на том, что она пришла в Длинный сарай на свидание с одним из нас. Но никто из нас здесь не живет. Единственные обитатели дома — женщина и старик. И, конечно, вы не верите, что она пришла сюда для встречи с моим многоуважаемым отцом!

— Дело в том, что эта женщина могла когда-то (в этом со мной согласен и инспектор Бэйкен) иметь касательство к вашему дому, может быть, много лет тому назад. Попытайтесь вспомнить, мистер Крекенторп.

Гедрик немного подумал, потом покачал головой.

— У нас временами была прислуга из иностранцев, как у большинства здешних жителей, но я не припоминаю ничего подходящего. Вы лучше спросите остальных, они знают больше меня.

— Конечно, мы спросим.

Крэддок откинулся в кресло и продолжал:

— Как вы уже слышали на следствии, медицинская экспертиза не могла точно установить время смерти: больше двух недель, но меньше месяца. А это примерно где-то во время Рождества. Вы

приезжали домой на рождественские праздники. Когда вы точно прибыли в Англию и когда уехали обратно?

Гедрик задумался.

— Дайте-ка вспомнить… Я прилетел на самолете. Сюда приехал в пятницу перед Рождеством, это значит — 21 декабря.

— Вы летели прямо с Майорки?

— Да. Вылетел в пять утра и был здесь в полдень.

— А когда уехали?

— Я вылетел обратно в следующую пятницу, 27 декабря.

— Спасибо.

Гедрик улыбнулся печально.

— Получается как раз, к сожалению, тот самый отрезок времени. Но, право же, инспектор, душить молоденьких женщин — не мое любимое занятие, особенно в рождественские праздники.

— Я так и думал, мистер Крекенторп.

Инспектор Бэйкен смотрел явно неодобрительно.

— Иначе стало бы заметно отсутствие мира и доброй воли в подобном действии. Вы согласны со мной?

Гедрик адресовал свой вопрос инспектору

Бэйкену, который лишь ухмыльнулся в ответ. Инспектор Крэддок вежливо сказал:

— Ну что же. Спасибо, мистер Крекенторп. У нас к вам пока больше нет вопросов.

— Что вы о нем думаете? — спросил Крэддок, когда дверь за Гедриком закрылась.

Бэйкен снова ухмыльнулся.

— Довольно самоуверенный, дерзкий тип, я лично таких недолюбливаю. Художники слишком беспринципны и часто впутаны во всякие истории с женщинами сомнительной репутации.

Крэддок улыбнулся.

— Мне, к тому же, не нравится его манера одеваться, — продолжал Бэйкен. — Это неуважительно — явиться в таком виде на следствие. Я давно не видел таких грязных брюк. А вы обратили внимание, какой у него галстук? Будто сделан из цветной веревки. По-моему, он из тех, кто легко может задушить женщину, и рука не дрогнет.

— Да, но не он задушил женщину, если говорит, что улетел с Майорки двадцать первого декабря. А это мы довольно легко проверим.

Бэйкен укоризненно посмотрел на него.

— Я замечаю, что вы никому не говорите точной даты убийства.

— Пусть она пока будет не всем известна. Я не люблю сразу раскрывать свои карты.

Бэйкен кивнул головой в знак полного согласия.

— В свое время мы им сделаем неожиданное открытие. Это самый лучший план.

— А теперь, — сказал Крэддок, — посмотрим, что скажет об этой истории наш респектабельный джентльмен из Сити.

Гарольд Крекенторп сидел, плотно сжав губы, ему, право же, совсем нечего сказать. Событие невероятно огорчительное, очень неприятный случай. Он боится, как бы газеты… Репортеры, он слышал, уже просили интервью… И тому подобное… Чрезвычайно сожалеет…

Гарольд говорил отрывисто, не заканчивая предложений. Потом замолчал, откинувшись в кресле с брезгливым выражением человека, соприкоснувшегося с мерзостью. Попытки инспектора вывести его на разговор остались безрезультатными. Нет, он даже представления не имеет об этой женщине. Да, он приезжал в Рутерфорд-холл на Рождество. У него нет времени, он приехал в канун рождества, но остался еще на целую неделю и провел здесь уик-энд.

— Ну, что же, пусть так, — сказал инспектор

Крэддок, прекратив дальнейшие расспросы. Он понял, что Гарольд Крекенторп не хочет быть полезным ему в таком деле.

Затем вызвали Альфреда. Он вошел в комнату с безразличием, которое не могло не показаться напускным.

Крэддок посмотрел на Альфреда Крекенторпа, и ему вдруг показалось, что он его знает. Конечно, он видел раньше этого члена семьи. Или, быть может, его портрет в газетах? В памяти же возникали какие-то неприятные ассоциации. Он спросил Альфреда о роде занятий. Ответ прозвучал довольно неясно.

— Я живу на собственные сбережения. Не так давно я осуществил выгодную операцию по продаже ноеых диктофонов. Совершенно необычная вещь. На этом я хорошо заработал.

Инспектор Крэддок, казалось, по достоинству оценил его сообщение, но никто не догадался бы, что во время разговора он не оставил без внимания детали костюма Альфреда. Инспектор точно установил, что куплен он по дешевке. Костюм Альфреда почти совершенно изношенный, но был когда-то хорошо сшит из превосходной материи. Сейчас оставалась только дешевая щеголеватость, говорившая сама за себя. Крэддок

вежливо перешел к следующим вопросам. Альфред, казалось, заинтересовался и даже слегка развеселился.

— Очень может быть, что эта женщина когда-то служила здесь. Нет, не служанкой. Я сомневаюсь, что моя сестра могла содержать такую служанку. Конечно, и сейчас у многих еще имеется прислуга из иностранцев. У нас тоже держали поляка и одну или две немки. Но Эмма совершенно определенно сказала, что не знает эту женщину, и это полностью исключает вашу идею, инспектор. У Эммы очень хорошая память на лица. Да, но если эта женщина приехала из Лондона… А, кстати, почему вы решили, что она приехала из Лондона?

Он задал свой вопрос вроде бы невзначай, но глаза выражали любопытство и интерес. Инспектор Крэддок улыбнулся и покачал головой. Альфред понимающе посмотрел на него.

— Не хотите сказать, а? Наверное, обратный билет в кармане пальто, ведь так?

— Возможно и так, мистер Крекенторп.

— Ну, ладно. Если она прибыла из Лондона, то возможно, что молодой человек, к которому она приехала на свидание, нашел Длинный сарай самым подходящим местом, где можно тихо, без шума убить. Он, очевидно, хорошо здесь все зна-

ет. На вашем месте, инспектор, я бы его поискал.

— А мы ищем, — сказал инспектор Крэддок, и эти слова прозвучали спокойно и уверенно.

Он поблагодарил Альфреда и отпустил его.

— Знаете, — сказал он Бэйкену, — я его где-то раньше видел.

Инспектор Бэйкен вынес свой приговор:

— Это острый субъект, — сказал он. — Настолько острый, что иногда даже режет самого себя.

— Я не думал, что вы захотите видеть меня, — сказал Брайен Истлеу извиняющимся тоном, входя в комнату и остановившись в нерешительности у двери. — Я не являюсь непосредственным членом этой семьи…

— Позвольте, вы мистер Брайен Истлеу, муж миссис Эдит Крекенторп, которая умерла несколько лет тому назад?

— Да, именно так.

— Очень любезно, мистер Истлеу, что вы пришли. Может быть, вы знаете то, что, на ваш взгляд, может нам помочь.

— Но я ничего не знаю. Хотел бы знать, но… Чертовски страшная история, правда? Приехать сюда, встретиться с каким-то парнем в старом полуразвалившемся сарае в середине зимы! Нет, такие вещи не для меня.

— Конечно, все очень запутано, — согласился инспектор Крэддок.

— А правда, что она иностранка? Об этом кругом говорят.

— Этот факт о чем-нибудь вам говорит? — инспектор посмотрел в упор на Брайена, но тот казался добродушным и безразличным.

— Нет, собственно говоря, ничего.

— Вероятно, она француженка, — сказал инспектор Бэйкен не без задней мысли.

Брайен сразу же оживился. В его голубых глазах появился интерес, он подергал свои длинные усы.

— Правда? Беспутный Париж? — он покачал головой. — Но тогда создается впечатление еще более неправдоподобное, как по-вашему? Я хочу сказать, вся эта запутанная история с сараем. А вам больше не попадало дел, связанных с саркофагами? Какой-нибудь там тип с определенными наклонностями или с комплексом, второй Калигула или кто-нибудь похожий на него?

Инспектор Крэддок и не подумал поддаться на такую уловку. Вместо этого он спросил в обычной небрежной манере:

— Никто в вашей семье не имеет никаких отношений с французами? Или, может быть, состоит

в родственных связях, о которых вы знаете?

Брайен ответил, что Крекенторпы никогда не были особенно беспутными.

— Гарольд женился респектабельно, — сказал он.

— Жена его — женщина с лицом рыбы, дочь обедневшего пэра. Не думаю, чтобы Альфред много времени уделял женщинам, он всю жизнь посвящает сомнительным сделкам, которые обычно кончаются плачевно. А о Гедрике могу сказать, что на Ивице несколько испанских сеньорит чуть не сошли из-за него с ума. Женщины вообще очень неравнодушны к Гедрику. А он даже не всегда выбрит, и вид у него такой, будто он никогда не моется. Не понимаю, почему это привлекает женщин, но факт остается фактом. Послушайте, от меня не очень много пользы, не правда ли? — Он улыбнулся. — Вы уж лучше привлеките к этому Александра. Он и Джеймс Стоддат-Уэст ушли куда-то, ищут ключ к разгадке. Могу поспорить, что они что-нибудь да выведают.

Инспектор Крэддок выразил надежду, что так оно и случится. Потом поблагодарил Брайена Истлеу и сказал, что хотел бы поговорить с мисс Эммой Крекенторп.

Теперь инспектор Крэддок разглядывал Эмму Крекенторп более внимательно. Он никак не мог забыть выражения ее лица перед обедом, которое так его тогда изумило.

Спокойная женщина. Неглупая, но особенно большим умом не блещет. Одна из тех благополучных женщин, которых благосклонно слушают мужчины, в которые обладают даром создавать семейный очаг, придавая ему атмосферу уюта и тихой гармонии. Бот такой ему представлялась Эмма Крекенторп.

Женщин, подобных Эмме, часто недооценивают. А за их спокойной внешностью скрывается твердая воля, с этим следует считаться. Может быть, думал Крэддок, ключ к разгадке тайны убитой в саркофаге как раз запрятан где-нибудь в укромном уголке памяти этой женщины.

И пока эти мысли бродили в голове Крэддока, он задавал вопросы.

— Я думаю, что вы уже почти все рассказали инспектору Бэйкену, — сказал он. — Поэтому я не буду беспокоить вас многочисленными расспросами.

— Пожалуйста, спрашивайте все, что хотите.

— Как сказал вам мистер Уимборн, мы пришли к заключению, что убитая женщина не житель-

ница этих мест. Это, возможно, станет для вас некоторым утешением. Мне показалось, что именно так думает мистер Уимборн. Но, с другой стороны, создает для нас дополнительные трудности. Опознать ее значительно сложнее.

— А не найдено ли при ней каких-либо вещей? Сумочки, бумаг?

Крэддок покачал головой.

— Ни сумочки, ни единой вещи в карманах.

— И вы не знаете ее имени? Или хотя бы откуда она приехала? Ничего?

Крэддок про себя подумал: ей ужасно хочется знать, кто эта женщина. Интересно, всегда ли Эмма так любопытна или только сейчас?

Бэйкен ничего не говорил о том, жаждет ли Эмма узнать имя убитой женщины, а ведь Бэйкен очень наблюдательный человек.

— Мы о ней абсолютно ничего не знаем, — ответил он, — вот почему надеялись, что хоть кто-нибудь из вас нам поможет. Вы не можете нам помочь? Даже если вы и не узнали ее в лицо, может быть, вы хоть подумали, кем она могла быть?

Ему показалось, что перед тем, как ответить, Эмма чуточку замялась.

— Абсолютно не представляю, — сказала она.

Инспектор Крэддок решил изменить манеру разговора. В голосе его чуть-чуть проступила некоторая суровость.

— Когда мистер Уимборн говорил, что эта женщина иностранка, почему вы решили, что она француженка?

Эмма не смутилась, только брови ее чуть приподнялись.

— Разве? Да, пожалуй. Я, право же, не знаю почему. Просто когда думают об иностранцах, всегда почему-то имеют в виду французов. Большинство иностранцев у нас в стране — французы. Так ведь?

— О, я бы этого не сказал, мисс Крекенторп. Теперь не то, что раньше. У нас много иностранцев всяких национальностей — итальянцы, немцы, австрийцы, люди из скандинавских стран…

— Да, пожалуй, вы правы.

— У вас нет особой причины думать, что эта женщина могла оказаться француженкой?

Эмма не спешила отрицать. Она просто задумалась на какой-то момент, а потом покачала головой почти с сожалением.

— Нет, — сказала она.

Взглянув на инспектора Крэддока, она встретилась с его вроде бы безразличным, но упорным

взглядом. Потом Крэддок посмотрел на инспектора Бэйкена. Бэйкен наклонился вперед и показал маленькую эмалевую пудреницу.

— Узнаете эту пудреницу, мисс Крекенторп?

Она взяла ее в руки и внимательно осмотрела.

— Нет. Это, конечно, не моя.

— А не знаете ли, чья?

— Нет.

— Тогда, мне кажется, нам не следует вас беспокоить, по крайней мере в данный момент.

— Спасибо.

Она чуть улыбнулась, встала и вышла из комнаты. И снова Крэддоку показалось, что она направилась к двери уж слишком быстро, будто ее подгоняло наступившее облегчение.

— Думаете, она что-то знает? — спросил Бэйкен.

Инспектор Крэддок ответил печально:

— На данном этапе опроса можно подумать, что каждый знает чуточку больше того, что хочет сказать.

— Так обычно и поступают все, — сказал Бэйкен, основываясь на своем большом опыте. — Тогда чаще всего это не имеет отношения к рассматриваемому делу. Выясняется какой-то семейный грешок, глупая ссора, которую прячут от посто-

ронних, боясь, чтобы она не выплыла наружу.

— Да, понимаю. Может быть, в конце концов…

Но что хотел сказать инспектор Крэддок, осталось неизвестным, потому что дверь с шумом распахнулась, и в комнату ворвался в крайнем возбуждении старик Крекенторп.

— Хорошенькое дело! — вскричал он. — Скотланд Ярд приходит в мой дом и не считает нужным поговорить прежде всего с главой семьи. Кто в этом доме хозяин, хотел бы я знать? Ответьте мне, кто? Кто здесь хозяин?

— Конечно, вы, мистер Крекенторп, — сказал Крэддок, поднявшись со своего места. — Но мы решили, что вы уже сказали инспектору Бэйкену все, что знали. И так как здоровье ваше не совсем в порядке, мы не считали возможным затруднять вас дополнительными расспросами. Доктор Куимпер предупредил, что…

— Я бы сказал… Я бы сказал, что, конечно, человек я не очень крепкий. Но что касается доктора Куимпера, то он просто обыкновенная старая баба. Он — хороший доктор, прилично разбирается в моей болезни, но склонен полагать, что меня нужно держать под стеклянным колпаком. И помешан на пище. Во время Рождества накинулся на меня, когда я чуточку уклонился от диеты. Все

спрашивал, что я ел? Когда? Кто мне готовил? Кто подавал? И пошло, и пошло. Сплошная суета, надоедает с пустяками. Но хотя не мне хвастаться здоровьем, я достаточно силен, чтобы оказать помощь, которая в моих силах. Убийство в моем собственном доме! Ну, не в доме, так в моем сарае! А сарай этот, должен вам сказать, очень интересная постройка в стиле королевы Елизаветы. Местный архитектор говорит, что не уверен в этом. Но он сам не знает, что говорит. Построен этот сарай ни на один день не позже 1580 года! Да сейчас не об этом речь. Так что вы хотели знать? Есть у вас какие-нибудь предположения?

— Немного рановато делать предположения, мистер Крекенторп. Мы пока только пытаемся выяснить, кто эта женщина.

— Вы говорите, что она иностранка?

— Мы так думаем.

— Вражеский агент?

— Я бы этого не сказал.

— Вы бы не сказали! Вы бы не сказали! Они везде, эти агенты, просачиваются! Почему министерство внутренних дел разрешает им крутиться здесь, возле меня? Они выведывают промышленные секреты, могу поспорить. Вот и она занималась тем же!

— В Брэкхемптоне?

— Тут кругом заводы. Один как раз позади поместья, за боковой дорогой.

Крэддок вопрошающе взглянул на Бэйкена, тот сказал:

— Металлические коробки.

— А откуда вы знаете, что там делают на самом деле? Я не принимаю на веру то, что говорят сплетницы. Ну, хорошо, если она не агент, то кто же она, по-вашему? Может быть, она связана с кем-нибудь из моих драгоценных сыновей? Если так, то с Альфредом. Не с Гарольдом же, он чересчур осторожен. А Альфред не снисходит до того, чтобы жить в своей стране. Значит, она была любовницей Альфреда. А какой-то ревнивый молодой человек следовал за ней до места свидания и прикончил ее здесь. Ну, как?

Инспектор Крэддок дипломатически заметил, что так может выглядеть одна из версий. Но ведь мистер Альфред Крекенторп не узнал эту женщину.

— Ба! Да ведь он испугался! Альфреда всегда считали трусом. Но он к тому же и глуп, и всегда им был! Врет прямо в глаза. Никто из моих сыновей не стал человеком. Стая хищников ждет моей смерти, вот что их больше всего занимает в жиз-

ни. — Он довольно захихикал. — Но им придется чуточку подождать. Я не собираюсь умирать. Ну ладно, если это все, что я могу сделать для вас… Я устал. Надо отдохнуть.

Он снова зашлепал по полу, покидая комнату.

— Любовница Альфреда? — вопросительно заговорил Бэйкен. — У меня впечатление, что старик все выдумал.

Он замолчал в нерешительности.

— Я лично думаю, что с Альфредом все в порядке, — продолжал Бэйкен. — Возможно, он в какой-то степени и неустойчивый человек, но в данном случае не та птичка. А знаете, я все время думаю о летчике.

— Брайен Истлеу?

— Да. Раз или два я сталкивался с такими типами. Они из плывущих по воле волн. Они в жизни очень рано испытали опасности, смерть и острые ощущения. Теперь жизнь для них банальна, малоинтересна, она им кажется скучной и не удовлетворяет их. В какой-то мере общество пошло на сделку с ними, хотя никто не знает, что нужно сделать для них. Но у таких людей, если уж говорить прямо, все в прошлом и нет никакого будущего, и они непрочь испытать случай. Обычные парни, у которых инстинктивное желание

спастись. Это столь же моральный фактор, сколь и осторожность. Но эти парни не из робкого десятка, осторожность не главное в их жизни. Если Истлеу был связан с этой женщиной и захотел убить ее… — он замолчал и беспомощно опустил руки. — Но для чего ему понадобилось убивать ее? А если убивать, то зачем прятать в саркофаг своего тестя? Нет, если вы хотите знать мое мнение, то никто из них не причастен к убийству, они не рискнули бы подкладывать труп к дверям своего дома.

Крэддок согласился, что такой поступок вряд ли имел бы смысл.

— Вы намерены еще что-нибудь делать здесь?

Крэддок ответил отрицательно. Бэйкен предложил вернуться в Брэкхемптон и выпить по чашке чая, но инспектор Крэддок сказал, что хочет пойти повидаться со своими старыми знакомыми.

Глава 10

Бодро восседая на фоне фарфоровых собачек и сувениров, мисс Марпл улыбалась, одобрительно глядя на инспектора Дэрмота Крэддока.

— Я так рада, — сказала она, — что именно вас назначили расследовать это дело. Я на это и рассчитывала.

— Когда я получил ваше письмо, — сказал Кр?ддок, — сразу доложил о нем начальству. А как раз перед этим полиция Брэкхемптона вызвала нас сюда. Им показалось, что убийство не местного значения. Мой начальник очень заинтересовался рассказом о вас. И я догадался, что он слышал о вас от моего крестного.

— Милейший сэр Генри, — сказала мисс Марпл с чувством.

— Он вызвал меня и заставил рассказать о деле в Литл-Паддокс. Хотите знать, что он сказал потом?

— Пожалуйста, расскажите, если не секрет.

— Он сказал: «Ну, ладно. Так как всем эта история кажется совершенно никчемной и придуманной двумя пожилыми дамами, случайно

там оказавшимися, и так как они, вопреки всему, правы, а вы к тому же знаете одну из них, я направляю вас туда для расследования». Вот поэтому я здесь! А теперь, дорогая мисс Марпл, что нам предпринять дальше? Как не трудно догадаться, это неофициальный мой визит. Я подумал, что мы могли бы вдвоем детально проанализировать наши предположения.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Я уверена, — сказала она, — что никто из знающих вас по службе никогда не догадался бы, что вы можете стать таким добрым и еще более красивым, чем прежде. Ну-ну, не краснейте… И скажите, многое ли вам стало известно.

— Мне кажется, я собрал все. Уникальное заявление вашей приятельницы миссис Мак-Гилликади в полицию Сент Мэри Мид, подтверждение ее заявления, сделанное контролером поезда, а также ее записку начальнику станции в Брэкхемптоне. Сейчас соответствующими лицами произведено должное расследование — и железнодорожниками, и полицией. Но, несомненно, вы превзошли всех, построив свою собственную, совершенно фантастическую версию.

— Нет, это не версия, — сказала мисс Марпл.

— У меня оказалось перед ними огромное пре-

имущество. Я знала Элспет Мак-Гилликади, а они не знали. Ведь заявление, сделанное ею, не подтвердилось, совершенно естественно подумать, что это просто выдумки пожилой дамы. Но Элспет Мак-Гилликади не из тех.

— Нет, Элспет Мак-Гилликади не из тех, — согласился инспектор. — Я собираюсь повидаться с ней.

Знаете, сейчас некстати, чтобы она уезжала на Цейлон, мы собираемся устроить с ней беседу.

— А мой ход рассуждений вовсе не такой уж оригинальный, — сказала мисс Марпл. — Помните у Марка Твена мальчика, который нашел лошадь? Он просто представил себе, куда бы пошел, если бы стал лошадью. Он пошел таким путем и нашел свою лошадь.

— А вы представили, что сделали бы вы на месте жестокого и хладнокровного убийцы? — спросил Крэддок, глядя задумчиво на хрупкую, пожилую мисс Марпл. — Право же, ваша мысль, как…

— Раковина для стока воды, как бывало говорил мой племянник Раймонд, — согласилась мисс Марпл, проворно кивая головой. — Но я ему отвечала, что раковина — один из необходимых предметов в домашнем обиходе — всегда должна содержаться чистой.

— А можете вы пойти еще дальше, поставив себя на место преступника, и сказать, где он сейчас находится?

Мисс Марпл вздохнула.

— Мне бы хотелось, но я совершенно не имею никакого представления. Одно несомненно — это человек, все знающий о Рутерфорд-холле.

— Согласен. Но таких огромное число. Там работало много поденщиц. Там же находилось Общество женщин, а до них — солдаты противовоздушной обороны, и все знали о Длинном сарае, о саркофаге, и о том, где хранится ключ. Усадьба хорошо известна местным жителям, и любой из них мог набрести на сарай, и решить, что здесь самое подходящее место для осуществления своей цели.

— Да, конечно. Я хорошо понимаю ваши затруднения.

— Мы никуда не продвинемся, пока не опознаем труп, — сказал Крэддок.

— А это тоже очень трудное дело?

— Да, но мы опознаем в конце концов, а сейчас проверяем все сообщения об исчезнувших женщинах примерно такого возраста и вида. Но пока ничего подходящего нет. Медицинская экспертиза определила, что ей около тридцати

пяти лет, здоровая и, очевидно, замужняя женщина, имела по крайней мере одного ребенка. Ее меховое пальто, довольно дешевое, куплено в магазине в Лондоне. Сотни таких пальто проданы за последние три месяца. Ни одна из продавщиц не вспомнила по фотографии убитую, и это неудивительно, особенно, если покупка сделана в канун Рождества. Все остальные ее вещи, очевидно, заграничного производства, большей частью из Парижа. На белье нет меток английских прачечных. Мы связались с Парижем, там по нашей просьбе наводят справки. Конечно, рано или поздно кто-нибудь заявит о пропавшей родственнице или квартирантке. Все дело времени.

— А пудреница не помогла?

— К сожалению, нет. Такие сотнями очень дешево продаются на Рю де Риволи. Кстати, вам следовало сразу предъявить ее полиции. Если не вам, то мисс Айлесбэроу непременно.

Мисс Марпл покачала головой.

— Но тогда еще не ставился вопрос о раскрытии преступления, — сказала она. — Если молодая девушка, играя в гольф, подбирает в траве старую пудреницу, не представляющую никакой ценности, конечно, она не побежит с ней с полицию.

Мисс Марпл замолчала, а потом серьезно до-

бавила:

— Я считала, что гораздо важнее было сначала найти труп.

Инспектору Крэддоку это доставило удовольствие.

— Похоже, вы никогда не сомневались, что труп будет непременно найден?

— Я была уверена в этом. Люси Айлесбэроу в высшей степени умелый и умный человек.

— Да, уж это так! Она меня до смерти запугала, настолько она чудовищно умна. Ни один мужчина не осмелится жениться на ней.

— А я бы этого не сказала. Она, конечно, человек особого склада, — мисс Марпл на некоторое время задумалась. — А как ей живется в Рутерфорд-холле?

— Насколько я понял, хозяева в полной от нее зависимости. Безоговорочно ей подчиняются, как бы сказали литературным языком. Кстати, они ничего не знают о ее отношениях с вами. Мы это тоже держим в секрете.

— Теперь у нас нет никаких отношений. Она сделала все, о чем я просила.

— Так значит, она могла бы уже заявить им о своем уходе и расстаться с ними?

— Да.

— Но она не уходит. Почему?

— Она мне не сказала, что ее держит. Я предполагаю, что она заинтересовалась.

— Этим делом? Или семьей?

— Возможно, — сказала мисс Марпл, — одно от другого отделить трудно.

Крэддок пристально посмотрел на нее.

— Да нет… Господи, нет…

— У вас есть на этот счет какие-нибудь соображения?

— Я думал, что они есть у вас.

Дэрмот Крэддок вздохнул.

— Все, что мне осталось сделать, выражаясь языком профессионалов, — продолжить начатое расследование. До чего же безрадостна жизнь детективов!

— Я уверена, вам будет сопутствовать удача!

— Может быть, вы что-нибудь подскажете? У вас ведь и на дальнейшее имеется своя версия?

— Я думала сейчас о таких вещах, как, например, театральная труппа, — сказала мисс Марпл довольно рассеянно. — Постоянно переезжают с места на место, и у всех не так уж много уз, связывающих их с домом. Потеряйся один человек, никто не обратит внимания.

— Да, в этом что-то есть. Я проверю вашу вер-

сию.

Потом он добавил:

— А над чем вы смеетесь?

— Я просто подумала, — сказала мисс Марпл, — какое будет выражение лица у Элспет Мак-Гилликади, когда она услышит, что мы нашли труп.

— Ну! — сказала миссис Мак-Гилликади, — вот это да!

Больше она ничего не могла произнести, и смотрела то на приятного молодого человека, говорившего красивым правильным языком, приехавшего к ней с официальным удостоверением, то на фотографию, которую он ей дал.

— Это она, совершенно точно, — сказала миссис Мак-Гилликади. — Да, это она, бедняжка. Ну, что ж, я рада, что вы обнаружили труп. Никто не верил ни единому моему слову. Ни полиция, ни железнодорожники, — никто и нигде. Меня всегда очень уязвляет, раздражает, когда мне не верят. Но теперь никто не скажет, что я не сделала всего, что было в моих силах.

Приятный молодой человек согласился с ней.

— А где, вы говорите, было обнаружено тело?

— В сарае дома, который носит название Рутерфорд-холл, в пригороде Брэкхемптона.

— Никогда о нем не слыхала. А как оно туда

попало, хотелось бы мне знать?

Молодой человек ничего не сказал в ответ.

— Наверно, его нашла Джейн Марпл. Верная своему долгу Джейн.

— Тело женщины, — сказал молодой человек, поглядев в какие-то записки, — обнаружила мисс Люси Айлесбэроу.

— И о ней никогда ничего не слышала, — сказала миссис Мак-Гилликади. — Я все-таки думаю, что Джейн Марпл имела к этому какое-то отношение.

— Как бы там ни было, миссис Мак-Гилликади, вы уверены, что это фотография именно той женщины, которую вы видели в поезде?

— И которую душил мужчина. Да, я уверена.

— А не можете ли описать мужчину?

— Он был высокого роста, — сказала миссис Мак-Гилликади.

— А еще?

— Темноволосый.

— А еще?

— Это все, что я могу рассказать. Он стоял спиной ко мне, я не видела его лица.

— Могли бы вы его узнать, если бы увидели?

— Конечно, нет. Он же стоял ко мне спиной.

— А не могли бы вы, хоть предположительно,

определить его возраст?

Миссис Мак-Гилликади задумалась.

— Нет, право же, нет. Я не знаю. Но почти уверена, что он не очень молодой. Его плечи казались, — ну, как бы сказать? — понурыми, если вы понимаете, что я имею в виду. — Молодой человек кивнул. — Больше тридцати, я не могу сказать точнее. Понимаете, я ведь на него не смотрела. На нее, на эти руки вокруг ее шеи, на ее лицо, все посиневшее… Знаете, мне иногда и теперь снится ее лицо…

— Да, не очень приятное впечатление, — сказал понимающе молодой человек.

Он закрыл свою записную книжку и спросил:

— Когда возвращаетесь в Англию?

— Не раньше, чем через три недели. Это ведь не обязательно для меня, правда?

— О нет, — поспешил заверить молодой человек. — Сейчас уже нет ничего такого, что вы могли бы сделать. Конечно, если мы произведем арест…

На этом они и закончили разговор. Почтальон принес ей письмо от мисс Марпл, написанное тонкими завитками и во многих местах густо подчеркнутое. Но долговременный опыт помог миссис Мак-Гилликади легко в нем разобрать-

ся. Мисс Марпл написала своей приятельнице полный отчет обо всем, и миссис Мак-Гилликади воспринимала каждое слово письма с большим удовлетворением.

Да, они с Джейн показали себя с самой лучшей стороны!

Глава 11

— Я просто не понимаю вас, — сказал Гедрик Крекенторп.

Он стоял, расслабившись и прислонившись к полуразрушенной стене длинного, заброшенного свинарника, глядя в упор на Люси.

— Что вы не понимаете?

— Что вы здесь делаете?

— Зарабатываю себе на жизнь.

— В качестве прислуги? — произнес он с пренебрежением.

— Вы не современны, — сказала Люси. — Тоже мне придумали — прислуга! — Я — «помощница в домашних делах», «профессиональная работница по ведению хозяйства» или, вернее всего, «откликнувшаяся на мольбу о помощи в домашнем хозяйстве».

— Вам не может нравиться все то, что вы делаете: приготовление пищи, уборка постелей, вечная суета и кутерьма, или как вы там еще называете, и то, что ваши руки все время по локоть в грязной, жирной воде.

Люси рассмеялась.

— Возможно. Но не все то, что вы перечислили. Вот, например, приготовление пищи отвечает моему инстинкту созидания. И еще во мне есть что-то, что действительно влечет к уничтожению беспорядка в доме.

— Я живу в постоянном беспорядке, — сказал Гедрик вызывающе, — и мне нравится.

— Это видно по вам.

— Мой коттедж на Ивице обставлен просто и скромно: три тарелки, две чашки с блюдцами, кровать, стол да пара стульев. Везде пыль, мазки краски и куски камня. Я ведь, кроме живописи, занимаюсь скульптурой. И никому не разрешаю притрагиваться ни к одной из вещей. Я не подпускаю ни одной женщины к моему жилью.

— Ни в каком качестве?

— А что вы имеете в виду?

— Я просто подумала, что человека с такими артистическими наклонностями интересует еще и личная жизнь.

— Моя личная жизнь, как вы ее называете, — мое личное дело, — сказал Гедрик с чувством собственного достоинства. — Единственно, чего я не хочу, — иметь женщину в качестве связывающего меня, мешающего и хозяйничающего лица.

— До чего мне хотелось бы напасть на ваш кот-

тедж, — сказала Люси. — Это был бы вам вызов.

— Вам не представится такой возможности.

— Думаю, что нет.

Несколько кирпичей вывалилось из стены свинарника. Гедрик повернулся и взглянул внутрь: там все заросло крапивой.

— Милая старушка Мадж, — сказал он. — Я ее хорошо помню. Свинья, больше всего внушавшая любовь и расположение, и к тому же такая плодовитая. Мне помнится, ей было семнадцать лет, когда она последний раз принесла приплод. Мы обычно приходили сюда к вечеру, в хорошую погоду, и чесали спину Мадж палкой. Ей очень нравилось.

— А почему хозяйство пришло в упадок? Это ведь не только из-за войны?

— Вам и здесь, вероятно, хотелось бы навести порядок? До чего же у вас неспокойный характер. Теперь я отлично понимаю, почему именно вы нашли труп! Вы не могли даже грекороманский саркофаг оставить в покое. — Он помолчал, а потом заговорил снова. — Нет, не только из-за войны. Это из-за отца. Кстати, что вы о нем думаете?

— У меня нет достаточного времени для раздумий.

— Не уклоняйтесь от ответа. Он жадный, как черт. И, по-моему, еще чуточку сумасшедший. Естественно, он всех нас ненавидит. Может быть, кроме Эммы. И все из-за завещания деда.

Люси вопросительно взглянула на него.

— Мой дед умел делать деньги. Он занимался производством хрустящих хлебцев, рассыпчатого печенья и всяких других деликатесов к чаю. А потом, как человек дальновидный, быстро переключился на производство сыров и сандвичей с анчоусами, икрой, в общем, всего, что теперь с таким успехом и в огромных количествах подают на коктейлях. Дед хотел передать свое дело сыну, но мой отец заявил, что он выше всяких хрустящих хлебцев, и отправился в путешествие по Италии, на Балканы, в Грецию и стал подвизаться в искусстве. Мой дед пришел в ярость. Он решил, что отец совершенно неделовой человек и небольшой знаток искусства. Кстати, в обоих случаях он оказался прав. Так вот, он завещал весь свой капитал внукам. Отцу оставил пожизненно доходы с капитала, но собственно капитал отец тронуть не может. И знаете, что сделал отец? Он перестал тратить деньги. Приехал сюда, поселился в этом доме и начал копить. Я бы сказал, что к настоящему времени он собрал

почти столько же, сколько оставил дед. Но за все время никто из нас: ни Гарольд, ни я, ни Альфред, ни Эмма не получили ни пенса из денег деда. Я совершенно нищий художник. Гарольд занялся бизнесом и теперь известный человек в Сити: он унаследовал хватку деда делать деньги, хоть я слышал, что и он недавно залез в долги. Альфред? Ну, Альфред известен в тесном кругу семьи как Альфред-неудачник.

— Почему?

— Как много вы хотите знать! Альфред всегда выглядел в семье белой вороной. Правда, он еще не побывал в тюрьме, но был близок к ней. Во время войны он работал в министерстве снабжения, но внезапно ушел оттуда при загадочных обстоятельствах. А после там произошли неприятности с консервированными фруктами и из-за куриных яиц. Ничего серьезного. Несколько сомнительных сделок.

— А прилично ли рассказывать такое о брате незнакомому человеку?

— А почему нет? Вы что, полицейский агент?

— Возможно.

— Не думаю. Вы уже здесь работали, когда полиция заинтересовалась нами. Я бы сказал…

Он не договорил, потому что через дверь, веду-

щую в сад, вошла Эмма.

— Привет, Эм! Похоже, ты чем-то очень взволнована.

— Да. И я хочу поговорить с тобой, Гедрик.

— Я должна вернуться в дом, — тактично сказала Люси.

— Не уходите, — попросил Гедрик. — Это убийство практически превратило вас в одного из членов нашей семьи.

— Мне нужно еще многое сделать, — ответила Люси. — Я вышла сюда нарвать петрушки.

И она направилась в садик около кухни. Гедрик проводил ее взглядом.

— Красивая девушка, — сказал он. — Кто она на самом деле?

— О, она довольно известна, — сказала Эмма.

— Люси избрала своей специальностью домашние дела. Но оставь пока Люси в покое, Гедрик, я очень взволнована. Ясно, что полиция считает убитую женщину иностранкой и, возможно, француженкой. Гедрик, ты не думаешь, что это Мартина?

Какое-то время Гедрик смотрел на нее, будто ничего не понимая.

— Мартина? Но кто она, черт возьми? А, ты имеешь в виду Мартину?..

— Да. Ты не думаешь, что…

— Но какого дьявола это должна быть Мартина?

— То, что она прислала телеграмму, кажется очень странным, если подумать как следует. И приблизительно в то самое время… Не думаешь ли ты, что она, в конце концов, приехала сюда и…

— Ерунда! Зачем нужно Мартине приезжать сюда и сразу же отправляться в Длинный сарай? Для чего? Мне это кажется совершенно неправдоподобным.

— Значит, ты не думаешь, что мне нужно было бы рассказать это инспектору Бэйкену? Или тому, другому?

— Что рассказать?

— Ну, о Мартине. О ее письме.

— Знаешь, не усложняй дело. Ты внесешь в него массу неуместной чепухи, не имеющей отношения к убийству. Между прочим, я никогда не был уверен в этом письме от Мартины.

— А я была.

— Дружище, ты всегда верила всяким небылицам. Мой тебе совет — сиди тихо и держи язык за зубами. Дело полиции опознавать их драгоценный труп. Я уверен, что и Гарольд скажет тебе

то же самое.

— О, да. Гарольд, конечно, скажет то же самое. И Альфред тоже. Но я волнуюсь, Гедрик. Я действительно волнуюсь. И не знаю, что я должна предпринять.

— Ничего, — повторил Гедрик. — Помалкивай. И никогда не лезь на рожон, — вот мой принцип.

Эмма Крекенторп вздохнула. Она медленно пошла обратно к дому, на душе у нее было неспокойно. Как только она подошла к дверям, из дома вышел доктор Куимпер, он уже начал открывать дверцу своей старенькой машины, но, увидев Эмму, остановился, минуту помедлил и пошел навстречу Эмме. Она машинально улыбнулась ему. Доктор Куимпер всегда быстро угадывал настроения.

— Что-нибудь стряслось?

Эмма уже привыкла полагаться на доброту и участие доктора. Он становился другом всех, с кем имел дело. И не только как лечащий врач. Ее не обманывала его наигранная бесцеремонность, она знала, что за ней скрывается доброта.

— Я волнуюсь, это правда, — призналась она.

— Ну, расскажите мне, что стряслось? Если не хотите, не надо.

— Я бы хотела рассказать. Кое-что вы уже знае-

те. Самое главное, я не знаю, как поступить.

— Я считаю, что вы здесь наиболее здравомыслящий человек. Так в чем же дело?

— Вы помните, я вам рассказывала о своем брате, убитом на войне?

— Он женился или хотел жениться на француженке? Вы это хотите сказать?

— Да. Почти вслед за тем, как я получила от него такое письмо, его убили. Мы никогда ничего не слышали о ней. Единственно, что нам стало известно, ее имя. Мы всегда думали, что она напишет нам или объявится, но этого не случилось. Мы ничего о ней не знали до последнего времени, И вот месяц тому назад, как раз перед Рождеством…

— Я помню. Вы получили письмо. Кажется, так?

— Да. Она писала, что находится в Англии и что хочет приехать к нам. Мы уже обо всем договорились, но потом вдруг в самую последнюю минуту она прислала телеграмму, что ей неожиданно понадобилось вернуться во Францию.

— Ну и что?

— Полиция считает убитую женщину француженкой.

— Правда, они так думают? Мне больше ка-

жется, что убитая английского типа женщина. Но пока судить трудно. Так что же вас волнует тогда? Что убитая женщина может оказаться подружкой вашего брата?

— Да.

— Думаю, это не так, — сказал доктор Куимпер. А потом добавил: — Но все равно, я понимаю вас.

— Я все думаю, может быть, мне следует сообщить о девушке полиции? Гедрик и другие говорят, что совсем не обязательно. Как вы считаете?

— Хм.

Доктор Куимпер сжал губы, помолчал немного, задумался. А потом, как бы нехотя, ответил:

— Конечно, промолчать легче легкого. Я понимаю ваших братьев и что они думают. Но в то же время…

— Что?

Куимпер взглянул на нее, и в глазах у него появилась нежность.

— Я бы пошел и рассказал. Вы будете и дальше нервничать, если не сообщите об этом. Я же вас знаю.

Эмма чуть покраснела.

— Наверное, я просто глупая.

— Делайте то, что вы сами считаете нужным,

моя дорогая. И пусть все остальные катятся к чертям! Я в любое время буду согласен с вашим, а не с их мнением.

Глава 12

— Девушка! Эй, девушка! Идите сюда!

Люси с удивлением повернулась. Старик Крекенторп, усиленно жестикулируя, манил ее из-за двери.

— Вы меня звали, мистер Крекенторп?

— Не разговаривайте. Идите сюда.

Люси повиновалась его повелительному жесту. Старик Крекенторп схватил ее за руку, потянул в комнату и закрыл дверь.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал он.

Люси огляделась. Они находились в небольшой комнате, очевидно, предназначавшейся для кабинета, но в то же время уже не использовавшейся в качестве такового. Груды пыльных бумаг лежали на столе, паутина свисала с потолка в углах комнаты. Воздух стоял сырой, пахло плесенью.

— Вы хотите, чтобы я убрала эту комнату? — спросила Люси.

Старик Крекенторп неистово замотал головой.

— Да нет же, нет. Я держу ее на замке. Эмме все хочется пробраться сюда, но я не разрешаю. Это моя комната. Видите эти камни? Это геологиче-

ские образцы.

Люси посмотрела на коллекцию из двенадцати или четырнадцати камней, часть из которых казалась тщательно отшлифованной.

— Красивые, — сказала она доброжелательно. — Это очень интересно.

— Вы совершенно правы, это очень интересно. Вы умная девушка. Я не всем их показываю. А вам я покажу еще кое-что.

— Это очень любезно с вашей стороны, но мне нужно заниматься делами. В доме шесть человек…

— Которые меня объедают. Они только этим и занимаются, когда приезжают сюда. Едят! Они даже не предлагают заплатить за то, что съедают. Вымогатели! И все ждут моей смерти. Да, но я пока не собираюсь умирать. Я не собираюсь умирать и доставлять им удовольствие. Я намного сильнее, чем думает даже Эмма.

— Я в этом уверена.

— И к тому же я не очень уж стар. Она считает меня дряхлым и обращается со мной, как со стариком. Вы ведь не думаете, что я старик, а?

— Нет, конечно, — сказала Люси.

— Вы разумная девушка. Посмотрите-ка сюда.

Он показал на большую выцветшую схему,

висевшую на стене. Люси поняла, что видит генеалогическое древо. Некоторые из имен написаны настолько мелко, что нужно читать их через увеличительное стекло. Однако имена дальних предков, основателей династии, написаны крупными красивыми буквами, а над именами нарисованы короны.

— Мы ведем свой род от королей, — сказал мистер Крекенторп. — Это по линии моей матери, а не по отцу. Отец обычный человек! Он меня не любил. Я всегда был выше его. Пошел по материнскому роду. У меня наклонности к искусству и классической скульптуре, а он ничего не умел разглядеть. Глупый старый дурень. Я не помню своей матери, она умерла, когда мне исполнилось два года. Она была последней в своей семье. Ее семья разорилась, она вышла замуж за моего отца. Но смотрите сюда. Вот они: Эдвард Исповедник, Этельред Неповоротливый, да их еще много там. А жили они еще до нашествия норманнов. Понимаете, до норманнов, это ведь что-то да значит, а?

— Безусловно.

— А сейчас я покажу вам еще что-то.

Он провел ее через всю комнату к какому-то огромному шкафу из темного дуба. Люси стало не

по себе, когда она почувствовала силу пальцев, схвативших ее руку. Конечно, теперь нечего говорить о хилости старика Крекенторпа.

— Видите это? Привез из Лушингтона, там жили родные моей матери. Стиль эпохи королевы Елизаветы. Чтобы его сдвинуть, нужно четыре человека. Вы не знаете, что у меня там хранится, а? Хотите покажу?

— Покажите, пожалуйста, — вежливо сказала Люси.

— Любопытная, да? Все женщины любопытны.

Он вынул из кармана ключ, открыл дверцу нижнего ящика и вытащил оттуда ящик для денег, который казался удивительно новым. Открыл его ключом.

— Посмотрите-ка сюда, моя дорогая. Знаете, что здесь такое?

Он вытащил небольшой завернутый в бумагу цилиндр и сорвал бумагу с одного конца. На руку посыпались золотые монеты.

— Смотрите на них, молодая особа. Смотрите на них, подержите их в своих руках, потрогайте. Знаете, откуда они? Уверен, что не знаете. Вы еще молоды. Соверены — вот что вы видите, прекрасные золотые соверены. Ими мы пользовались до того, как вошли в моду эти грязные

кусочки бумаги. Стоят они гораздо больше ваших бумажек. Я давным-давно собрал их. У меня в этом сейфе есть и другие вещицы. Много-много разных ценностей положил я сюда. Все готово для будущего. Эмма не знает, никто не знает, это наш с вами секрет, слышите? А знаете, почему я их вам показываю?

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы вы думали, будто я выживший из ума больной старик. О, во мне еще полно жизни. Моя жена умерла давно. Она всегда мне перечила. Ей не нравились даже имена, которыми я назвал своих детей, хорошие саксонские имена. Она ничуть не интересовалась родословной нашей семьи. Я никогда не обращал внимания на ее слова, хотя всегда уступал ей, она ведь так и умерла робким, несчастным созданием. Ну, а вы не из робкого десятка, смелая, энергичная и очень хорошенькая девушка. Я дам вам совет. Не имейте дел с молодыми людьми. Молодые — все дураки! Вам нужно позаботиться о будущем. Подождите… — Пальцы его крепко обхватили руки Люси, он наклонился к ее уху и зашептал.

— Я вам ничего больше не скажу. Подождите. Эти идиоты думают, что я скоро умру. Нет, не

будет этого, и никто не удивится, если я даже переживу многих из них. А вот тогда посмотрим! Да, да, тогда увидим! У Гарольда нет детей. Гедрик и Альфред не женаты. Змма… Эмма теперь уже не выйдет замуж. Ей немножко нравится Кууимпер. Но Куимпер никогда и не думал жениться на Эмме. Конечно, есть еще Александр. И знаете, что я вам скажу: я обожаю Александра. Да, может быть странно, но я обожаю Александра.

Он замолчал, нахмурился, потом сказал:

— Ну, так вот, девушка, что вы думаете? Что думаете, а?

— Мисс Айлесбэроу…

Голос Эммы чуть слышно проник за закрытые двери кабинета. Люси с облегчением ухватилась за представившийся благоприятный случай.

— Меня зовет мисс Крекенторп. Я должна идти. Спасибо вам за то, что вы мне показали…

— Не забудьте… Это наш с вами секрет…

— Я не забуду, — сказала Люси и поспешно вышла в холл, не вполне уверенная, получила ли она только что завуалированное предложение вступить в брак.

Крэддок сидел за столом в своем кабинете Нового Скотланд Ярда на стуле в непринужденной позе и разговаривал по телефону, локтем опира-

ясь ка край стола. Он говорил на французском, которым довольно сносно владел.

— Понимаете, это просто версия, догадка, — говорил он.

— Несомненно, это лишь версия, — отвечал голос на другом конце провода в префектуре Парижа. — Я уже начал наводить справки в этих кругах. Мой агент говорит, что у него есть два-три многообещающих пути расследования. Если только здесь не семейная связь или любовная интрига, ведь такие женщины с легкостью порывают со своими привязанностями, и о них никто не беспокоится. Они уезжают в турне, или у них появляется какой-то новый мужчина, но об этом никто никогда не спрашивает. Очень жаль, что фотографию, которую вы мне прислали, никто не может опознать. Когда человек задушен, это никак на улучшает его внешнего вида. Итак, пока ничем не могу вам помочь. Я собираюсь изучить последние донесения моих агентов по этому делу. Может быть, в них что-нибудь и найдется. Оревуар, мон шер.

Как только Крэддок распрощался с французским коллегой, перед ним на стол положили лист бумаги. Он прочитал:

«Мисс Эмма Крекенторп хочет увидеть инспектора сыскной полиции Крэддока по делу Рутерфорд-холла».

Крэддок положил трубку на рычаг телефона и сказал констеблю:

— Пригласите сюда мисс Крекенторп.

Он ждал, откинувшись на спинку кресла, и думал. Итак, он не ошибся, Эмма Крекенторп знала что-то, не очень многое, но знала. И она решилась рассказать ему.

Когда Эмма вошла, он встал, поздоровался с ней за руку, усадил ее в кресло и предложил сигарету. Она отказалась. На какой-то момент наступило молчание. Ему показалось, что она старается подобрать соответствующие слова. Он наклонился к ней:

— Вы пришли, чтобы что-то мне рассказать, мисс Крекенторп? Можно, я вам помогу? Вы ведь чем-то взволнованы? Чем-то незначительным, возможно, таким, что, по вашему мнению, никак не связано с данным делом. Но, с другой стороны, это может как-то и. относиться к делу. Вы пришли, чтобы именно об этом рассказать мне, ведь так? Возможно, это связано с опознанием личности женщины. Вам кажется, что вы знаете ее?

— Нет, не совсем так. Я думаю, что вообще-то не очень правдоподобно, но…

— Но все же возможно, и это волнует вас. Так расскажите, потому что в наших силах успокоить вас.

Эмма помолчала немного, а потом начала рассказывать:

— Вы видели трех моих братьев. У меня был еще один, Эдмунд, он убит на войне. Незадолго до смерти он написал письмо из Франции.

Она открыла сумочку, вытащила из нее старое измятое и выцветшее письмо и стала читать:

> «Я надеюсь, что для тебя, Эмма, это не станет ударом. Я женюсь на француженке. Все получилось неожиданно, но я знаю, что Мартина тебе понравится, и что ты позаботишься о ней, если со мной что-нибудь случится. Я напишу тебе все подробно в следующем письме, к тому времени я уже буду женатым человеком. Как-нибудь осторожно скажи об этом старику, будь любезна. Он, вероятно, взорвется».

Инспектор Крэддок протянул руку, и Эмма, поколебавшись, отдала ему письмо, а сама тороп-

ливо продолжала:

— Через два дня после получения этого письма пришла телеграмма, в которой говорилось, что Эдмунд пропал без вести, и, возможно, даже убит. Впоследствии подтвердилось, что он погиб. Все это происходило незадолго до Дюнкерка, время было смутноо. Насколько я смогла выяснить, в армейских документах не записано, что он женат, но, повторяю, время было сложное. Я никогда и ничего не слышала об этой девушке. После войны попыталась навести кое-какие справки, но я знала лишь ее имя, к тому же та часть Франции была оккупирована немцами, и выяснить что-либо, не зная фамилии, не имея никаких дополнительных сведений о ней, было трудно. В конце концов, я пришла к выводу, что их брак так никогда и не состоялся и что девушка, по всей вероятности, в конце войны вышла за кого-нибудь замуж, а возможно и погибла.

Инспектор Крэддок кивнул головой, и Эмма продолжала:

— Представьте мое удивление, когда около месяца тому назад я вдруг получила письмо, подписанное Мартиной Крекенторп.

— Оно у вас с собой?

Эмма вытащила письмо из сумки и отдала его

инспектору. Крэддок с интересом начал его читать. Написано оно было наклонным почерком по-французски и грамотно.

«Уважаемая мадемуазель!

Я надеюсь, что вас не шокирует мое письмо. Я даже не знаю, писал ли вам ваш брат Эдмунд, что мы поженились. Он мне говорил, что собирался вам написать. Он погиб всего через несколько дней после нашей свадьбы. Почти одновременно с его смертью немцы оккупировали нашу деревню. После войны я решила, что не стану писать вам или вступать как-то с вами в контакт, хотя Эдмунд и просил меня об этом. Потом я создала себе новую семью, и необходимость в контактах отпала. Но теперь все изменилось. Я пишу письмо ради своего сына. Он сын и вашего брата, теперь я уже не могу больше обеспечить ему всего необходимого. В начале будущей недели я приеду в Англию. Сообщите, пожалуйста, могу ли я приехать к вам повидаться? Мой почтовый адрес: Элверс Крезент, дом 126, кв. 10.

Я еще раз смею выразить надежду, что

мое письмо не явится для вас ударом.

Примите заверения в самых лучших к вам чувствах.

Мартина Крекенторп.»

Крэддок молчал, он снова внимательно перечитал письмо, потом вернул его Эмме.

— И как вы поступили, получив письмо, мисс Крекенторп?

— Случилось так, что в это время у нас находился Брайен Истлеу, мой зять. Я ему рассказала о письме. Затем позвонила брату Гарольду в Лондон и спросила его совета. Гарольд отнесся к сообщению довольно скептически и посоветовал быть чрезвычайно осторожной. Он сказал, что мы должны очень осмотрительно отнестись к личности этой женщины.

Эмма помолчала немного, затем продолжала:

— Конечно, в этом есть здравый смысл, и я с ним согласилась. Но если эта девушка, женщина, действительно та самая Мартина, о которой мне писал Эдмунд, то тогда, как мне казалось, мы должны встретить ее радушно. Я написала по ее адресу и пригласила приехать в Рутерфорд-холл повидаться с нами. Через несколько дней получила телеграмму из Лондона: «Очень сожа-

лею, вынуждена срочно вернуться во Францию. Мартина». Больше от нее не было ни писем, ни каких-либо других известий.

— И когда это все произошло?

Эмма нахмурила брови.

— Это случилось совсем незадолго до Рождества, как мне кажется. Потому что я собиралась предложить ей провести вместе с нами рождественские праздники. Но брат даже слышать не хотел. Поэтому я попросила ее приехать через неделю после Рождества, пока вся семья еще в сборе. Телеграмма с сообщением о ее возвращении во Францию пришла как раз за несколько дней до Рождества.

— И вы предполагаете, что женщина, чье тело обнаружено в саркофаге, та самая Мартина?

— О нет, конечно, нет. Просто, когда вы сказали, что она по всей вероятности иностранка, то я никак не могла сдержаться, чтобы не подумать… А что если… может быть…

Голос ее умолк. Крэддок поспешил успокоить ее:

— Вы совершенно правильно поступили, что рассказали мне. Мы этим займемся. Но я бы сказал, что теперь трудно сомневаться, что женщина, написавшая вам письмо, действительно

снова уехала во Францию. С другой стороны, есть определенные совпадения в датах, как вы и сами смогли догадаться. Вы слышали на следствии, что согласно заключению медицинской экспертизы смерть этой женщины произошла три-четыре недели тому назад. А теперь не волнуйтесь, мисс Крекенторп, и положитесь на нас. — Он добавил еще как бы невзначай. — Вы советовались по этому поводу с мистером Гарольдом Крекенторпом. А как отнеслись к этому ваш отец и другие братья?

— Конечно, я вынуждена была рассказать. На отца мой рассказ сильно подействовал. Он убежден, что все заранее подстроено, чтобы получить от нас деньги, — она чуть улыбнулась. — Мой отец всегда очень волнуется, когда речь заходит о деньгах. Он считает или делает вид, что считает, будто он очень бедный человек и должен беречь каждый пенс. Конечно, это неправда. У него большой доход, и он тратит едва ли четвертую часть его, или, вернее сказать, не тратил денег до тех пор, пока не установили высокие налоги на доходы. Естественно, он сумел скопить крупную сумму.

Она помолчала немного, потом добавила:

— Я рассказала о письме и двум другим мо-

им братьям. Альфред как будто принял его за шутку, хотя и он думал, что здесь почти чистый обман. А Гедрика письмо просто-напросто не заинтересовало, он предпочитает заниматься исключительно самим собой. Мы решили, что всей семьей встретим Мартину и что попросим присутствовать при этом нашего адвоката мистера Уимборна.

— Что думал по этому поводу Уимборн?

— Мы с ним этого не обсуждали. Только собирались это сделать, но тут пришла телеграмма от Мартины.

— И вы ничего больше не предпринимали?

— Предприняла. Я написала в Лондон по тому адресу и попросила переслать мое письмо на новое местожительство Мартины, если она переехала. Но никакого ответа так и не получила.

— Довольно странно… Хм…

Он пристально взглянул на нее.

— А что вы сами обо всем этом думаете?

— Я даже и не знаю, что вам сказать.

— А как вы реагировали на письмо? Подумали ли вы, что письмо настоящее, или согласились с отцом и братьями? Кстати, что подумал ваш зять?

— О, Брайен думал, что письмо подлинное.

— А вы?

— Я не уверена.

— Какие чувства вызвала она у вас? Предположили ли вы, что эта девушка действительно является вдовой вашего брата Эдмунда?

Лицо Эммы смягчилось.

— Я обожала Эдмунда. Он остался самым любимым моим братом. Письмо мне казалось именно таким, какое такая девушка, как Мартина, могла написать при определенных обстоятельствах. Она очень естественно написала о том, как все произошло. Я поняла, что до конца войны она или же вышла снова замуж или жила вместе с каким-то мужчиной, который заботился о ней и о ее ребенке. А потом, возможно, этот человек умер или покинул ее, и ей показалось правильным обратиться к семье Эдмунда еще и потому, что Эдмунд сам этого хотел. Письмо казалось мне правдивым и подлинным. Но, конечно, Гарольд правильно считал, что если письмо написано мошенницей, то это должна быть женщина, которая хорошо знала Мартину и располагала всеми фактами, чтобы быть в состоянии написать такое подробное и правдоподобное письмо. Я должна согласиться, что это разумное замечание, но тем не менее…

Она замолчала.

— Вы хотели бы, чтобы это оказалось правдой? — мягко спросил Крэддок.

Она с благодарностью посмотрела на него.

— Да, я хотела бы, чтобы это было правдой. Я бы очень обрадовалась, если бы у Эдмунда остался сын.

Крэддок кивнул.

— Значит, вы говорите, что письмо на первый взгляд выглядит вполне достоверно. Удивительное здесь в последующих событиях: в том, что Мартина Крекенторп внезапно уехала в Париж и что вы с тех пор ничего о ней не знаете. Вы ответили на ее письмо доброжелательно и приготовились встретить в своем доме. Почему же, даже в том случае, если она вернулась во Францию, она вновь не написала? Это допускает возможность подумать о ней как о подлинно существующем человеке. Если она мошенница, все объясняется легче. Я подумал сначала, что вы, по-видимому, проконсультировались с адвокатом мистером Уимборном, и что за этим последовало выяснение различных обстоятельств, которые встревожили эту женщину. Вы сказали, что адвокату ничего не говорили. Но все же возможно, что кто-то из ваших братьев мог сделать что-нибудь

подобное. Возможно, что у Мартины могли оказаться какие-то особые дела, подоплека которых не допускала расследования. Она могла рассчитывать, что будет иметь дело лишь с сестрой Эдмунда, которая обожала его, а не с искушенным в делах человеком. Она могла надеяться на то, что получит какую-то сумму денег от вас для малыша, — хотя вряд ли он теперь уже малыш, это должен быть мальчик приблизительно лет пятнадцатишестнадцати, — без многочисленных вопросов, которые ей могли задать. Но вместо легких денег Мартина обнаружила, что ей придется столкнуться с чем-то совершенно другим. И потом я могу предположить, что возникли бы серьезные юридические вопросы. Если бы у Эдмунда Крекенторпа остался сын, рожденный в законном браке, он стал бы одним из наследников состояния вашего деда?

Эмма утвердительно кивнула.

— Более того, из всего сказанного следует, что он в свое время унаследовал бы и Рутерфорд-холл, и землю, примыкающую к нему, которая в настоящее время в большой цене, так как нужна для постройки больших домов.

Эмма посмотрела на него со слегка испуганным выражением.

— Да, я раньше об этом не думала.

— Ну, теперь беспокоиться не о чем, — сказал инспектор Крэддок. — Вы правильно поступили, придя сюда и рассказав обо всем. Я наведу справки. Но мне кажется совершенно ясным, что нет связи между женщиной, которая написала письмо и, очевидно, пыталась выудить у вас деньги надувательством, и женщиной, тело которой обнаружено в саркофаге.

Эмма поднялась с чувством облегчения.

— Я рада, что рассказала вам. Вы так добры ко мне.

Крэддок проводил ее до двери. Потом позвонил по телефону сержанту Уэтераллу из сыскного отделения.

— Боб, у меня есть для тебя дело, Пойди по адресу Элверс Крезент, дом 126, квартира 10. Возьми с собой фотографию женщины, обнаруженной в Рутерфорд-холле. Узнай все, что можно, о женщине, называющей себя миссис Мартина Крекенторп. Она или жила там, или заходила за письмами в период, скажем, с 15-го по конец декабря.

— Слушаюсь, сэр.

Крэддок занялся другими делами, которые ждали на столе своей очереди. После полудня он вышел повидаться со своим другом, театральным

агентом. Его расследования оказались безрезультатными.

Позднее в тот же день, вернувшись на работу, он нашел у себя на столе телеграмму из Парижа.

> «Подробности, сообщенные вами, могут относиться к Анне Стравинской из балетной труппы Марицкого. Советую лично срочно приехать сюда. Дззин, полицейская префектура».

У Крэддока вырвался вздох облегчения, ему показалось, что у него свалилась с плеч гора. Морщинки на его лбу разгладились.

«Наконец-то. Теперь легче разобраться с этой Мартиной Крекенторп», — подумал он и решил этой же ночью вылететь в Париж.

Глава 13

— Так любезно с вашей стороны было пригласить меня на чай, — сказала мисс Марпл Эмме Крекенторп.

Мисс Марпл сегодня выглядела особенно полной, она вся была закутана в шерстяные вещи, настоящая пожилая приятная дама. Оглядевшись по сторонам, она заулыбалась, увидев Гарольда Крекенторпа в хорошо сшитом темном костюме, Альфреда, с очаровательной улыбкой предлагавшего ей сандвичи, Гедрика, стоявшего у камина в своем поношенном твидовом пиджаке и сердито смотревшего на всех остальных членов семьи.

— Мы очень рады, что вы смогли приехать к нам, — сказала вежливо Эмма.

Сейчас уже не осталось и намека на ту сцену, которая немного раньше, как раз после обеда, разыгралась здесь после того, как Эмма воскликнула:

— О, господи! Я совсем забыла сказать. Я разрешила мисс Айлесбэроу пригласить к нам сегодня на чай свою престарелую тетушку.

— На что она нам здесь нужна, — бесцеремон-

но заявил Гарольд. — Мы еще сами о многом не переговорили. И нам ни к чему здесь посторонние люди.

— Пусть выпьет чаю на кухне или еще где-нибудь вместе со своей племянницей, — сказал Альфред.

— Нет, я так не могу, — твердо заявила Эмма. — Это чересчур уж невежливо.

— Пусть, пусть она придет сюда, — сказал Гедрик. — Мы сможем что-нибудь выведать у нее об этой необыкновенной Люси. Мне бы хотелось побольше узнать о ней, вот что я скажу. Я не полностью доверяю ей. Уж слишком она ловкая.

— У нее большие связи, и она совершенно искренна, — сказал Гарольд. — Это уж я постарался выяснить. В таких вещах нужна уверенность. Ведь Люси совала свой нос где надо и где не надо и обнаружила труп.

— Да, если бы нам узнать, кто эта чертова шельма, — сказал Альфред.

Гарольд гневно добавил:

— Я должен сказать тебе, Эмма, ты совсем сошла с ума, когда пошла в полицию и сделала заявление, что убитая женщина, возможно, французская подружка Эдмунда. Это заставит их поверить, что она приехала сюда и что кто-то из

нас убил ее.

— О нет, Гарольд, пожалуйста, не преувеличивай.

— Гарольд совершенно прав, — сказал Альфред. — Что руководило тобой, Эмма, не знаю, но у меня такое чувство, будто за мной по пятам уже ходят сыщики.

— А я говорил, чтобы она не сообщала, — сказал Гедрик. — Это Куимпер ей насоветовал.

— А уж это вовсе не дело Куимпера, — гневно сказал Гарольд. — Пусть лучше занимается своими таблетками и порошками, да еще своими делами в комитете по охране здоровья.

— О, перестаньте ссориться, — попыталась возразить Эмма. — Я даже рада, что старая мисс… как ее зовут? — приедет сегодня к чаю. Для всех нас лучше, что в доме появится посторонний человек, хоть это помешает нам без конца перебирать старое. Я сейчас должна пойти и хоть немного привести себя в порядок.

Она вышла из комнаты.

— Эта Люси Айлесбэроу, — начал Гарольд и, помолчав, продолжил. — Гедрик уже говорил о своем недоумении, зачем это ей вдруг понадобилось совать свой нос в сарай и даже открывать саркофаг. Адская же работа! Может быть, принять

по отношению к ней какие-то меры? И мне кажется, — добавил он, — что ее поведение за обедом было подозрительно недоброжелательным.

— Предоставьте все это мне, — сказал Альфред.

— Я скоро выясню, имеет ли она какое-либо отношение к этому делу.

— Мне тоже совсем непонятно, зачем ей понадобилось открывать саркофаг.

— Может, она на самом деле никакая не Люси Айлесбэроу, — предположил Гедрик.

— Так в чем же дело? — Гарольд казался действительно сильно встревоженным. — О, черт!

Они смотрели друг на друга взволнованно.

— Да, и в дополнение ко всему придет еще к чаю ее отвратительная назойливая старая тетка. Как раз когда мы все хотим еще раз обдумать.

— Ну, ладно, мы обдумаем это сегодня вечером, — сказал Альфред. — А пока постараемся выкачать из этой старой шельмы сведения относительно Люси.

И вот Люси, встретив радушно мисс Марпл, усадила ее у камина. Мисс Марпл благодарно улыбалась Альфреду, предлагавшему ей сандвичи. Она всегда радовалась, когда видела симпатичного человека.

— Большое спасибо вам… Я хотела бы спро-

сить… О, сандвич с яйцом и сардинами очень вкусный. Боюсь только, что я уж очень становлюсь жадной и много ем за чаем. Знаете, когда дело идет к старости… Но, конечно, перед сном я ем лишь самую малость. Мне нужна осторожность в еде. — Она снова повернулась к хозяйке дома. — Какой у вас приятный дом! И так много красивых вещей. А ваша бронза напоминает мне те вещицы, которые мне отец купил на Парижской выставке. А, это ваш дедушка собирал? Виден классический стиль. Очень славные вещицы… Как, наверное, вы рады, что ваши братья находятся рядом с вами. Сейчас так часто разваливаются семьи, многие уезжают в Индию, хотя я думаю, что теперь уж с ней покончено, многие в Африку, на западное побережье, а там такой плохой климат.

— Два моих брата живут в Лондоне.

— Как вам повезло!

— А мой третий брат, Гедрик — художник, он живет на Ивице, одном из Балеарских островов.

— Художники прямо обожают острова, ведь правда? — спросила мисс Марпл. — Шопен вот жил на Майорке? Ах, да, он музыкант. Это я имела в виду Гогена. Печальная у него была жизнь, сразу чувствуется — зря потраченная. Я вот сама

никогда не увлекалась картинами туземных женщин, и хотя знаю, что Гогена очень превозносят, мне никогда не нравились эти мрачные горчичные краски. Когда смотришь на такие картины, чувствуешь, что тебя переполняет желчь.

Она наблюдала за Гедриком со слегка сдержанным неодобрением.

— Расскажите нам о детстве Люси, мисс Марпл, — сказал Гедрик.

Она улыбнулась ему, полная благодарности за такой вопрос.

— О, Люси, она росла такой умной. Да, да, и не перебивайте меня, дорогая. И удивительно хорошо знала арифметику. О, я помню, когда мясник обсчитал меня однажды…

Мисс Марпл пустилась в воспоминания о детстве Люси, а потом перешла к воспоминаниям о своей собственной жизни в деревне.

Поток воспоминаний прервал приход Брайена и мальчиков, мокрых и грязных — результат энергичных поисков разгадки убийства. Подали чай, и в это же время пришел доктор Куимпер. Он удивленно поднял брови, оглядевшись, после того, как ему представили пожилую даму.

— Я надеюсь, Эмма, что ваш отец не в саду?

— О, нет… То есть, он просто немного устал

сегодня днем.

— Избегает гостей, как мне кажется, — сказала мисс Марпл с лукавой улыбкой. — Как хорошо я помню своего собственного дорогого отца! «А что, много собралось твоих сплетниц? — обычно спрашивал он мою мать. — Принесите мне чай в кабинет». Уж очень он капризничал в таких случаях.

— Пожалуйста, не думайте… — начала Эмма, но Гедрик перебил ее.

— Он всегда пьет чай в кабинете, когда его дорогие сыновья приезжают домой. Это, наверное, как-то объясняется психологически, а, доктор?

Доктор Куимпер, поглощая один за другим сандвичи и кексы с откровенным аппетитом и признательностью человека, у которого слишком мало времени на еду, сказал:

— Психология хороша, когда ею занимаются психологи. Вся беда в том, что теперь каждый считает себя психологом. Мои пациенты совершенно квалифицированно рассказывают, от каких недугов и неврозов они страдают, не давая мне и слова вымолвить… Спасибо, Эмма, я выпью еще одну чашечку. Сегодня у меня не хватило времени пообедать.

— Жизнь врача, как мне всегда казалось, полна

благородства и самопожертвования, — сказала мисс Марпл.

— Вряд ли вы знаете много настоящих врачей, — ответил доктор Куимпер. — Иногда их называют кровопускателями, и такими кровопускателями они обычно и являются! Во всяком случае, сейчас мы получаем на законном основании плату, за этим следит государство, теперь не посылаются пациентам счета, которые иногда не оплачивались, и пациенты быстро научились получать все, что только можно, от правительства. И в результате, если маленькая Дженни два раза ночью кашлянула, или малыш Томми съел пару зеленых яблок, то бедный доктор должен мчаться к ним среди ночи… О, как вкусно! Кексы — чудо. Какая вы прекрасная кулинарка, Эмма!

— Не я их пекла, это мисс Айлесбэроу.

— Но вы их делаете не хуже, — преданно сказал Куимпер.

— Вы, может быть, пройдете посмотреть отца?

Она встала, доктор последовал ее примеру. Мисс Марпл смотрела на них, пока они вышли из комнаты.

— Мисс Крекенторп преданная дочь, я это вижу, — сказала она.

— Не могу себе представить, как у нее хватает

терпения выносить старика, — откровенно заявил Гедрик.

— У нее уютный и удобный дом, и отец к ней очень привязан, — быстро вставил Гарольд.

— Эм — молодец, — сказал Гедрик. — Она рождена, чтобы оставаться старой девой.

В глазах мисс Марпл чуть заметно мелькнул огонек.

— Вы так думаете? — спросила она.

Гарольд быстро ответил:

— Мой брат употребил слова «старая дева» не в каком-то унизительном смысле, мисс Марпл.

— О, я не обиделась, — сказала мисс Марпл, — я просто подумала, а прав ли он? Я бы не сказала, что мисс Крекенторп — старая дева. Она женщина другого типа, из тех, кто выходит замуж поздно, а потом живет счастливо.

— Это не очень-то возможно здесь, — сказал Гедрик. — Она никого не видит, за кого бы могла выйти замуж.

Мисс Марпл подмигнула многозначительно.

— Ну, всегда ведь есть священники и врачи.

И взгляд ее, добрый и озорной, переходил с одного лица на другое. Ясно, что она намекнула на то, о чем они никогда не думали и не считали очень уж привлекательным. Мисс Марпл встала

и начала прощаться, роняя при этом то шерстяной платок, то сумку. Все три брата, проявив к ней внимание, поднимали вещи.

— Вы очень любезны, — бормотала мисс Марпл. — О, да, еще мой голубой шарфик. Да, так вот, вы были очень добры, пригласив меня к себе. Я все хотела себе представить, какой же ваш дом? Теперь уж я своими глазами увидела, где работает милая Люси.

— Прекрасные условия для работы, впридачу с убийством, — сказал Гедрик.

— Гедрик! — голос Гарольда прозвучал резко и зло.

Мисс Марпл улыбнулась Гедрику.

— Знаете, кого вы мне напоминаете? Молодого Томаса Ида, сына управляющего банком. Ему всегда нравилось шокировать людей. Конечно, в банковских кругах это не принято, вот и пришлось ему ехать в Вест-Индию… Он вернулся домой, когда отец его уже умер, и унаследовал огромный капитал. Молодой человек был очень рад наследству. Он всегда предпочитал лучше тратить деньги, чем их добывать.

Люси проводила мисс Марпл домой. И когда возвращалась обратно, из темноты навстречу ей вышел какой-то человек и остановился под фона-

рем как раз в тот момент, когда она собиралась свернуть. Она узнала Альфреда Крекенторпа.

— Вот это лучше, — сказал он, садясь к ней в машину. — Бр-р-р, как холодно! Мне что-то захотелось немножко пройтись, чтобы взбодриться, но ничего не вышло. Вы проводили свою тетушку домой, все в порядке?

— Да. Ей очень понравилось.

— Это заметно. До чего же странная любовь у старых особ ко всякого рода сборищам, пусть даже скучным. И, право же, нет ничего скучнее, чем Рутерфорд-холл. Меня хватает здесь лишь на два дня. И как вы так сжились с этим, Люси? Вы не будете возражать, если я стану называть вас Люси?

— Нет, не буду. А я не считаю, что здесь чересчур скучно. Конечно, мне ведь не всегда здесь оставаться.

— Я все время наблюдал за вами. Вы ведь симпатичная девушка. Слишком симпатичная для того, чтобы посвятить себя кухне и уборке.

— Спасибо, но я предпочитаю готовить и убирать для кого-нибудь, чем по супружескому долгу.

— Как и я. Но есть и другие пути в жизни. Вы могли бы жить совершенно свободно.

— А я свободна.

— Нет, не так. Я хочу сказать, вы могли бы работать для себя, направляя свой разум против…

— Против кого?

— Да против сильных мира сего! Против всех глупых крючкотворных правил и предписаний, которые в каше время всех нас так стесняют. И самое интересное, что всегда их можно обойти, если вы достаточно симпатичны для этого. А вы такая и есть. Ну, скажите, нравится вам такая идея?

— Возможно.

Люси развернула машину и завела ее в гараж.

— Ну как, не хотите связываться?

— Мне бы хотелось побольше узнать.

— Честно говоря, моя милая, я мог бы вас пристроить к делу. В вас есть что-то такое привлекательное, внушающее доверие.

— Вы хотите, чтобы я помогала вам продавать золотые слитки?

— Нет, зачем так рисковать. Просто чуть-чуть обойти закон, ничего больше. — Рука его скользнула по ее плечу. — Вы чертовски симпатичная девушка, Люси. Мне бы хотелось иметь такого партнера в деле.

— Я польщена.

— И больше ничего? Подумайте! Подумайте, как весело и какое получаешь удовольствие от того, что перехитрил всех этих рассудительных, степенных людей. Вся печаль в том, что для дела нужен капитал.

— Боюсь, что деньгами не могу вам помочь.

— О, я совсем не туда клоню! Не так уж долго осталось ждать, когда ко мне в руки кое-что попадет. Мой достопочтенный папаша ведь не проживет вечно, наш жадный старый деспот. Когда он испустит дух, я получу кое-что существенное. Так как же, Люси?

— А какие условия?

— Поженимся, если уж вам так хочется. Все женщины одинаковы, независимо от того, насколько они преуспевают и обеспечены в жизни. И ко всему прочему, замужняя женщина не даст показаний против своего мужа.

— Ну, это не так уж приятно слышать!

— Бросьте, Люси. Разве вы не понимаете, что я уже попался к вам на крючок.

Совершенно неожиданно Люси почувствовала себя счастливой. Альфред в какой-то мере обладал обаянием, исходившим, возможно, от его жизнерадостности. Она засмеялась и выскользнула из его объятий:

— У меня нет времени для флирта, нужно подумать об ужине.

— Вот так всегда и получается, Люси. А вы ведь хорошо готовите! Что сегодня на ужин?

— Подождите, увидите. Вы точно такой, как и наши мальчики.

Они вошли в дом, и Люси поспешила на кухню. К ее удивлению, вскоре на кухне появился Гарольд Крекенторп.

— Мисс Айлесбэроу я хотел бы с вами кое о чем поговорить.

— А нельзя ли немного позже, мистер Крекенторп? Я сейчас очень занята.

— Конечно, конечно. После ужина?

— Да, так будет лучше.

Ужин был подан в должное время и оценен сидящими за столом. После того, как Люси закончила уборку и вымыла посуду, она вышла в холл, где ее уже ждал Гарольд Крекенторп.

— Слушаю вас, мистер Крекенторп.

— Давайте, пойдем вот сюда.

Он открыл дверь в гостиную, пропустил ее вперед и плотно закрыл дверь.

— Завтра рано утром я уезжаю, — объяснил он, — но я хотел сказать вам, насколько я поражен вашими способностями.

— Спасибо, — ответила Люси, чувствуя себя несколько удивленной.

— Я чувствую, что ваши таланты здесь пропадают, зря пропадают.

— Правда? Я так не думаю.

«Во всяком случае, уж он-то не сможет просить меня выйти за него замуж, — подумала Люси, — у него уже есть жена».

— Я предлагаю, чтобы вы, доведя до конца заботу о нас всех в это прискорбное для нас время, позвонили мне по телефону в Лондоне. Если у вас появится желание назначить время для встречи, я оставлю указания на этот счет своему секретарю. Я думаю, вы будете приятно удивлены.

Улыбка его стала великодушной.

— Спасибо вам, мистер Крекенторп, — ответила Люси сдержанно. — Я об этом подумаю.

— Не тяните. Такой случай не следует упускать молодой женщине, которая заботится о своем пути в нашем мире.

И снова его зубы блеснули в улыбке.

— До свидания, мисс Айлесбэроу, желаю вам доброй ночи.

«Да, — сказала себе Люси. — Да… Все это очень и очень интересно».

Поднимаясь на второй этаж к себе в спальню,

она встретила на лестнице Гедрика.

— Послушайте, Люси. Я вас хочу кое о чем спросить.

— Хотите, чтобы я вышла за вас замуж, поехала на Ивицу и стала заботиться о вас?

Гедрик казался пораженным и слегка встревоженным.

— Никогда не думал ни о чем подобном.

— Простите, значит, я ошиблась.

— Я просто хотел узнать, есть ли у нас в доме железнодорожное расписание?

— И это все? Расписание лежит на столе в холле.

— Знаете, что я вам скажу? — продолжал Гедрик укоризненно. — Не следует думать, что все хотят жениться на вас; вы хорошенькая девушка, но не такая уж красавица. Для подобных вещей есть свое название, вами овладела такая мысль, но вы ошибаетесь. На самом деле вы не являетесь той женщиной, на которой я захотел бы жениться. Вовсе не той.

— Правда? — спросила Люси. — Не стоит меня в этом так усиленно убеждать. Может быть, вы предпочитаете меня в качестве мачехи?

— Что? Что вы сказали? — Гедрик остановил на ней свой ошеломленный взгляд.

— То, что слышали, — сказала Люси, входя в свою комнату и закрывая дверь.

Глава 14

Дэрмота Крэддока с Армандом Дэзином из парижской полицейской префектуры связывала дружба. Они встречались по поводу одного-двух дел и понравились друг другу.

— Имейте в виду, что это всего лишь предположение, — предупредил Дэзин. — У меня есть фотография артисток кордебалета. Вот она, четвертая слева. Вам ее лицо о чем-нибудь говорит?

Инспектор Крэддок ответил, что решительно ни о чем. Те, кто мог заинтересовать их в связи с убийством, выглядели экстравагантно под толстым слоем косметики и в шляпках из перьев. Среди них трудно опознать женщину, обезображенную смертью.

— Вполне возможно, что это она, — проговорил инспектор Крэддок, — но я не уверен. Так что вы о ней знаете?

— Почти ничего, — ответил весело его собеседник. — Видите ли, она не из «звезд». Да и весь «Балет Марицкого» тоже ничего значительного не представляет. Он выступает в пригородных театрах, выезжает на гастроли, в нем нет громких

имен, знаменитых балерин. Но я вас познакомлю с мадам Жолиэ, которая держит труппу.

Мадам Жолиэ оказалась проворной деловой француженкой с острым взглядом, небольшими усиками и огромным количеством жировой прокладки под кожей.

— О, я не люблю иметь дело с полицией! — Она хмурилась, глядя на них, не скрывая, что ей не доставляет удовольствия их визит. — Всегда, когда только возможно, полиция причиняет мне неприятности.

— Нет, нет, мадам, не говорите так, — сказал Дэзин, высокий худой меланхолического вида человек. — Ну, скажите, когда я причинял вам неприятности?

— А помните дурочку, которая выпила карболовую кислоту, — немедленно ответила мадам Жолиэ. — Из-за того, что влюбилась в дирижера оркестра, а он никогда женщинами не увлекался, у него другой вкус. Вы по этому поводу устроили шум, а он не делает чести моему прекрасному балету.

— Напротив, — сказал Дэзин. — Я сделал вам большие сборы. И потом, это случилось три года тому назад. Не надо быть злопамятной. А теперь давайте поговорим об Анне Стравинской.

— Хорошо, что же вы хотите о ней знать? — спросила мадам осторожно.

— Она русская? — начал инспектор Крэддок.

— Нет, конечно. Вы имеете в виду фамилию? Но все балерины присваивают себе звучные имена. Она была довольно бледной фигурой, не отличалась завидной красотой. Так себе, ничего особенного. Правда, она прилично танцевала в кордебалете, но не солировала.

— Анна — француженка?

— Возможно. У нее французский паспорт. Но она мне говорила, что ее муж — англичанин.

— Она говорила вам, что ее муж англичанин? Он жив или умер?

Мадам Жолиэ пожала плечами.

— Или умер, или бросил ее. Откуда мне знать? Эти девицы, у них всегда неприятности с мужчинами…

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Мы выезжали с труппой в Лондон на шесть недель. Давали представления в Торнуэй, в Борнемуте, в Уэстоурне и еще где-то, я забыла, потом вернулись во Францию, но Анна не вернулась. Она только письмом мне сообщила, что оставляет труппу и будет жить с семьей мужа, и еще какую-то чепуху. Я сама не очень верила в это и

думала, что, вернее всего, она встретила какого-то мужчину. Вы меня понимаете?

Инспектор Крэддок кивнул головой. Он чувствовал, что мадам Жолиэ говорила то, что думала.

— Для меня это не большая потеря, и я даже не беспокоюсь о ней. Я могу набрать сколько угодно таких танцовщиц и даже получше. Я прочитала письмо и забыла о нем. Все эти девицы одинаковы: с ума сходят от мужчин.

— Когда это случилось?

— Когда мы вернулись во Францию? Это… да… в воскресенье перед Рождеством. А Анна ушла за два или три дня до этого. Не могу вспомнить точно. Но в конце недели нам пришлось танцевать без нее. А это означало, что мы должны перестраиваться… Но ей, конечно, наплевать на это. Впрочем, эти девицы, стоит им только встретить мужчину, уже ни о чем больше не думают. Я только сказала: «Слышите, конец! Я ее обратно не возьму!».

— Вам это очень неприятно?

— О! Мне? Совершенно безразлично. Ясно, она провела рождественские праздники с мужчиной, которого подцепила. Но это не мое дело. Я могу найти других, кто мечтает танцевать в «Балете

Марицкого». Они смогут танцевать так же и даже лучше Анны.

Мадам Жолиэ замолчала, а потом спросила, проявляя интерес:

— А почему вы ищете ее? Она получила наследство?

— Наоборот, — вежливо ответил инспектор Крэддок. — Мы думаем, что ее убили.

— А! Такое случается, — сказала мадам Жолиэ безразличным тоном. — Она верная католичка, ходила по воскресеньям на мессу и, конечно, исповедовалась.

— Не говорила ли она вам о сыне, мадам?

— О сыне? Вы думаете, что у нее остался ребенок? Ну, это выглядит невероятно. Все эти девицы знают точный адрес, куда обращаться. Мосье Дэзин знает это так же хорошо, как и я.

— У нее мог родиться ребенок до театра, — сказал Крэддок. — Например, во время войны.

— А, во время войны? Это вполне возможно. Но если ребенок и рос, то я ничего о нем не знаю.

— А с кем из ваших девушек она близко дружила?

— Могу назвать два-три имени, но и с ними она не была очень откровенной.

Больше ничего важного они не получили от

мадам Жолиэ. Когда ей показали пудреницу, она сказала, что у Анны видела такую же, впрочем, как и у других девушек. Анна, вероятно, купила пальто в Лондоне, мадам Жолиэ точно не знает.

— О, я занята репетициями, освещением сцены, у меня много трудностей в работе, и нет времени смотреть, во что одеваются артистки.

После разговора с мадам Жолиэ они побеседовали с девушками; одна или две из них знали Анну хорошо, но сказали, что она не из тех, кто много рассказывает о себе. А если уж рассказывала, то чаще всего врала.

— Ей нравилось набивать себе цену, рассказывать небылицы! То она любовница Великого Герцога, то английского банкира, или вдруг начинала выдумывать, как сражалась в Сопротивлении в войну. И даже, что была звездой в Голливуде.

А другая девушка сказала:

— Я думаю, на самом деле у нее очень скучная и неинтересная жизнь. Ей нравился балет, она считала его романтичным, но сама оказалась посредственной танцовщицей. Вы понимаете, ее отец — продавец мануфактуры в Амьене, что нельзя назвать романтичным, вот почему она выдумывала.

— Даже в Лондоне, — сказала первая девушка, — она делала намеки, будто у нее есть богатый поклонник, который собирается взять ее в кругосветное путешествие. Потому что она, видите ли, напоминает ему дочь, погибшую в автомобильной катастрофе. Явная чепуха!

— А мне говорила, что собирается остаться с богатым лордом Шотландии, — вступила вторая девушка. — Она сказала, что в Шотландии будет охотиться на ланей.

Рассказы девушек не помогли в раскрытии истины. Одно было очевидным, что Анна Стравинская слыла лгуньей. Конечно, она не охотилась на ланей с пэром Шотландии и мало правдоподобно, что она находилась сейчас на солнечной палубе лайнера, совершающего кругосветное путешествие. Но нет никаких достоверных доказательств того, что именно ее тело обнаружено в саркофаге Рутерфорд-холла. Опознание ее девушками и мадам Жолиэ по фотографии выглядело неуверенным и сомнительным. Чем-то похожа на Анну, в этом согласились все, но право же, лицо очень раздулось; так могла выглядеть любая.

Но удалось установить, что 19 декабря Анна Стравинская решила не возвращаться во Францию, а 20 декабря женщина, внешне похожая на

нее, ехала в Брэкхемптон на поезде, отошедшем в 4 часа 33 минуты, и была задушена.

Если женщина в саркофаге не Анна Стравинская, то где теперь находилась Анна?

Ответ мадам Жолиэ выглядел просто и определенно:

— С каким-нибудь мужчиной!

И, возможно, ответ правильный, с сожалением думал Крэддок. Еще одно необходимо принять во внимание: мадам Жолиэ вскользь обронила, что муж Анны — англичанин.

Может быть, ее мужем был Эдмунд Крекенторп? Но в то же время это выглядит маловероятным после рассказов двух девушек. Более достоверным казалось, что Анна знала Мартину близко, разузнала некоторые подробности ее жизни и написала то самое письмо Эмме Крекенторп. А если так, то, испугавшись расследований, она пришла к выводу, что благоразумнее всего расстаться с «Балетом Марицкого». Да, но где находится Анна теперь?

Самым правдоподобным выглядел ответ мадам Жолиэ:

— С каким-нибудь мужчиной…

До отъезда из Парижа Крэддок переговорил с Дэзином о Мартине. Дэзин согласился с Крэддоком,

что скорее всего не она была найдена в саркофаге, но сказал, что необходимо тщательное расследование. Он заверил Крэддока, что французский уголовный розыск сделает все возможное и установит, действительно ли зарегистрирован брак между лейтенантом Эдмундом Крекенторпом из 4-го Саутширского полка и француженкой по имени Мартина перед сражением у Дюнкерка. Дэзин, однако, предупредил Крэддока, что надеяться на точные сведения нельзя, потому что эта часть Франции сильно пострадала во время оккупации. Многие здания и документы уничтожены.

— Тем не менее, дорогой коллега, мы сделаем все, что в наших силах.

Сержант Уэтералл ждал возвращения Крэддока, чтобы доложить ему с мрачным видом:

— По адресу Элверс Крезент, 126 находится вполне респектабельный дом.

— А опознание дало что-нибудь?

— Нет, никто не мог утверждать, что на фотографии именно та женщина, которая приходила за письмами. Но ведь прошел почти месяц, и в доме побывало много народу. Вообще-то дом является пансионом для студентов.

— Она могла жить в пансионе под другим именем.

— Но никто не признал на фотографии постоянную жилицу. Мы обошли несколько гостиниц, — добавил он. — Ни в одной из них не записана среди приезжих Мартина Крекенторп. После вашего телефонного звонка из Парижа мы навели справки об Анне Стравинской. Она вместе с труппой записана в дешевой гостинице на Брук-Грин. Там чаще всего останавливаются артисты. Анна выехала оттуда в ночь на вторник, 19 декабря, после спектакля. И больше нигде не появлялась.

Крэддок кивнул. Он наметил пути дальнейшего расследования, хотя надежд было мало.

Поразмыслив, он позвонил мистеру Уимборну и попросил его о встрече.

В установленное время Крэддока провели в довольно душный кабинет. За старомодным огромным столом сидел мистер Уимборн, со всех сторон обложенный кипами запыленных бумаг. По стенам красовались ящики для дел с наклейками: «Сэр Джон Фоулдс, ныне умерший», «Леди Дэррин», «Георг Роуботэм, эсквайр».

Реликвии ли это прошлого века или часть современных юридических дел, инспектор так и не понял.

Мистер Уимборн смотрел на посетителя с вежливой осторожностью, характерной для адво-

катов, ведущих дела какой-нибудь семьи, когда они встречаются с полицией.

— Чем могу быть полезен, инспектор?

— Вот письмо.,. — Крэддок протянул через стол письмо Мартины.

Мистер Уимборн дотронулся до него с видимым отвращением, но в руки не взял.

— Совершенно верно, — сказал он, — вчера я получил письмо от Эммы Крекенторп, в котором она сообщала о своем визите в Скотланд Ярд. Я совершенно не понимаю, почему сразу после получения письма от Мартины со мной никто не посоветовался. Невероятно, странно! Меня необходимо было немедленно поставить в известность…

Инспектор Крэддок спокойно повторил те банальные вещи о роли полиции, которые привели мистера Уимборна в умеренное состояние.

— Я и представить не мог, что возникнет вопрос о женитьбе Эдмунда, — сказал мистер Уимборн с обидой в голосе.

Инспектор Крэддок сказал, что он мог такое предположить, ведь было военное время.

— Военное время! — ухватился мистер Уимборн с язвительной жестокостью. — Да, конечно! Помню, в начале войны мы стояли во дворе

юридического института Линкольнс Инн, и как раз в соседний дом попала бомба. Огромное количество регистрационных книг и протоколов погибло на глазах. Конечно, не такие уж важные документы. Потом основные архивы эвакуировали в пригород. Но пожар вызвал огромное количество путаницы и беспорядков.

Естественно, в то время все дела семьи Крекенторп находились в руках моего отца. Он умер шесть лет тому назад. Полагаю, ему было известно о так называемой женитьбе Эдмунда, но эта женитьба, очевидно, не состоялась, а поэтому мой отец не считал разговоры о ней хоть сколько-нибудь значительными. Для меня все это звучит довольно подозрительно. Теперь, после стольких лет, вдруг всплывает вопрос о законном сыне. Очень уж подозрительно. А какие у нее есть к тому доказательства?

— Вот именно, — сказал Крэддок. — Каково положение ее самой и ее сына?

— Я думаю, она надеялась, что Крекенторпы обеспечат ее и мальчика.

— Да, но я спросил, какие у нее и ее сына юридические права, если она сумеет подтвердить свои притязания.

— О, понимаю. — Мистер Уимборн схватил со

стола очки, надел их и с пристальным вниманием стал разглядывать инспектора Крэддока… — Так вот, в настоящий момент — никаких. Но если она сможет доказать, что мальчик законный сын Эдмунда Крекенторпа, то тогда мальчик получает право на свою долю наследства, оставленного Джошуа Крекенторпом. Но только после смерти Лютера Крекенторпа. Более того, ему перейдет Рутерфорд-холл как сыну старшего наследника.

— А кто-нибудь еще хочет унаследовать Рутерфорд-холл?

— С целью поселиться в нем? Я совершенно определенно знаю, что никто. Но владение, дорогой мой инспектор, стоит больших денег, весьма больших денег. Земля нужна для постройки жилых домов и заводов, участок находится в самом центре Брэкхемптона. Да, наследство весьма значительное.

— Если умрет Лютер Крекенторп, то имение перейдет к Гедрику?

— Он имеет на него права как старший из живых сыновей.

— Мне дали понять, что Гедрик Крекенторп не интересуется деньгами.

Мистер Уимборн холодно взглянул на Крэддока.

— Правда? Сам бы я хотел сказать о нем, как о человеке с перчиком. Вы думаете, что в мире есть такие люди, которые бы отказывались от денег? Я, например, лично таких не встречал.

Мистеру Уимборну доставило удовольствие сделанное им замечание. Инспектор Крэддок поспешил воспользоваться таким оборотом.

— Очевидно, Гарольд и Альфред Крекенторп, — наугад назвал он имена, — сильно опечалились, когда пришло письмо?

— Очень может быть, — сказал мистер Уимборн, — очень может быть и так.

— Это уменьшает их долю наследства?

— Конечно. Сын Эдмунда Крекенторпа — будем предполагать, что он действительно существует, — унаследует пятую часть завещанного состояния.

— Но пятая часть ведь для них не очень большая потеря?

Мистер Уимборн взглянул на него с хитрецой.

— Это ни в коей мере не достаточное основание для убийства. Вы это хотите сказать?

— Но у них обоих очень запутаны денежные дела, — пробормотал Крэддок.

— О, полиция уже занялась наведением справок? Так вот, Альфред почти постоянно сидит на

мели, иногда у него появляются деньги, но так же скоро исчезают. Гарольд, как вам стало уже известно, в настоящее время находится в рискованном положении.

— Несмотря на видимое финансовое благополучие?

— Видимость. Все это лишь видимость! Половина концернов Сити даже не знают, платежеспособны они или нет. Балансовые дела для непосвященных выглядят вполне благополучно. Но когда актив не является таковым, тогда все статьи находятся на грани банкротства. Так что же происходит?

— Происходит, очевидно, то, что сейчас случилось с Гарольдом Крекенторпом — невероятная нужда в деньгах.

— Да, но он не станет добывать их убийством вдовы своего умершего брата, — сказал мистер Уимборн. — Ведь никто не убивает Лютера Крекенторпа, хотя его смерть принесет выгоду семье. Поэтому, инспектор, я все же никак не могу понять, в каком направлении работают ваши мысли.

Самое худшее, думал инспектор Крэддок, что он и сам не очень хорошо знал, в каком направлении они работают.

Глава 15

Инспектор Крэддок условился о встрече с Гарольдом Крекенторпом в его конторе. В назначенное время Крэддок и сержант Уэтералл приехали туда. Контора помещалась на четвертом этаже здания, где размещались различные учреждения Сити. Внутри все говорило о процветании фирмы, о совершенстве современного делового вкуса.

Опрятная молодая женщина спросила их фамилии, что-то полушепотом проговорила в телефонную трубку, затем встала и провела их в кабинет Гарольда Крекенторпа.

Гарольд сидел за огромным обитым кожей столом и выглядел сосредоточенным. И даже если бы он находился на грани краха, он бы и вида не подал. Так, по крайней мере, подумал инспектор, зная уже подоплеку дел. Гарольд посмотрел на них приветливо, с явным интересом.

— Доброе утро, инспектор Крэддок. Я думаю, ваш приезд означает, что наконец вы можете сообщить нам что-то определенное.

— Боюсь, это не так, мистер Крекенторп. Просто

мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Еще вопросы? Уверен, что я уже ответил на все ваши вопросы.

— Так кажется только вам, мистер Крекенторп.

— Ну, так что же вас интересует? — он говорил несколько раздраженно.

— Что вы делали днем и вечером 20 декабря. Ну, скажем, с 3 часов дня и до полуночи.

Гнев исказил лицо Гарольда Крекенторпа, оно стало багрово-красным.

— Самый неуместный вопрос, какой мне только когда-нибудь приходилось слышать! Что это значит?

Крэддок спокойно улыбнулся.

— Всего лишь то, что я хочу знать, где вы были между 3 часами пополудни и полуночью в пятницу 20 декабря.

— Зачем?

— Это поможет свести дело к нескольким пунктам.

— Свести их на нет? Значит, у вас есть какие-то дополнительные сведения?

— Мы надеемся на них, сэр.

— Я не уверен, что обязан отвечать на ваш вопрос. Особенно, в отсутствии моего адвоката.

— Это ваше личное дело, — сказал Крэддок. —

Вы не обязаны отвечать на мои вопросы без вашего адвоката.

— Вы не намерены как-то мне угрожать?

— О, нет, сэр, — инспектор Крэддок выразил удивление. — Никоим образом. Вопросы, которые я задал вам, я обычно задаю и всем другим. Ничего сугубо личного в них нет. Мне просто необходимо кое-что уточнить.

— Да, конечно. Я хотел бы вам помочь. Дайте подумать. На ваш вопрос без подготовки ответить нелегко, но я очень пунктуален. Надеюсь, мисс Элис подскажет все, что необходимо.

Он позвонил, и почти тотчас же в кабинет вошла молодая женщина в облегающем черном костюме с блокнотом в руке.

— Моя секретарша мисс Элис. Инспектор Крэддок, — он представил их друг другу. — Мисс Элис, инспектору хотелось бы знать, что я делал днем и вечером… какое это было число, инспектор?

— Пятница, 20 декабря.

— В пятницу, 20 декабря. Я надеюсь, что у вас записано.

— О, да. — Мисс Элис вышла из кабинета, затем тут же вернулась с календарем. — Утром 20 декабря вы находились в конторе. У вас походило совещание с мистером Голди по вопросу объеди-

нения торговых и промышленных предприятий с фирмой Комарти. Затем вы обедали с лордом Фортуиллом в ресторане «Беркли».

— Да, да, это было в тот день! Дальше?

— Вы вернулись в контору около трех и продиктовали с полдюжины писем. Затем вы уехали на аукцион Сотбис, где вас заинтересовали какие-то редкие рукописи. Больше вы уже в контору не возвращались, но здесь у меня стоит пометка напомнить вам, что вечером вы приглашены на прием в клуб «Катеринг». — Она выжидающе посмотрела на своего шефа.

— Спасибо, мисс Элис.

Мисс Элис выскользнула из кабинета.

— Да, теперь у меня в голове все ясно, — сказал Гарольд. — Я поехал на аукцион Сотбис после обеда, но те предметы, которые я хотел купить, шли по очень высокой цене. Я выпил чаю в каком-то небольшом кафе на улице Джермин-стрит. По-моему, оно называется «Руссельс». Я зашел на полчаса на биржу, а потом поехал домой. Я живу на Гардиан-Гарденс, 4. Прием в клубе «Катеринг» состоялся в половине восьмого. Затем я вернулся домой и лег спать. Вас удовлетворил мой ответ?

— Благодарю вас, мистер Крекенторп. В котором часу вы заезжали домой переодеваться?

— Точно я не помню, но что-то около шести часов.

— А когда вы вернулись домой после приема?

— Думаю, в половине двенадцатого.

— Дверь вам открыл слуга? Или сама леди Алиса Крекенторп?

— Моя жена, леди Алиса, сейчас за границей, на юге Франции, она уехала туда в начале декабря. Я вошел в дом сам, у меня есть свой ключ.

— Значит, никто не может подтвердить, что вы вернулись домой именно в то самое время, которое вы назвали.

Гарольд холодно уставился на него.

— Полагаю, слуги слышали, когда я вернулся. *У* меня живет слуга с женой. Но, право же, инспектор….

— Мистер Крекенторп, я знаю, что такие вопросы неприятны, но я уже почти закончил. У вас есть автомобиль?

— Да, «Хамбер-хок».

— Вы сами водите машину?

— Да. Но не очень много, лишь на уик-энд. Ездить в Лондоне стало совершенно невозможно.

— Я предполагаю, что, навещая своих отца и сестру в Брэкхемптоне, вы ездите туда на своей машине?

— Не всегда. Лишь в тех случаях, когда собираюсь остаться там на длительный срок. Если же еду на день, как, например, позавчера на следствие, всегда пользуюсь поездом. Поезда обслуживают прекрасно, и ехать поездом намного быстрее, чем машиной. На станции меня обычно встречает сестра.

— Где стоит ваша машина?

— В гаражах позади улицы Гардиан-Гаденс. У вас есть еще вопросы?

— Я думаю, пока на этом закончим, — заключил инспектор Крэддок, с улыбкой поднимаясь со своего места. — Я очень сожалею, что потревожил вас.

Когда вышли на улицу, сержант Уэтералл, который всегда подозревал всех и каждого, многозначительно произнес:

— Ему очень не понравились ваши вопросы, совершенно не понравились. Он прямо выходил из себя.

— Когда человек не совершил преступления, естественно, он раздражается, что его подозревают, — сказал мягко инспектор. — А для такого сверхреспектабельного человека, как Гарольд Крекенторп, они вдвойне неприятны. Теперь нужно узнать, видел ли кто-нибудь Гарольда

Крекенторпа в тот день на аукционе. То же самое о том кафе, где он пил чай. Он легко мог ехать поездом в 4.33, выбросить женщину и сесть на обратный лондонский, успев вовремя на прием. Так же легко он мог той же ночью сесть в свою машину, поехать в Рутерфорд-холл, перетащить труп в саркофаг и вернуться обратно. Наведите справки в гараже.

— Слушаюсь, сэр. Вы думаете, он именно так поступил, как вы предположили?

— Откуда я могу знать? — вспылил инспектор Крэддок. — Он тоже высокий, тоже темноволосый. Он тоже мог оказаться в том поезде. И у него связи с Рутерфорд-холлом. Он человек, которого можно подозревать. А теперь займемся его братом Альфредом.

Альфред Крекенторп занимал квартиру в районе Вест-Хэмпстед, в большом современном доме, который казался наскоро построенным и непрочным. Дом был окружен большим дворам, где владельцы квартир оставляли свои машины.

Квартира Альфреда была оборудована по новейшему встроенному типу, и, очевидно, обставлена мебелью, взятой напрокат. У него были длинный фанерный стол, который опускался из стены, диван-кровать и различные стулья самых

неправдоподобных размеров.

Альфред Крекенторп встретил их дружелюбно, но, как показалось инспектору, нервничал.

— Я заинтригован вашим приходом, — сказал он. — Что будете пить, инспектор Крэддок? — он вытащил несколько бутылок, предлагая напитки на выбор.

— Нет, спасибо, мистер Крекенторп.

— Неужто все так плохо? — Альфред засмеялся своей собственной маленькой шутке, а затем спросил о цели визита. Инспектор Крэддок стал задавать вопросы.

— Что я делал днем и вечером 20 декабря? Да откуда мне знать? Ведь прошло более трех недель.

— Ваш брат Гарольд сумел нам рассказать об этом дне во всех подробностях.

— Брат Гарольд — возможно. Но не брат Альфред. — А потом добавил с оттенком злобы. — Гарольд — счастливчик в нашей семье. Деловой человек, всегда занятый. У него находится время на все, и все делается вовремя. И если бы даже он совершил, — ну убийство, что ли? — то и оно было бы тщательно предусмотрено во времени и деталях.

— У вас есть определенные причины говорить такие вещи?

— О, нет. Просто взбрело вдруг в голову.

— Ну, а теперь расскажите о себе.

Альфред развел руками.

— Вот я и говорю, у меня совсем нет памяти на даты и места. Вот если бы вы спросили о рождественском дне, то я бы вам ответил. Тут есть за что зацепиться. Я точно знаю, где его провел. Мы провели его вместе с отцом в Брэкхемптоне. Он все время ворчал, как дорого ему обходится наш приезд. А если бы мы не приехали, то ворчал бы, что мы не думаем о нем. Вообще-то мы приезжаем ради нашей сестры.

— Так вы поступили и в этом году?

— Да.

— Но, к сожалению, ваш отец был болен, не так ли?

Крэддок умышленно вел разговор не о самом главном, поддавшись чисто профессиональному чувству.

— Он живет, как воробей, клюет понемногу, вечно занятый вопросами экономии, а тут вдруг плотно наелся и напился. Вот и результат.

— Только это?

— Конечно. А разве было что-то еще?

— Мне показалось, что врач был взволнован его болезнью.

— О, этот старый дурак Куимпер, — сказал Альфред с пренебрежением. — Зря слушаете его, инспектор, он большой паникер.

— Правда? А мне он показался человеком рассудительным.

— Он круглый дурак. Отец вовсе не инвалид. У него ничего страшного с сердцем, но он целиком подчиняется Куимперу. Естественно, когда отец действительно заболевает, то устраивает жуткую суету, заставляет Куимпера бегать туда и сюда, без конца забрасывает его вопросами. А в целом все выглядит смехотворно.

Альфред говорил с необычайным раздражением.

Крэддок некоторое время молчал довольно-таки многозначительно. Альфред заерзал, быстро взглянул на инспектора и нетерпеливо спросил:

— Так в чем же дело? Почему вы хотите знать, где я находился в пятницу три или четыре недели тому назад?

— Вы помните, что была пятница?

— Мне показалось, что вы так сказали.

— Может быть, — согласился инспектор Крэддок.

— Во всяком случае, я спрашиваю о пятнице 20 декабря.

— Почему?

— Обычные уточняющие вопросы.

— Чепуха! Вы узнали что-то еще о той женщине?

— Наши сведения пока неполные.

Альфред быстро взглянул на него.

— Я надеюсь, вас не ввела в заблуждение сумасбродная версия Эммы, будто убитая могла оказаться вдовой моего брата Эдмунда. Это полнейшая чепуха.

— А Мартина никогда не обращалась за чем-нибудь к вам?

— Ко мне? Упаси боже! Это выглядело бы смешно.

— Вы думаете, она обратилась бы к вашему брату Гарольду?

— Это более вероятно. Его имя часто встречается в газетах, он обеспеченный человек. Если бы она попыталась обратиться к нему, я бы не удивился. Но Гарольд такой же скряга, как и сам старик. Эмма, конечно, самая добросердечная из всей семьи. И к тому же она считалась любимицей Эдмунда. Но Эмма не легковерна, она очень быстро сообразила, что эта женщина могла оказаться подставной.

— Очень разумно, — сказал Крэддок. — А что,

день, когда вы собрались вместе, назначили заранее?

— Мы должны были собраться вскоре после Рождества, в конце недели, 27-го… — Он замолчал.

— Ага, — сказал удовлетворенно Крэддок, — я вижу, некоторые даты все-таки оседают в вашей памяти!

— Так я говорю, что определенного дня никто не назначал.

— Но вы говорили о дне. Как вас понимать?

— Я действительно не могу вспомнить.

— И вы не можете сказать, что делали в пятницу 20 декабря?

— Простите, но все выскочило из головы.

— И у вас нет записной книжки или календаря, куда вы заносите время и дни назначенных встреч?

— Терпеть не могу таких вещей.

— Это была пятница перед Рождеством. Не так уж трудно вспомнить.

— Я играл в гольф, и даже с видимым успехом. — Альфред покачал головой. — Нет, за неделю да этого. Я, наверное, просто слонялся где-нибудь. У меня на это уходит масса времени. Я понял, что дела обычно лучше делаются в барах.

— Может быть, кто-нибудь из ваших друзей смог бы вам помочь?

Теперь Альфред казался более уверенным в себе.

— Я не могу сказать вам, что я делал в тот день, — сказал он. — Но я могу сказать, чего я не делал. Я никого не убивал в Длинном сарае.

— Для чего вы это говорите, мистер Крекенторп?

— Послушайте, дорогой инспектор, вы ведь занимаетесь расследованием убийства. И когда начинаете спрашивать, где я был в такой-то день и час, вы делаете упор на что-то определенное. Я бы хотел знать, почему вы выбрали день 20 декабря и время между обедом и полуночью. Может быть, кто-нибудь видел в тот день, как покойная входила в сарай? Она туда вошла, но никогда уже не вышла обратно. Или что-нибудь в этом роде?

Острый взгляд темных глаз пристально следил за инспектором Крэддоком, но тот не реагировал на вопросы Альфреда.

— Боюсь, что мы не можем сообщить вам ничего определенного, — сказал он вежливо.

— Полиция чересчур скрытничает.

— Не только полиция. Я думаю, мистер Крекенторп, что вы смогли бы вспомнить, что делали в

ту самую пятницу. Но у вас, наверное есть свои причины, мешающие вспоминать об этом.

— На это вы меня не поймаете, инспектор. Конечно, очень подозрительно, что я не могу вспомнить, но так и есть на самом деле! Не могу! Хотя, подождите минутку. На той неделе перед Рождеством я ездил в Лидс и жил в гостинице недалеко от Таун-Холл. Никак не могу вспомнить ее названия, но вы легко выясните. Кажется, была как раз пятница.

— Мы проверим, — спокойно, без всяких эмоций сказал инспектор.

Он поднялся.

— Я очень огорчен, мистер Крекенторп, что вы не смогли помочь нам.

— И мне ужасно неприятно! Вот Гедрик имеет алиби, потому что он был на Ивице, Гарольд, у которого расписан каждый час для деловых свиданий и многолюдных обедов, тоже в силах оправдаться. И здесь же я, без какого бы то ни было алиби. Очень печально и глупо. Я уже говорил вам, что не занимаюсь убийствами. И к тому же, зачем мне убивать незнакомую женщину? Даже если она и вдова Эдмунда, то с какой целью нам убивать ее? Напротив, мы все бы радовалась, увидев, как приходится раскошеливаться отцу,

выкладывать денежки, чтобы содержать жену Эдмунда и посылать его сына в приличную школу. Отец, конечно, был бы в ярости, но не смог бы из уважения к приличиям отказать им. Не хотите ли выпить перед тем, как идти, инспектор?

— Сэр, послушайте, что я скажу вам.

Инспектор Крэддок посмотрел на взволнованного сержанта.

— Что такое, Уэтералл?

— Я засек, сэр, этого парня. Я все пытался вспомнить, и вдруг меня осенило. Он был замешан в эту историю с консервами вместе с Дикки Роджерсом! Но тогда он ловко выпутался. И еще он был вместе с этими парнями из Сохо. Помните, дело о часах и итальянских золотых соверенах?

Конечно! Теперь Крэддок понял, почему лицо Альфреда казалось ему знакомым. Он стал притчей во языцех, но лишь на время, потому что доказать ничего не удалось. На Альфреде лежали подозрения в причастности к этим неблаговидным делам, но он сумел найти правдоподобные отговорки.

— Теперь становится кое-что ясно, — сказал Крэддок.

— Может быть, он?

— Нет, он не из тех, кто решится на убийство.

Но зато очень понятно, почему он не мог доказать своего алиби.

— Да, для него же хуже.

— Не совсем уж глупо настойчиво заявлять, что ничего не помнишь, если не хочешь привлекать внимания к жизни, которую ведешь. Вроде тех интимных встреч на грузовике, переполненном парнями из банды Дикки Роджерса.

— Так вы думаете, что это не он?

— Я не могу сказать ничего определенного о ком-либо из братьев, — сказал инспектор Крэддок. — Надо еще крепко поработать, Уэтералл.

Вернувшись в комнату, Крэддок нахмурился и стал делать заметки в блокноте, лежавшем на столе.

«Убийца — высокий черноволосый человек!

Жертва? —

1) возможно, Мартина — подружка или вдова Эдмунда Крекенторпа;

2) возможно, Анна Стравинская. Выехала в Англию в подходящее для дела время. Исчезла в обусловленное время. Подходящий возраст и наружность, одежда и т. д. Никакого отношения не имеет к

Рутерфорд-холлу. Возможно, первая жена Гарольда! (Двоеженство). Возможно, любовница (шантаж). Если связана с Альфредом, то и шантаж. Очевидно, имела сведения, которые могли упрятать его за решетку? Если Гедрик, то могла быть в связи с ним за границей. Париж? Балеарские острова?

Или

Жертва может быть Анной С., выдававшей себя за Мартину.

Или

Жертва — неизвестная женщина, убитая неизвестным убийцей.»

— Вернее всего, самое последнее, — сказал вслух Крэддок.

Он снова и снова печально перебирал факты. Далеко в этом деле не продвинешься, если не знаешь мотивов убийства. А пока все мотивы либо не отвечают требованиям ситуации, либо далеко не привлекательны. Вот если бы речь шла об убийстве старика Крекенторпа! Здесь уж было бы все ясно.

Что-то еще всплывало у него в памяти, и он делал заметки в своем блокноте:

«Спросить доктора К. о болезни на Рождество. Гедрик — алиби.

Расспросить мисс М. о слухах в последнее время».

Глава 16

Когда Крэддок приехал на Мэдисон-роуд, 4, он увидел там мисс Марпл и Люси Айлесбэроу. Вначале он заколебался, сумеет ли осуществить задуманный план, но потом решил, что Люси Айлесбэроу даже сможет стать его союзником.

После взаимных приветствий он с торжественным видом вытащил из портфеля три фунта стерлингов, потом добавил к ним три шиллинга и подвинул их через стол к мисс Марпл.

— Что это, инспектор?

— Гонорар за консультацию. Вы ведь являетесь нашим консультантом. Пульс, температура, реакция местных жителей, вероятные причины, руководившие убийцей. Я ведь всего лишь бедный полицейский практикант.

Мисс Марпл посмотрела на него, и в ее глазах загорелись лукавые огоньки. Он усмехнулся. Люси Айлесбэроу приоткрыла рот от изумления, а потом расхохоталась.

— До чего же вы интересный человек, инспектор Крэддок!

— Ну что вы! Я просто сегодня свободен от слу-

жебных обязанностей.

— Я говорила вам, что мы раньше встречались, — сказала мисс Марпл Люси. — Сэр Генри Клитеринг — его крестный отец, а мой старый друг.

— Хотите послушать, мисс Айлесбэроу, мнение моего крестного об этой женщине? Он представил мне мисс Марпл как самого превосходного сыщика, которого только создавал бог. Он говорил мне, чтобы я никогда не пренебрегал… э… пожилыми людьми. Он сказал, что старые дамы обычно могут сказать, что могло случиться, что должно было случиться и даже что именно случилось. А кроме того, они могут объяснить, почему та или иная… э… пожилая дама вдруг превосходит всех своим талантом.

— Понятно! — сказала Люси. — Это похоже на приветственный адрес.

Мисс Марпл порозовела, смутилась и казалась необычно польщенной.

— Милейший сэр Генри, — бормотала она, — он такой добрый. Честно говоря, я вовсе не такая умная, просто у меня есть знание человеческой натуры. Знаете, когда живешь в дерезне…

Потом добавила, уже с большим самообладанием:

— Конечно, я поставлена в невыгодное положение, потому что не была на месте преступления и не видела всех людей Рутерфорд-холла.

Люси казалась несколько смущенной таким заявлением, но Крэддок кивнул понимающе.

— Но вы ведь были там на чае? — спросил он.

— Да, конечно. Это так приятно. Я лишь немного расстроилась, что не увидела старого мистера Крекенторпа. Но нельзя же иметь сразу все!

— Вам кажется, что если бы вы увидели убийцу, то сразу бы узнали его? — спросила Люси.

— О нет, дорогая, строить догадки в таком серьезном деле, как убийство, плохо. Но просто необходимо наблюдать за определенными лицами и думать, кого они напоминают.

— Как, например, Гедрик или управляющий банком?

Мисс Марпл поправила ее:

— Как сын управляющего банком, дорогая. Сам мистер Ид больше похож на мистера Гарольда; очень собранный человек, но слишком большой любитель денег. Он относится к тому типу людей, которые сделают все во избежание скандала.

Улыбнувшись, Крэддок спросил:

— А Альфред?

— Это Дженкинс в гараже, — ответила сразу

же мисс Марпл. — Он хорошо присваивает себе части от автомашин, но обычно делает подмену. Поломанный домкрат он поменяет на новый. И не очень честно поведет себя, если вам нужен аккумулятор. Хотя я не очень хорошо понимаю все эти детали. А вот Эмма, — задумчиво продолжала мисс Марпл, — очень напоминает мне Джеральдину Уэбб; всегда такая спокойная, безвкусно одетая и очень запуганная своей пожилой матерью. Для всех явилось сюрпризом, когда, посла скоропостижной смерти матери, Джеральдина, став обладательницей изрядной суммы денег, уехала, сделав себе новую прическу. Она отправилась в путешествие по морю, а вернулась уже женой очень симпатичного адвоката. У них теперь двое детей.

Сравнение показалось довольно прозрачным. Люси, немного смутившись, спросила:

— Все только что сказанное должно относиться к замужеству Эммы? По-моему, замужество Эммы очень огорчит ее братьев.

Мисс Марпл кивнула.

— Да, — сказала она, — это очень похоже на всех мужчин. Они совершенно не способны видеть, что происходит у них под носом. Я думаю, что вы и сами много не разглядели.

— Не разглядела, — призналась Люси. — Я просто не думала ни о чем подобном. Оба они показались мне такими…

— Такими старыми? — спросила мисс Марпл, чуть улыбнувшись. — Но ведь доктору Куимперу чуть больше сорока. И хотя у него поседели виски, он определенно жаждет семейной жизни. И Эмме Крекенторп под сорок, она не слишком стара, чтобы выйти замуж и создать семью. Жена доктора, как я слышала, умерла совсем молодой после родов.

— Да, Эмма как-то говорила об этом.

— Доктор очень одинок, — сказала мисс Марпл. — Занятому, много работающему врачу нужна жена симпатичная и не очень молодая.

— Послушайте, дорогая, — сказала Люси. — Мы что же, расследуем преступление или занимаемся сватовством?

В глазах у мисс Марпл появилось лукавство.

— Боюсь, что я слишком романтична. Очевидно, потому, что я старая дева. Знаете, дорогая Люси, что касается вас, то вы уже выполнили условие нашего договора. И если вы теперь действительно хотите поехать за границу, то у вас есть еще время для небольшой поездки.

— Уехать из Рутерфорд-холла? Никогда! Теперь

я превратилась в настоящего сыщика. Стала такая же, как мальчишки; они все свое время посвящают поискам улик. Вчера они обшарили весь мусорный ящик. Это ведь так противно! И, к тому же, они совершенно не представляют, что именно надо искать. Но если они с триумфом прибегут к вам, инспектор Крэддок, с клочком бумаги, на котором написано: «Мартина, если вам дорога жизнь, не подходите близко к Длинному сараю», то знайте, что я сжалилась над ними и спрятала такую записку в свинарнике.

— А почему в свинарнике, дорогая? — спросила мисс Марпл с интересом. — Разве Крекенторпы держат свиней?

— О, нет, теперь уже нет. Просто… я иногда хожу туда.

И Люси почему-то вдруг покраснела. Мисс Марпл смотрела на нее со все возрастающим интересом.

— А кто сейчас остался в доме? — спросил Крэддок.

— Только Гедрик, да Брайен приехал на уикэнд. Гарольд и Альфред приедут завтра, сегодня утром они звонили по телефону. У меня создалось впечатление, что вы поместили кошку среди голубей, инспектор Крэддок.

Крэддок улыбнулся.

— Я немножко разволновал их. Просил дать отчет о том, чем они занимались в пятницу, 20 декабря.

И они сделали это?

— Гарольд смог, а Альфред не смог или не захотел.

— Мне кажется, что доказать свое алиби — дело чрезвычайно трудное, — сказала Люси. — Время, место, число… Должно быть, нелегко и вам все это проверить.

— Да, нужно время и терпение, но нам это удается. — он посмотрел на часы. — Я сейчас еду в Рутерфорд-холл переговорить с Гедриком, но прежде я хотел бы поймать доктора Куимпера.

— Вы будете там как раз вовремя, он заканчивает хирургический прием около половины седьмого. А я должна ехать обратно и заняться обедом.

— Мне бы очень хотелось знать ваше мнение, мисс Айлесбэроу, что думают члены семьи о Мартине, что они говорят между собой о ней?

Люси с живостью ответила:

— Все они сердиты на Эмму за то, что она пошла и рассказала вам о письме. И на доктора Куимпера тоже, потому что, кажется, он уговорил ее

сделать этот шаг. Гарольд и Альфред думают, что это подделка, Гедрик тоже думает, что это был обман, но он относился к письму не так серьезно, как два другие брата. А Брайен, напротив, считает, что все очень достоверно.

— Почему?

— Брайену это, пожалуй, даже нравится. Он считал, что Мартина — жена Эдмунда, вернее, его вдова, и ей вдруг пришлось срочно вернуться во Францию, но рано или поздно они о ней еще услышат. Тот факт, что она до сих пор ничего не написала, кажется ему вполне естественным, потому что он сам никогда не пишет писем. Брайен очень милый; он похож на собаку, которая хочет, чтобы ее вывели погулять.

— А вы выводите его погулять, дорогая? — спросила мисс Марпл. — И наверное, в свинарник?

Люси потупилась.

— Ну да, в доме так много джентльменов, и они все приезжают и уезжают, — проговорила в задумчивости мисс Марпл.

Когда мисс Марпл произносила слово «джентльмены», она вкладывала в него все значение, которым оно было наделено в эпоху королевы Виктории, предшествовавшей времени, в котором жила она сама. И сразу можно было

себе представить энергичного, чистокровного и, очевидно, с бакенбардами мужчину, иногда безнравственного, но всегда галантного и почтительного с дамой.

— Вы такая хорошенькая девушка, — продолжала она, оценивая достоинства Люси. — Я думаю, что они удостаивают вас своим вниманием в достаточной мере, не так ли?

Люси зарделась. Воспоминания пронеслись у нее в памяти: Гедрик, прислонившийся к стене свинарника; Брайен, печально сидящий на кухонном столе, пальцы Альфреда, прикоснувшиеся к ней, когда он помогал ей убирать чашки после кофе.

— Все джентльмены, — сказала мисс Марпл тоном человека, говорящего о чужом и опасном, — в чем-то очень сходны между собой, далее если они и очень старые…

— Дорогая, — воскликнула Люси, — сотню лет назад вас бы сожгли на костре как колдунью!

И она рассказала, как старик Крекенторп делал ей намеки, чтобы она вышла за него замуж.

— А вообще-то говоря, — сказала Люси, — они все сделали то, что вы называете авансами, в той или иной мере. Гарольд весьма корректно предложил мне выгодное денежное место в Сити.

Я не думаю, что главную роль в этом сыграла моя привлекательная внешность. Кажется, они думают, будто я знаю больше, чем на самом деле.

Она засмеялась. Но инспектору Крэддоку рассказ Люси не показался смешным.

— Будьте осторожны, — предупредил он. — Они могли убить вас вместо того, чтобы делать подобные предложения.

— Да, это гораздо проще, — согласилась Люси.

Потом она, чуть вздрогнув, сказала:

— Не забывайте о том, что мальчики настолько увлеклись поисками, что это может показаться их очередной игрой. Но это не игра.

— Нет, — сказал мисс Марпл. — Убийство — не игра.

— А разве мальчики не собираются возвращаться в колледж в ближайшее время?

— Да, на будущей неделе. Завтра они едут домой к Джеймсу Стоддат-Уэсту и там проведут последние дни каникул.

— Я рада этому, — сказала мрачно мисс Марпл. — Мне бы не хотелось, чтобы случилось непредвиденное, пока они здесь.

— Вы хотите сказать, что может случиться непредвиденное со стороны Крекенторпа? Вы думаете, что он следующий на очереди?

— О, нет, — ответила мисс Марпл. — С ним все будет в порядке. Я говорю о мальчиках!

— О мальчиках?

— Да, об Александре.

— Но как же так?..

— Они повсюду все высматривают, они ищут улики. Мальчики любят загадочное, но это увлечение может оказаться опасным.

Крэддок внимательно посмотрел на мисс Марпл.

— Так, значит, вы не верите, что убийство неизвестной женщины неизвестным мужчиной можно отнести к случаю? Значит, вы, мисс Марпл, определенно связываете преступление с Рутерфорд-холлом?

— Да, я думаю, что здесь налицо прямая связь.

— Единственно, что мы знаем об убийце, то, что он высокий, темноволосый мужчина. Это утверждала ваша приятельница, и это единственное, что нам о нем известно. И, знаете, в день следствия я вышел из здания суда и увидел всех трех братьев. Они ждали автомобиль и стояли на тротуаре ко мне спинами. Я был поражен, насколько они выглядят одинаково в теплых шубах. Трое высоких, темноволосых мужчин. И все же на самом деле они все трое совершенно

разные. — Он вздохнул. — И это очень усложняет наше расследование.

— Я вот все думаю, — сказала тихо мисс Марпл, — что обстоятельства намного проще, чем мы предполагаем. Убийства часто бывают чрезвычайно простыми, если совершены с очевидно корыстными целями.

— А вы верите в таинственную Мартину, мисс Марпл?

— Я готова поверить, что Эдмунд Крекенторп или женился, или собирался жениться на девушке по имени Мартина. Эмма Крекенторп показывала вам письмо Эдмунда. И насколько я понимаю, Эмма Крекенторп совершенно не способна подстроить историю с письмами. Да и к чему ей это?

— Но если допустить существование Мартины, — сказал в задумчивости Крэддок, — то тогда выявляется существенная причина. Если появится Мартина с сыном, то уменьшится наследство самих Крекенторпов, хотя не настолько, чтобы из-за этого пойти на убийство. Правда, все они в затруднительном материальном положении.

— Даже Гарольд? — спросила Люси скептически.

— Да, даже Гарольд Крекенторп, который

выглядит весьма респектабельным, на поверку оказался не таким уже преуспевающим и обеспеченным финансистом. Он изо всех сил карабкается, затыкая прорехи, и ввязывается в довольно непривлекательные дела. Крупная сумма денег и как можно скорее — вот что может спасти его от краха.

— Но если так, то… — начала было Люси и замолчала.

— Что вы сказали, мисс Айлесбэроу?

— Я знаю, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Вы считаете, что убийство произошло по ошибке.

— Да, смерть Мартины ничего не даст ни Гарольду, ни одному из братьев. Пока…

— Пока жив Лютер Крекенторп, совершенно верно. Это приходило и мне в голову. А мистер Крекен-торп-етарший, как я поняла, чувствует себя намного лучше, чем думают остальные.

— Он проживет еще много лет, — сказала Люси к нахмурилась.

— И что еще? — спросил Крэддок подбадривающим тоном.

— Он сильно болел на Рождество, — продолжала Люси, — и говорил, что доктор устроил по этому поводу невероятную панику. «Кажется, меня отравила именно шумиха, которую он под-

нял», — так он утверждал.

Люси взглянула на Крэддока в ожидании ответа.

— Да, — сказал Крэддок, — об этом я хотел поговорить с доктором Куимпером.

— Ну, я должна идти, — поднялась Люси. — О господи, как уже поздно!

Мисс Марпл отложила вязание и взяла журнал «Таймс» с кроссвордом, уже наполовину разгаданным.

— Как бы мне хотелось иметь словарь! — тихо сказала она. — «Тонтина» и «Токая» — я всегда путаю эти слова. Одно из них, кажется, означает название венгерского вина?

— Венгерское вино называется «Токай», — сказала Люси уже в дверях. — Но в одном слове пять букв, а в другом — семь. Какое вам подходит?

— О, я думаю совсем не о кроссворде, — быстро ответила мисс Марпл. — Это у меня в мыслях.

Инспектор Крэддок пристально посмотрел на нее, потом попрощался и вышел.

Глава 17

Инспектору Крэддоку пришлось подождать, пока доктор Куимпер заканчивал вечерний прием. Когда доктор вышел к нему, вид у него был усталый и расстроенный. Он предложил Крэддоку что-нибудь выпить и, когда тот согласился, налил ему и себе.

— Несчастные, — сказал он, садясь на старый потертый стул. — Такие пугливые и такие глупые. Сегодня пришла женщина, которой следовало показаться год тому назад. Тогда ее можно было с успехом оперировать, а теперь слишком поздно. Это меня сводит с ума. Действительно, люди — необычная смесь героизма и свинства. У этой женщины уже начинается агония, а она переносит боль без единого слова, потому что слишком боялась прийти и убедиться, что подозрения о болезни — сущая правда. Но есть и такие, кто зря отнимает время: у них, видите ли, распух мизинец, и они приходят к страшной мысли, что у них рак. А на самом деле — всего-навсего обыкновенное обморожение! Впрочем, не обращайте на меня внимания. Я, кажется, уже излил душу,

и мне стало легче. По какому вопросу вы хотели меня видеть?

— Прежде всего я должен вас поблагодарить за ваш совет мисс Крекенторп прийти и показать мне письмо, написанное якобы вдовой брата.

— А получилось что-нибудь неладное? Вообще я не очень советовал ей идти с письмом. Она сама хотела и очень нервничала. Вот ее драгоценные братья и пытались ее отговорить.

— А почему?

Доктор пожал плечами.

— Наверное, боялись, что письмо может оказаться действительным.

— Вы считаете, что письмо подлинное?

— Понятия не имею. Я даже как следует не видел его. Просто я считаю, что писал письмо человек, знавший все факты, пытаясь разведать обстановку и надеясь сыграть на чувствах Эммы. Вот здесь-то и крылся настоящий просчет. Эмма — не простачок. Она не станет прижимать к груди незнакомую ей невестку, не задав предварительно нескольких практических вопросов.

Потом доктор с любопытством спросил:

— А почему вы спрашиваете мое мнение? Я ведь к этому событию не имею никакого отношения.

— Вообще-то я пришел спросить вас совершен-

но о другом, но даже и не знаю, с чего начать.

Доктор Куимпер казался явно заинтересованным.

— Я знаю, что не так уж давно, на Рождество, у мистера Крекенторпа случился довольно тяжелый приступ болезни.

Крэддок заметил, что лицо доктора сразу же изменилось. Оно посуровело.

— Да.

— Кажется, какое-то расстройство желудка?

— Да.

— Трудный случай… Мистер Крекенторп хвастается своим здоровьем и собирается пережить большинство членов своей семьи. Он обратился к вам… Простите, доктор, но…

— Да ничего, ничего. Я не очень обижаюсь, когда узнаю мнение обо мне моих пациентов.

— Он говорит, что вы всегда создаете панику и суетитесь напоказ из-за пустяков.

Куимпер улыбался.

— Он говорил, что вы замучили его расспросами не только о том, что он ел, но даже о том, кто готовил пищу и кто ее подавал.

Теперь доктор уже не улыбался. Лицо его снова стало серьезным.

— Продолжайте, — сказал он.

— Он по этому поводу выразился так: «Доктор разговаривал со мной так, будто думал, что кто-то меня отравил».

Наступило молчание. Доктор Куимпер ответил не сразу. Он встал со стула и несколько раз прошелся по комнате. Наконец остановился около Крэддока.

— Так чего же вы, черт возьми, от меня ждете? Неужели вы думаете, что врач в состоянии ответить на всякого рода обвинения, которые то там, то тут расшвыриваются некоторыми людьми без достаточных на то оснований?

— Я только хотел спросить, совсем не для занесения в протокол, не приходила ли вам в голову мысль об отравлении?

Доктор Куимпер ответил уклончиво:

— Старик Крекенторп всегда довольно умерен в еде. Только когда семья собирается вместе, Эмма увеличивает рацион. В результате у старика начинается гастроэнтерит, или воспаление кишок. И все симптомы были сходны с этим диагнозом.

Крэддок упорствовал, продолжая настаивать на своем.

— Так, понимаю. А вы такими симптомами вполне удовлетворились? Вы совсем не были… ну, скажем, удивлены?

— Хорошо, хорошо, я действительно был очень удивлен. Это вас устраивает?

— Это меня заинтересовывает, — сказал Крэддок. — А что, в частности, вы подозревали или чего опасались?

— Желудочные болезни очень разнообразны, конечно. Но в данном случае симптомы более соответствовали, скажем, мышьяковому отравлению, чем просто гастроэнтериту. Однако, знайте, что эти два случая очень сходны. Врачи более опытные, чем я, ошибались в распознавании мышьякового отравления и давали свое заключение вполне добросовестно.

— А что вы узнали в результате расспросов?

— Оказалось, мои подозрения не могли быть правдой. Мистер Крекенторп уверял, что у него и раньше случались такие приступы и по той же самой причине — происходили, когда он употреблял много жирной пищи.

— Это значит, в то время, когда дом был полон людей? Когда собиралась вся семья? Или когда наезжали гости?

— Да, и мне это показалось достаточно убедительным. Но, говоря откровенно, мистер Крэддок, я не остался спокойным. Я пошел дальше, написав письмо доктору Моррису. Он мой старший

партнер и отошел от дела вскоре после того, как я присоединился к нему. Раньше, до меня, Крекенторп был его пациентом. Я спросил в письме, были ли у старика раньше случаи отравлений.

— И что же вам ответил доктор Моррис?

Куимпер усмехнулся.

— Он сделал мне выговор. Одним словом, он мне сказал, чтобы я не был набитым дураком. Так вот, — он пожал плечами, — возможно, я действительно был набитым дураком.

— Сомневаюсь, — задумчиво произнес Крэддок. Он решил выложить свои карты.

— Откинув в сторону всякую осторожность, доктор, скажем так: есть люди, которые от смерти Лютера Крекенторпа получат значительную выгоду.

Доктор кивнул, соглашаясь с Крэддоком.

— Крекенторп — старик, но крепкий и здоровый. Он ведь может дожить лет до девяноста?

— Вполне. Он живет сейчас, думая только о самом себе. А организм у него здоровый.

— А его сыновья и дочь чувствуют себя стесненно и живут в нужде?

— Ну, уж Эмму вы в это дело не впутывайте. Она не отравительница. Со стариком происходят такие вещи, лишь когда в доме есть еще кто-то, а

не тогда, когда Эмма и старик одни.

«Это может оказаться простым элементарным расчетом со стороны Эммы», — подумал инспектор, но из предосторожности промолчал. Он тщательно подбирал слова для продолжения разговора.

— Конечно, я не специалист в подобных делах, но если предположить в качестве гипотезы, что мышьяк был применен, то не считаете ли вы, что старику Крекенторпу просто повезло и он удачно выпутался из беды?

— Видите ли, — возразил доктор, — именно это и заставило меня поверить, что я, как сказал доктор Моррис, просто набитый дурак. Понятно, перед нами не тот случай, когда небольшие дозы мышьяка применяются регулярно, что является классической формой медленного мышьякового отравления. Крекенторп никогда не страдал хроническими заболеваниями желудка. Как бы там ни было, сильные простуды, которые с ним иногда случаются, не вызваны мышьяком. Но если уж предположить, что заболевания выглядят странными, то можно заподозрить, что отравитель только время от времени подмешивает к пище мышьяк, хотя это и неразумно.

— Вы хотите сказать, что неразумно давать

несоответствующую дозу?

— Да, именно. Организм Крекенторпа настолько сильный, что доза, способная свалить другого, на него совершенно не влияет. Нужно принимать во внимание индивидуальную идеосинкразию, то есть способность отдельной личности переносить яд. Однако, можно предположить, что в последний раз отравитель, если у него сверхтерпеливый характер, мог усилить дозу. Почему он этого не сделал? Так вот, может быть, никакого отравителя и не существует? И всему виной моя проклятая фантазия от начала до конца!

— Да, — согласился с ним инспектор, — похоже, что в ваших подозрениях нет здравого смысла.

— Инспектор Крэддок!

Настойчивый шепот заставил инспектора вздрогнуть. Он только что подошел к входной двери и собирался позвонить. Александр и его друг Стоддат-Уэст вышли из тени.

— Мы слышали, как подъехала машина, и решили перехватить вас.

— Так давайте вместе войдем в дом, — Крэддок снова потянулся к звонку, но Александр вцепился в рукав его пальто.

— Мы нашли улику, — выдохнул он.

— Да, мы нашли улику, — как эхо, повторил

Стоддат-Уэст.

«Проклятая девчонка» — зло подумал Крэддок.

— Прекрасно, — сказал он вслух. — Давайте, войдем в дом и посмотрим.

— Нет, нет, — запротестовал Александр. — Я уверен, что нам помешают. Пойдемте в шорный сарай. Мы вас туда проводим.

Почти не желая этого, Крэддок разрешил проводить себя за угол дома. Стоддат-Уэст распахнул тяжелую дверь, протянул руку к выключателю и зажег довольно тусклую лампочку. Шорный сарай, когда-то верх совершенства Викторианской эпохи, ее строгости и красоты, теперь пребывал в довольно жалком состоянии, представляя собой сборище не нужных никому вещей: сломанные садовые скамьи, старые поломанные садовые инструменты, огромная, отслужившая свой век косилка, ржавые пружинные матрасы, гамаки и рваные теннисные сетки.

— Мы здесь часто бываем, — сказал Александр. — Только тут и можно почувствовать себя самим собой.

И действительно, здесь видны были следы их пребывания. Развалившиеся матрасы составлены так, что образовывали нечто вроде дивана, на старом поломанном столе стояла большая же-

лезная банка с шоколадным печеньем, валялись огрызки яблок, коробка из-под конфет и какая-то головоломная конструкция из выпиленных дощечек.

— Это действительно настоящая улика, сэр, — сказал оживленно Стоддат-Уэст, и глаза его заблестели за стеклами очков. — Мы нашли это сегодня днем.

— Много дней искали. И в траве…

— И в зарослях кустарника.

— Мы облазили все мусорные ящики…

— А знаете, между прочим, в них есть страшно занимательные и интересные вещи…

— А потом мы добрались до котельной…

— Старик Хилмэн держит там огромную оцинкованную бадью, полную ненужной бумаги…

— Вот там-то мы и нашли.

— Нашли что? — прервал Крэддок этот дуэт.

— Улику. Осторожно, Стоддат, надень сначала перчатки.

С важностью профессионала из лучших детективных романов Стоддат вытащил пару довольно грязных перчаток, надел их и уж потом вынул из кармана кассету от фотопленки. Из кассеты с огромными предосторожностями извлек измятый и запачканный землей конверт, который

торжественно и вручил инспектору. От волнения у обоих мальчиков захватило дыхание. Крэддок взял конверт с неменьшей торжественностью. Ему нравились мальчишки, и он готов был поддаться их настроению и воодушевлению.

Письмо прислали по почте, внутри конверта ничего не оказалось; это просто был рваный конверт с адресом: «Элверст Крезент, дом 126, квартира 10. Миссис Мартина Крекенторп».

— Вот видите? — прошептал Александр, еле дыша. — Значит, она приезжала сюда, эта француженка, жена дяди Эдмунда. Я хочу сказать, та самая, из-за которой поднялся такой шум. Она, должно быть, действительно находилась здесь и где-то уронила этот конверт. Вот и получается, что…

Стоддат-Уэст перебил его:

— Получается, что она именно та, которую убили.

Они ждали, взволнованные. Крэддок вел себя мужественно.

— Возможно, очень возможно, — сказал он.

— Улика ведь важная, правда?

— Вы снимете отпечатки пальцев с конверта, да, сэр?

— Конечно, — подтвердил Крэддок.

Стоддат-Уэст глубоко вздохнул.

— Настоящая удача для нас, верно? — спросил он. — И к тому же, в самый последний день.

— Последний день?

— Да, — сказал Александр. — Завтра я уезжаю в гости к Стоддат-Уэсту, там мы проведем последние дни каникул. Родители Стоддата купили чудесный дом. В стиле эпохи королевы Анны, ведь так?

— Вильяма и Мэри, — поправил его Стоддат-Уэст.

— Мне казалось, твоя мать говорила…

— Моя мама — француженка. Она не очень хорошо разбирается в английской архитектуре.

— Но твой отец говорил, что дом построили…

Крэддок внимательно разглядывал конверт. Очень остроумно поступила Люси Айлесбэроу. Но могла ли она подделать почтовую печать? И зачем? Он поднес конверт поближе к глазам, но свет от лампочки был очень тусклый. Конечно, для мальчиков это большое удовольствие, но ему это все кажется немного странным. Люси — до чего же досадно — не обратила внимание на этот уголок конверта. Вот если бы конверт был не поддельным, то тогда надо было бы срочно предпринять меры. Там ведь было…

Около него горячо и со знанием дела обсуждались вопросы архитектуры, но он ничего не слышал.

— А ну-ка, мальчики, — сказал он. — Пойдемте в дом. Вы очень нам помогли.

Глава 18

Крэддок в сопровождении мальчиков вошел в дом через черный ход. Похоже, это был их обычный способ проникновения. Кухня сверкала чистотой. Люси в белом фартучке раскатывала тесто. Брайен Истлеу стоял, прислонившись к кухонному шкафу с посудой, и наблюдал за Люси с какой-то собачьей преданностью.

— Хэлло, отец, — сказал доброжелательно Александр. — Ты опять здесь?

— Мне здесь нравится, — ответил Брайен и добавил, — мисс Айлесбэроу ничего не имеет против.

— О, конечно, ничего не имею против, — сказала Люси. — Добрый вечер, инспектор Крэддок.

— Пришли, чтобы и на кухне произвести обыск? — спросил Брайен с интересом.

— Не совсем так. Мистер Гедрик Крекенторп еще не уехал?

— Он здесь. Вы хотите видеть его?

— Да, если можно. Я хотел бы поговорить с ним.

— Пойду, посмотрю, дома ли он, — сказал

Брайен, — Гедрик мог выйти погулять по окрестностям.

Он, наконец, отошел от кухонного шкафа.

— Благодарю вас, Брайен, — обратилась к нему Люси. — У меня руки в тесте, а то бы я сама сходила.

— А что вы готовите? — спросил Стоддат-Уэст заинтересованно.

— Персиковый пирог.

— Здо-ор-рово, — обрадовался Стоддат-Угст. — Я ужасно проголодался.

Мальчики, как по уговору, вскочили и выбежали из кухни.

— Они просто как перелетная саранча, — посмотрела им вслед Люси.

— Я вас поздравляю, — обратился Крэддок к Люси.

— С чем?

— С вашей изобретательностью.

Крэддок вытащил конверт.

— Очень здорово сделано, — сказал он.

— О чем вы говорите?

— Об этом, моя дорогая девушка, об этом самом.

Он протянул конверт Люси. Она уставилась на него ничего не понимающим взглядом. Крэддок

вдруг почувствовал замешательство.

— Разве не вы подделали эту улику? И не вы подложили ее в котельную, чтобы мальчишки смогли ее найти? Ну, отвечайте быстро!

— Я не имею ни малейшего представления, о чем идет речь, — сказала Люси. — Вы хотите сказать, что…

Крэддок быстро спрятал конверт в карман, потому что послышались шаги Брайена.

— Гедрик в библиотеке, — сказал он. — Идите туда.

Истлеу вновь занял свое место около кухонного шкафа. Инспектор Крэддок направился в библиотеку.

Гедрик Крекенторп казался обрадованным, увидев инспектора.

— Вы все еще что-то разыскиваете? — спросил он.

— Как идут дела?

— Можно считать, что мы немного продвинулись вперед, мистер Крекенторп.

— Вы опознали труп?

— Не совсем, но у нас есть определенная версия.

— Очень хорошо.

— Исходя из сведений, полученных нами в са-

мое последнее время, мы хотим взять несколько показаний. Я начинаю с вас, мистер Крекенторп, раз уж вы здесь.

— Я здесь долго не пробуду. Через денек-другой улетаю к себе на Ивицу.

— Тогда, очевидно, я пришел вовремя.

— Ну что ж, начнем.

— Я хотел бы получить детальный отчет о том, где вы были и что делали в пятницу 20 декабря.

Гедрик быстро взглянул на инспектора, потом откинулся в кресле, зевнул с видом полнейшего безразличия и сделал вид, что пытается вспомнить тот день.

— Значит, так. Я уже говорил вам, что был на Ивице. Вся беда в том, что там один день очень похож на другой. Утром я рисовал, с трех до пяти «сиеста», как там называют полуденный отдых. Возможно, я делал этюды, если свет был подходящим. Потом аперитив с мэром или доктором в кафе на Пьяццо. Потом случайная, наспех выбранная еда. Большую часть вечера я провожу в баре Скотти с друзьями из мелких буржуа. Этого достаточно?

— Я хотел бы знать правду, мистер Крекенторп.

Гедрик даже привстал.

— Знаете, инспектор, ваше замечание звучит более чем угрожающе.

— Не думаю. Вы мне сказали, мистер Крекенторп, что вылетели с Ивицы 21 декабря и прибыли в Англию в тот же день?

— Так и было, Эмма! Где ты, Эмма?

Эмма Крекенторп вошла в библиотеку из боковой двери, соединявшей кабинет с будуаром. Она вопрошающе переводила взгляд то на Гедрика, то на инспектора.

— Послушай, Эм. Я приехал в субботу перед Рождеством? И прямо из аэропорта?

— Да, — сказала Эмма удивленно. — Ты приехал перед обедом.

— Вот, пожалуйста, — сказал Гедрик инспектору.

— Вы, очевидно, считаете нас за дураков, мистер Крекенторп, — сказал спокойно инспектор. — Вы же знаете, что мы все можем проверить. Я думаю, если вы покажете свой паспорт…

Он выжидающе замолчал.

— Не знаю, куда задевался этот проклятый паспорт, — засуетился Гедрик, — сегодня целое утро искал его, хотел переслать в контору Кука…

— Надеюсь, вы сумеете отыскать его, мистер Крекенторп. Но, вообще-то говоря, необязатель-

но. В моих руках документы, в которых значится, что вы прибыли в Англию вечером 19 декабря. Может быть, теперь вы расскажете, где находились с этого времени до обеда 21 декабря, когда прибыли в этот дом?

Гедрик позеленел от злости.

— Что за дьявольская жизнь настала! — воскликнул он гневно. — Все эти канцелярские штучки и заполнение дурацких бланков! Вот что происходит, когда в государстве царит бюрократия. Больше уже нельзя делать то, что хочется, и ездить туда, куда нравится. Обязательно тебе зададут кучу вопросов. Но почему все-таки поднялся шум вокруг этого 20 декабря? Что в нем особенного, в этом дне?

— Мы думаем, что в этот день произошло убийство. Вы, конечно, можете отказаться отвечать на мои вопросы, но…

— Кто сказал, что я отказываюсь отвечать? Дайте хоть подумать. Когда проходило следствие, у вас было смутное представление о дате убийства. Что нового произошло с тех пор?

Крэддок не ответил. Гедрик, многозначительно взглянув в сторону Эммы, предложил:

— Может быть, нам лучше пройти в другую комнату?

Эмма быстро спохватилась:

— Я вас оставлю здесь одних, — выходя из двери, она обернулась. — Знаешь, Гедрик, все это очень серьезно. Если 20 декабря действительно день убийства, то тебе лучше всего подробно рассказать инспектору о том, что ты делал 20 декабря.

И она вышла, плотно закрыв за собою дверь.

— Молодчина наша Эмма, — сказал Гедрик. — Ну, теперь, когда она ушла, я признаюсь, что уехал с Ивицы действительно 19 декабря. Собирался остановиться на несколько дней в Париже и попировать там с друзьями где-нибудь в злачном местечке. Но случилось так, что в самолете рядом со мной оказалась очень привлекательная женщина… Одним словом, то, что надо. Не вдаваясь в подробности, скажу, что мы вышли из самолета вместе. Она спешила обратно в Соединенные Штаты, но хотела провести пару вечеров в Лондоне; у нее там были какие-то дела, и вообще… Мы прилетели в Лондон 19 декабря и остановились в гостинице «Кингсуэйпалас». ото я вам сообщаю на тот случай, если вы сами еще этого не выяснили. Я назвался Джоном Брауном.

— Ну, а 20 декабря?

Гедрик скорчил гримасу.

— Все утро прошло в ужасном похмелье.

— А день? После трех часов и дальше?

— Сейчас вспомню. Вы понимаете, я бродил, как лунатик. Зашел в Национальную галерею, посмотрел картины — очень прилично для джентльмена, да? Видел фильм «Рябина в парке». У меня страсть к вестернам, а этот оказался просто потрясающим… Потом пропустил пару стаканчиков в баре и завалился спать в гостинице. Около десяти я вместе со своей приятельницей вышел из гостиницы и сделал обход нескольких тепленьких мест. Я даже толком не помню, как они назывались; кажется, одно называлось «Прыгающая лягушка». Она-то их знала! Прилично поужинали, и, говоря по правде, смутно помню остальное. Проснулся на следующее утро с еще большей головной болью. Моя спутница упорхнула, чтобы вовремя попасть на самолет, а я вылил себе на голову холодной воды, зашел в аптеку, купил какое-то дьявольское зелье, выпил его и направился сюда, в Рутерфорд-холл, сделав вид, будто я из аэропорта. Решил, что нет смысла расстраивать Эмму. Вы ведь знаете женщин. Всегда обижаются, если не едешь прямо домой. И мне даже пришлось занять у нее денег, чтобы заплатить за такси. У меня не осталось ни гроша.

А старика о деньгах просить бессмысленно. Он бы все равно не дал. Жадный, старый черт! Ну что, инспектор, теперь вы удовлетворены?

— Может ли ваш рассказ быть подтвержден, мистер Крекенторп? Ну, скажем, в период от трех до семи часов?

— Вряд ли, как мне кажется, — ответил Гедрик весело. — Я ведь заходил в Национальную галерею, где служители смотрят на вас отсутствующим взглядом, и в переполненный кинотеатр. Нет, вряд ли.

В комнату вернулась Эмма, держа в руках записную книжку.

— Вы хотели знать, что каждый из нас делал 20 декабря, так ведь, инспектор Крэддок?

— Хм, да, пожалуй, мисс Крекенторп.

— Я вот только что просмотрела книжку, куда заношу время своих встреч и приглашений. 20 декабря я ездила в Брэкхемптон на собрание членов фонда для восстановления церквей. Оно закончилось около часу дня. Потом я обедала с леди Адингтон и мисс Бартлетт, которые тоже являются членами фонда, в кафе «Кэдена». После обеда пошла купить кое-что к Рождеству. Я заходила в магазин «Гринфорд и Лайелл», обувной магазин Свифта. Без четверти пять завернула в чайную

Грин-Шэмрок выпить чаю, а потом отправилась на железнодорожную станцию встречать Брайена, который приезжал поездом. Домой вернулась около шести часов вечера и застала отца в очень плохом настроении. Мисс Харт, которая должна была прийти во второй половине дня и напоить его чаем, так и не явилась. Он настолько рассердился, что закрылся у себя в комнате, не пустил меня к себе и даже не стал разговаривать. Он не любит, когда я оставляю дом после полудня, но я считаю себя вправе иногда делать это.

— Значит, два ваших брата приехали позже?

— Альфред приехал поздно вечером в субботу. Он говорит, что несколько раз звонил мне по телефону в тот день, но меня не было дома; отец, если сердит, никогда не подходит к телефону. А брат Гарольд приехал лишь в канун Рождества.

— Спасибо, мисс Крекенторп.

— Мне хотелось спросить вас… — Эмма колебалась. — Наверное, выяснились новые обстоятельства, вынудившие вас заинтересоваться такими подробностями?

Крэддок вынул из кармана кассету, кончиками пальцев извлек из нее конверт.

— Не дотрагивайтесь, пожалуйста. Вы не узнаете?

— Но… — Эмма уставилась на инспектора, совершенно сбитая с толку. — Я отправила это письмо Мартине.

— Охотно вам верю.

— Но каким образом оно очутилось у вас? Разве она?.. Вы нашли ее?

— Очень возможно, что мы ее нашли. А конверт обнаружен здесь.

— В доме?

— Около дома.

Значит, она действительно приезжала сюда. Она… Получается, что там, в саркофаге, нашли Мартину?

— Весьма вероятно, мисс Крекенторп, — сказал тихо Крэддок.

Когда Крэддок вернулся в город, предположение стало казаться ему еще более вероятным, потому что его ждала записка от Арманда Дэзина.

> «Одна из подруг Анны Стравинской получила от нее почтовую открытку. История с морским путешествием подтвердилась. Анна уже добралась до Ямайки и, говоря вашими словами, прекрасно проводит время!».

Крэддок смял записку и бросил ее в мусорную корзину.

— Должен заявить, — сказал Александр, сидя на кровати и глубокомысленно поглощая шоколад, — что сегодня самый великолепный день в моей жизни. Действительно, ведь мы нашли настоящую улику!

Голос у него трепетал от восторга.

— Да, каникулы прошли восхитительно, — добавил он счастливо. — Но думаю, что подобные дни еще когда-нибудь повторятся.

— Надеюсь, у меня они не повторятся. — Люси стояла на коленях, укладывая вещи Александра в чемодан. — Вы хотите взять с собой книжки о космосе?

— Нет, я их уже прочитал. А мяч, футбольные бутсы и кеды можно упаковать отдельно.

— С какими тяжелыми вещами вы, мальчики, ездите!

— Ничего, за нами пришлют «Роллс-ройс». У них чудесный «Роллс-ройс». И еще у них новый «Мерседес-Бенц».

— Значит, они богатые?

— Невероятно! И к тому же веселые и приятные люди. И все же мне очень не хочется уезжать отсюда. Вдруг еще подвернется какой-нибудь труп.

— Я от всей души надеюсь, что этого не случится.

— А знаете, в книжках часто бывает, что тех, кто много видел или слышал, обязательно приканчивают. Таким человеком можете оказаться вы, Люси, — добавил он, разворачивая вторую шоколадку.

— Спасибо.

— Но я не хочу, чтобы это были вы, — заверил ее Александр. — Вы мне очень симпатичны, и Стоддату тоже нравитесь. Мы считаем, что вы необыкновенная кулинарка. Абсолютно все, что вы готовите, очень вкусно. И ко всему прочему, вы очень здравомыслящая.

Последнее замечание было явным выражением самой высокой похвалы. Люси улыбнулась серьезному тону мальчика.

— И все же я не хочу, чтобы меня убивали ради вашего удовольствия.

— Ну, тогда вам следует быть поосторожнее, — сказал ей Александр.

Он помолчал, пожевал шоколад, а потом сказал, что-то вспомнив:

— Если отец время от времени будет сюда наведываться, то вы уж присмотрите за ним, хорошо?

— Хорошо, — ответила Люси, немного удивленная.

— Вся беда в том, — продолжал Александр, — что жизнь в Лондоне ему не подходит. Знаете, там он встречается с совершенно неподходящими женщинами.

И он покачал головой, будто был этим весьма обеспокоен.

— Я его очень люблю, — добавил он. — Но нужно, чтобы за ним кто-то присматривал. Отец плывет по течению и сходится с дурными людьми. Так жалко, что мама умерла. Брайену нужна приличная семейная жизнь.

Он серьезно посмотрел на Люси, а потом потянулся еще за одной шоколадкой.

— Хватит, Александр, столько нельзя, — попросила его Люси, — вы заболеете.

— Вот уж не подумаю. Однажды я съел сразу шесть штук. И ничего со мной не случилось. Я ведь здоровый.

Он помолчал немного, а затем продолжал:

— Знаете, Люси, а вы ведь нравитесь Брайену.

— Очень приятно.

— Он иногда ведет себя, как осел, — сказал сын Брайена. — Хотя и был хорошим военным летчиком. И характер у него превосходный.

Александр опять замолчал. А потом, глядя в потолок, застенчиво произнес:

— Знаете, я очень хочу, чтобы он снова женился… На приличной женщине… Я бы хорошо относился к мачехе, конечно, если она хороший человек…

— Выдумки о злых мачехах, — не унимался Александр, по-прежнему глядя в потолок, — теперь вышли из моды. У многих ребят, которых мы со Стоддатом знаем, есть мачехи — ну, из-за развода или еще чего-нибудь, — и они здорово ладят между собой. Конечно, многое зависит от мачехи…

Он замолчал, задумавшись над трудностями своей жизни.

— А как приятно иметь свой собственный дом и родителей. А если мама умерла, тогда что?… Вы понимаете меня?

Люси растрогалась.

— Вы очень благоразумны, Александр. Ваш отец должен попытаться найти хорошую жену.

— Да-а-а, — протянул Александр уклончиво и вдруг выпалил:

— Я уже говорил вам, вы очень нравитесь Брайену. Он мне сам об этом сказал…

«Право же, — подумала про себя Люси, — слиш-

ком много разговоров о сватовстве. Сначала мисс Марпл, теперь Александр».

Сама не зная почему, она вспомнила про свинарник.

— Спокойной ночи, Александр. Завтра утром останется только положить пижаму и зубную щетку.

— Спокойной ночи, — ответил Александр.

Он положил голову на подушку, закрыл глаза и сразу уснул.

Глава 19

— Это неубедительно, — на лице сержанта Уэтералла обычная ухмылка.

Крэддок читал отчет об алиби Гарольда Крекенторпа. 20 декабря его видели в Сотбис около половины четвертого, но утверждали, что он вскоре ушел. В кафе «Руссель» никто не узнал его по фотографии, хотя в этом ничего удивительного не было, так как в это время торговля в кафе обычно идет бойко и всегда много народу. К тому же Гарольд не числился постоянным посетителем этого кафе. Слуга Гарольда подтвердил, что хозяин приезжал домой на Гардиан-Гарденс переодеться перед приемом и именно без четверти семь, так как прием был назначен ровно на 7 часов, а мистер Крекенторп болезненно щепетилен к подобного рода мероприятиям. Однако слуга не мог вспомнить, когда мистер Крекенторп возвратился в тот вечер домой. И вообще, слуга редко слышит, когда возвращается его хозяин. Он и его жена предпочитают, когда это возможно, освобождаться от работы пораньше… От гаража, где Гарольд держит машину, у хозяина собственный

ключ. Никто не заметил, входил или выходил кто-нибудь оттуда.

— Факты не в его пользу, — заключил Крэддок со вздохом.

— Он действительно был на приеме в клубе «Катеринг», но ушел оттуда довольно рано.

— А какие сведения с железнодорожной станции?

Ни в Брэкхемптоне, ни в Паддингтоне узнать ничего не удалось, ведь прошло около месяца.

Крэддок опять вздохнул и протянул руку за донесениями, которые собрали о Гедрике. Они тоже были неутешительны, хотя шофер такси не совсем уверенно сообщил, что в тот вечер он получал плату за проезд до Паддингтона от пассажира, «который чем-то похож на этого парня с фотографии». Шофер вспомнил, что у пассажира были грязные брюки и всклокоченные волосы и что он ругался по поводу того, что расценки на такси стали выше с тех пор, как он в последний раз был в Англии. Шофер запомнил тот день потому, что лошадь по кличке Краулер выиграла на скачках, и он как только довез этого пассажира до места, никуда больше не заезжая, поехал домой отпраздновать это событие.

— Слава богу, что хоть состоялись скачки, —

сказал Крэддок и отложил отчет в сторону.

— А это донесение об Альфреде.

Что-то в голосе Уэтералла заставило Крэддока взглянуть на него. На лице сержанта было написано удовольствие, которое бывает у человека, приберегшего лакомый кусочек на самый конец.

В целом расследование не дало ощутимых результатов. Альфред жил один, выходил из дома и возвращался в самое неопределенное время. Соседи его не очень любопытны, все они служат в различных конторах и весь день отсутствуют. Но вот Уэтералл указал на последний абзац рапорта.

Сержант Лики, которому поручили дело о кражах грузовиков, побывал в кафе для грузчиков, что у дороги Уэддингтон — Брэкхемптон. За соседним столиком сержант Лики заметил Чика Эванса из шайки Дикки Роджерса. С ним сидел Альфред Крекенторп, которого он знал по делу Дикки Роджерса. Лики очень хотел бы узнать, что они обмозговывали. Это происходило как раз в половине десятого вечера 20 декабря. Через несколько минут Альфред Крекенторп сел в автобус, который шел в Брэкхемптон. Уильям Бэйкер, билетный контролер в Брэкхемптоне, проверяя билеты у пассажиров, узнал в одном

из джентльменов брата мисс Крекенторп. Контролер помнил, что это было совсем незадолго до отправления на Паддингтон поезда в 23 часа 25 минут. Бэйкер запомнил эту дату потому, что **в** тот вечер ему рассказали, что какая-то старая сумасшедшая дама уверяла, будто была свидетельницей убийства, происшедшего в поезде.

— Альфред? — спросил Крэддок, отложив донесение в сторону. — Альфред? Очень странно.

— Значит, пойман на месте преступления? — высказал свои предположения Уэтералл.

Крэддок кивнул. Да, могло случиться, что Альфред уехал в Брэкхемптон с поездом в 4 часа 44 минуты, по дороге совершил убийство, потом автобусом вернулся на стоянку грузовиков «Коуд-оф-Брикс». Он мог уехать оттуда в половине десятого, и у него оставалось еще вполне достаточно времени, чтобы добраться до Рутерфорд-холла, перетащить труп с железнодорожной насыпи в саркофаг, а потом доехать до Брэкхемптона и вернуться в Лондон поездом в 23 часа 25 минут. Кто-нибудь из банды Дикки Роджерса мог помочь ему перетащить труп, хотя в этом Крэддок сомневался. Все они очень неприятные парни, но не убийцы.

— Альфред? — снова спрашивал себя Крэддок,

строя всевозможные догадки.

В Рутерфорд-холле собралась вся семья Крекенторпов. Гарольд и Альфред приехали из Лондона, и вскоре их голоса стали звучать все громче, страсти накалялись.

По собственной инициативе Люси приготовила коктейль, положила в стаканы лед и направилась в библиотеку. Даже в холле отчетливо слышались голоса разговаривающих в библиотеке, братья выражали свое недовольство по адресу Эммы.

— Вина целиком и полностью твоя, Эмма, — глубокий бас Гарольда звучал гневно. — Ты поступила недальновидно и глупо. Если бы ты не отнесла письмо в Скотланд Ярд, не началась бы такая заваруха…

— Ты, наверное, была просто не в своем уме, — выговаривал более высокий голос Альфреда.

— Да не мучайте вы ее, — вступился за сестру Гедрик. — Что сделано, то сделано. Было бы еще глупее, если бы полиция опознала труп, а мы бы делали вид, что ничего не знаем.

— Тебе, конечно, безразлично, Гедрик, — гневно сказал Гарольд. — Тебя здесь не было 20 декабря. Но это ужасно неприятно для меня и Альфреда. К счастью, я могу вспомнить по минутам, где был тогда и что делал.

— Да уж, конечно, ты можешь выкрутиться, — съязвил Альфред. — Если бы ты задумал убийство, Гарольд, ты бы продумал алиби очень тщательно, я в этом уверен.

— Думаю, что ты не такой счастливчик, — холодно ответил Гарольд.

— Это как посмотреть, — сказал Альфред. — Я бы придумал что-нибудь получше железобетонного алиби, которое ты представляешь полиции: оно, между прочим, не такое уж неприступное. Эти ребята достаточно умны, чтобы разобраться и найти в нем брешь.

— Если ты намекаешь на то, что я убил женщину…

— О, прекратите же, прекратите! — закричала Эмма. — Конечно, никто из вас ее не убивал.

— А, кстати, лишь для твоего сведения сообщаю, что 20-го я находился в Англии, — сказал Гедрик. — И полиция разнюхала это. Поэтому мы все под подозрением.

— Вот если бы Эмма не выкинула такой глупости…

— О, Гарольд, опять ты начинаешь свое! — воскликнула Эмма.

Доктор Куимпер вышел из кабинета, где он сидел со стариком Крекенторпом. Взгляд его

скользнул но кувшину с коктейлем, который держала в руках Люси.

— Празднуется что-нибудь?

— Нет, это больше для того, чтобы их немного охладить. А то они слишком уж разгорячились.

— Взаимные обвинения?

— Нет, в основном нападают на Эмму.

Брови доктора Куимпера поползли вверх.

— Правда? — он взял поднос из рук Люси, открыл дверь в библиотеку.

— Добрый вечер!

— А, доктор Куимпер. Мне бы хотелось с вами побеседовать. — Гарольд говорил повышенным тоном, раздраженно. — Я хочу знать, с какой стати вы вмешиваетесь в дела нашей семьи и вынуждаете мою сестру ходить в Скотланд Ярд с заявлениями.

Доктор Куимпер ответил спокойно:

— Мисс Крекенторп спросила моего совета, я его дал. И мне кажется, она поступила совершенно правильно.

— Вы осмеливаетесь заявить, что…

— Девушка! — старый мистер Крекенторп вышел из кабинета и стоял позади Люси. Люси неохотно обернулась.

— Что вам угодно, мистер Крекенторп?

— Что сегодня на ужин? Я хочу курицу с подливкой из чеснока и пряностей. Вы делаете очень вкусную подливку. Давно ничего подобного не ел.

— Мальчики не очень любят соус.

— Мальчики, мальчики! А мне какое до них дело? Тут хозяин я. И, между прочим, мальчики уже уехали. Хорошо, хоть избавился от них! Так вот, слышите? Я хочу курицу с подливкой.

— Хорошо, мистер Крекенторп.

— Вот и ладно. Вы хорошая девушка, Люси. Вы заботитесь обо мне, а я позабочусь о вас.

Люси ушла на кухню. Она принялась готовить продукты для соуса. В это время распахнулась парадная дверь. Через окно Люси увидела, как доктор Куимпер, зеленый от злости, выбежал из дома, сел в свою машину и уехал.

Люси вздохнула. Скучно без мальчиков. И еще скучно без Брайена. Ну хватит! Она села на скамеечку и принялась чистить грибы. Во всяком случае, она сделает для всех великолепный ужин. Накормит этих неразумных тупиц!

Было уже 3 часа утра, когда доктор Куимпер поставил машину в гараж и вошел в дом, неслышно закрыв за собой входную дверь. Да, миссис Симпкинс сегодня родила еще двух чудесных здо-

ровых близнецов. Правда, мистер Симпкинс не выразил особого восторга от такого прибавления в семействе.

— Близнецы, — сказал он сурово. — А что в этом хорошего? Говорят, это здорово. О прибавлении узнают, приедут репортеры, появятся снимки в газетах, да еще, говорят, ее величество королева пришлет поздравление. Но что такое двойня? Два рта вместо одного. Их нужно кормить. У нас в роду никогда не рождались двойняшки, и в роду у моей жены их не было.

Доктор Куимпер пошел наверх в спальню и начал раздеваться. Он посмотрел на часы: пять минут четвертого. Оказалось довольно мудреным делом помочь близнецам появиться на свет, но все окончилось благополучно. Он зевнул. Да, он устал, чертовски устал. Доктор с наслаждением посмотрел на свою кровать, предвкушая отдых.

Зазвонил телефон. Куимпер выругался и снял трубку.

— Доктор Куимпер?

— Да, слушаю.

— Вам необходимо приехать. Сейчас же. Кажется, все заболели.

— Заболели? Чем? Какие симптомы?

Люси подробно рассказала.

— Я выезжаю. А пока…

Доктор дал короткие и точные указания, что нужно делать, быстро оделся, положил пакеты с лекарствами в чемоданчик и стремительно бросился к машине.

Часа три спустя доктор и Люси, оба очень уставшие, уселись за кухонным столом выпить по чашке черного кофе.

— Ха! — Доктор Куимпер допил кофе и поставил чашку на блюдце так, что они звякнули друг о друга.

— Мне только этого не хватало. А теперь, мисс Айлесбэроу, давайте разберемся в сути дела.

Люси посмотрела на доктора. Следы усталости явно были видны на его лице, и поэтому он выглядел старше своих сорока четырех лет. В черных волосах на висках пробивалась седина, под глазами собрались морщины.

— Насколько я могу судить, — начал он, — теперь с ними будет все в порядке. Но как могло такое случиться? Вот что я хотел бы знать. Кто готовил ужин?

— Я, — ответила Люси.

— Из чего он состоял? Подробно.

— Грибной суп. Курица с подливкой и рисом. Взбитые сливки с вином и сахаром. А на закуску

перед обедом — куриная печенка с беконом.

— Каналэ Диана, так, кажется, называется это блюдо, — сказал вдруг доктор Куимпер.

Люси чуть улыбнулась.

— Да, «каналэ Диана».

— Ну, ладно. Давайте разберемся в каждом блюде в отдельности. Грибной суп. Приготовлен, конечно, из консервов?

— Нет, что вы!

— Вы сами готовили? А из чего?

— Полфунта грибов, куриный бульон, молоко, клецки из масла и муки и лимонный сок.

— Ага. И каждый теперь может сказать: «Это, должно быть, от грибов».

— Нет, только не от грибов. Я сама ела этот суп, и со мной ничего не случилось.

— Да, да, с вами ничего не случилось.

Люси вспыхнула.

— Вы хотите сказать…

— Я ничего не хочу сказать. Вы весьма умная девушка. Я знаю о вас все. Мне пришлось взять на себя труд выяснить, что вы за человек.

— Но зачем?

— Затем, что я считаю своей обязанностью знать о людях, которые сюда приезжают и здесь живут, все. Вы добросовестная молодая женщи-

на, зарабатывающая на жизнь такой необычной работой. И раньше, до приезда сюда, не имели никаких контактов с семьей Крекенторп. Поэтому вы не подружка ни Гедрика, ни Гарольда, ни Альфреда, которая могла бы помогать им делать грязное дело.

— Так вы и впрямь думаете?..

— Я думаю об очень многом, — сказал Куимпер. — Но должен проявлять осторожность. Быть врачом — самсе последнее дело. Ну, давайте продолжим. На второе приготовили курицу с соусом. Вы сами-то ели ее?

— Нет, когда делаешь соус с пряностями, то сыт от одного запаха. Конечно, я пробовала соус, пока готовила. Я ела суп и взбитые сливки.

— А как вы подавали взбитые сливки?

— Каждому в отдельной вазочке.

— Ну, а теперь вы уже все убрали?

— Конечно, вся посуда вымыта и убрана на место.

Доктор Куимпер даже застонал.

— Бывает же такое сверхусердие.

— Постойте… Кажется, что-то еще есть.

— Что же?

— Немного соуса, он в кладовке. Я хотела приправить им завтра суп. Осталось немного

грибного супа. Но куриной печенки и взбитых сливок нет.

— Я возьму с собой и соус, и суп. А как насчет приправ? Ну, перец, горчица. Они их ели?

— Да. Приправы находятся вон в тех баночках.

— Я возьму немного приправ. — Он встал. — Схожу наверх и еще раз всех посмотрю. Вы до утра сможете приглядывать за ними? Я пришлю сюда сестру часов в восемь и дам ей необходимые указания.

— Доктор, скажите прямо, это пищевое отравление или… просто отравление?

— Врачи не смеют думать, они должны знать наверняка. Если результаты анализа остатков пищи будут хорошими, я смогу взяться за лечение. В противном случае…

— Что в противном случае? — насторожилась Люси.

Доктор Куимпер положил руку на ее плечо.

— Особенно следите за двумя из них, — сказал он. — Прежде всего, за Эммой. Я не хочу, чтобы с ней что-то случилось… — В голосе его прозвучало волнение, которого он не смог скрыть. — Знаете, такие люди, как Эмма Крекенторп — соль земли. Да, Эмма для меня значит многое. Я никогда ей этого не говорил, но когда-нибудь скажу.

— Не сомневайтесь, я прослежу за ней обязательно, — сказала Люси.

— А еще присмотрите за стариком. Не могу сказать, чтобы он был самым любимым моим пациентом, но он — мой пациент. И черт меня побери, я не позволю ему так просто перекочевать на тот свет лишь потому, что кому-то из его весьма непривлекательных сынков — а может быть и всем троим — хочется, чтобы он убрался с дороги.

Он вдруг лукаво посмотрел на нее.

— Ну вот, я слишком разоткровенничался. Но держите ухо востро, милая девушка.

Инспектор Бэйкен был расстроен.

— Мышьяк? — переспрашивал он. — Мышьяк?

— Да. В соусе. У меня сохранились остатки этого соуса, пусть ваши сотрудники сами проверят. — Я сделал только грубый анализ. Но результат вполне определенный.

— Так значит, мы имеем дело с отравителем?

— Похоже, что так, — сухо сказал доктор Куимпер.

— И вы утверждаете, что пострадали все, за исключением мисс Айлесбэроу?

— Да, все, кроме мисс Айлесбэроу.

— Всякие подозрения в ее адрес слишком неве-

роятны.

— И какие причины могли бы ею руководить?

— Может быть, просто спятила? — предположил Бэйкен. — На вид все в порядке, и тем не менее, как говорится, у них не все дома.

— К мисс Айлесбэроу этого нельзя отнести. Говорю вам как врач. Мисс Айлесбэроу вполне в своем уме, как вы и я. И уж если мисс Айлесбэроу подмешивает мышьяк в пищу всей семье, то только с определенным умыслом. Более того, будучи весьма смышленой, она постаралась бы не остаться единственным не пострадавшим человеком. Она, как и любой умный отравитель, должна была бы съесть хоть немного отравленного соуса, а потом, преувеличивая опасность, проявить все симптомы отправления.

— А вы смогли бы определить?

— Что она получила меньшую дозу, чем остальные? — продолжил его мысль Куимпер. — Нет, по всей вероятности не смог бы. Не все одинаково реагируют на яд. Одна и та же доза действует на одних сильнее, а на других слабее. Конечно, — весело добавил Куимпер, — если пациент умирает, дозу установить можно довольно точно.

— В таком случае, могло случиться и другое. — Инспектор Бэйкен остановился, чтобы собраться

с мыслями. — Допустим, преступником является один из членов семьи, который делает вид, будто чувствует себя хуже, чем это есть на самом деле, и сейчас лежит вместе с другими, чтобы отвести от себя возникающие подозрения. Как вы думаете?

— Эта мысль и мне приходила в голову. Поэтому я у вас. Теперь дело в ваших руках. Я направил к ним медицинскую сестру, которой вполне доверяю. Но она не может ухаживать сразу за всеми. У меня такое впечатление, что никто из семьи не получил смертельной дозы.

— Ошибка отравителя?

— Нет. Мне кажется, идея состояла в том, чтобы создать видимость пищевого отравления. Все бы стали винить в этом случае грибы. У людей всегда панический страх перед грибами — ими действительно часто отравляются. Ну, а потом кто-нибудь почувствует себя хуже других и умрет.

— От следующей порции яда?

Доктор кивнул головой.

— Вот поэтому я и поставил вас в известность о случившемся и приставил к ним специальную сестру.

— Она знает о мышьяковом отравлении?

— Конечно. Знает она и мисс Айлесбэроу. Я бы на вашем месте поехал сейчас туда и всем бы дал

ясно понять, — что они страдают от отравления мышьяком. Может, предупреждение навлечет страх на убийцу, и он не посмеет осуществить свой план. Он же рассчитывает на версию о пищевом отравлении.

На столе инспектора зазвонил телефон. Он взял трубку и сказал:

— Хорошо. Соедините ее со мной. — Потом инспектор обратился к Куимперу. — Звонит ваша медицинская сестра. Да, алло! Слушаю… Что, что такое? Серьезный рецидив, повторение симптомов? Да… Доктор Куимпер здесь, у меня. Если вы хотите поговорить с ним…

Он передал трубку доктору.

— Говорит Куимпер… Понимаю. Хорошо. Так и продолжайте делать. Мы сейчас приедем.

Он положил трубку и повернулся к Бэйкену.

— Ну, что там? — спросил Бэйкен.

— Альфред умер.

Глава 20

В голосе Крэддока, раздавшемся в телефонной трубке, явно звучало недоверие.

— Альфред? — спрашивал он. — Альфред?

Инспектор Бэйкен, чуть придвинув трубку поближе к себе, спросил:

— Вы этого не ожидали?

— Нет, конечно. Я только что собрал улики о его причастности к убийству!

— Я слышал, что билетный контролер опознал его. Похоже, все складывается против него. Вы напали на след?

— Значит, — сказал решительно Крэддок, — мы ошибались.

Наступила небольшая пауза. Затем Крэддок спросил:

— Там же была медицинская сестра. Как она не углядела?

— Ее нельзя винить. Мисс Айлесбэроу всю ночь провела с ними, а потом пошла соснуть. На руках медсестры осталось пять человек — старик, Эмма, Гедрик, Гарольд и Альфред. Она не могла быть сразу около всех. Кроме того, старый мистер

Крекенторп стал сильно волноваться. Причитал, что умирает. Сестра прошла к нему в комнату, дала успокоительное, потом вышла отнести Альфреду чай с глюкозой. Он выпил чай, и наступил конец.

— Снова мышьяк?

— Вроде бы. Конечно, мог быть и рецидив. Но Куимпер так не думает. И с ним согласен Джонсон.

— Так неужели именно Альфреда выбрали жертвой? — с сомнением в голосе спросил Крэддок.

Бэйкен явно заинтересовался таким вопросом.

— Вы имеете в виду, что смерть Альфреда никому не нужна, а смерть старика устроила бы многих? Я думаю, могла произойти ошибка. Кто-то надеялся, что чай попадет к старику.

— А вы уверены, что именно таким путем применили яд?

— Нет, конечно, в этом доктора не уверены. Медсестра, как все хорошие медсестры, предварительно вымыла и чашки, и ложки, и чайник. Но все же чай — единственный для яда путь, который мы можем предположить.

— Значит, — в раздумье сказал Крэддок, — один из них был менее болен, чем остальные? Он вос-

пользовался случаем и всыпал в чашку яд.

— Ну, больше таких штучек не повторится, — сказал сурово инспектор Бэйкен. — Мы послали туда двух медицинских сестер. Да, кроме того, там еще и мисс Айлесбэроу. А еще там есть пара наших ребят. Вы приедете?

— Да, сейчас же.

Люси Айлесбэроу шла через холл навстречу инспектору Крэддоку. Выглядела она ужасно, лицо ее посерело от горя.

— У вас выдалось трудное время, — сказал Крэддок.

— Все как бесконечный ночной кошмар, — сказала Люси. — Вчера ночью я действительно думала, что все они умирают.

— От соуса?

— А разве виноват соус?

— Да, в него очень умело подсыпали мышьяк. Все как в самых страшных рассказах о доме Борджиа.

— Если это так, — сказала Люси, — то яд мог подсыпать только кто-то из членов семьи.

— А кто-нибудь исключается?

— Нет. Видите ли, я начала готовить, этот проклятый соус поздно, уже после шести часов вечера, потому что старый мистер Крекенторп

специально просил меня об этом. Мне пришлось открыть новую коробку со специями. Раньше меня эту коробку никто не трогал и ничего подмешать туда не мог. Я думаю, что специи и заглушили привкус яда.

Люси задумалась.

— Нет. Мышьяк безвкусен, — сказал Крэддок рассеянно. — Ну, а кому из них представился удобный случай подсыпать яд в соус, пока он готовился?

— Вообще-то говоря, любой мог войти на кухню, когда я накрывала на стол.

— Понятно, а кто был в это время дома? Старый мистер Крекенторп, Эмма, Гедрик…

— Гарольд и Альфред. Они днем приехали из Лондона. О да, еще Брайен. Брайен Истлеу. Но он уехал до ужина встречать кого-то в Брэкхемптоне.

Крэддок задумчиво проговорил:

— Болезнь старика на Рождество тоже не случайна. Куимпер подозревает, что и тогда ему всыпали мышьяк. А все ли казались одинаково тяжело больными вчера ночью?

Люси опять задумалась.

— Мне кажется, старому мистеру Крекенторпу было хуже других. Доктору Куимперу пришлось

здорово повозиться с ним, а он очень хороший врач. Гедрик доставлял меньше всего хлопот.

— А Эмма?

— Ей было тоже очень плохо.

— Но почему все-таки Альфред? Я просто удивляюсь, — сказал Крэддок.

— Догадываюсь, — сказала Люси. — Значит, так и было задумано, чтобы умер Альфред.

— Вот если бы я только мог понять мотивы, которыми руководствовался отравитель! — размышлял вслух Крэддок. — Никак не могу связать факты воедино. Женщина, которую задушили и спрятали в саркофаге — вдова Эдмунда. Это теперь почти доказано. Ведь должна же быть какая-то связь между ее гибелью и намеренным отравлением Альфреда? Что-то очень неладно в этой семье. Даже если допустить, что кто-то из них сумасшедший, то и это не объяснение.

— Нет, не объяснение, — согласилась Люси.

— Так вот, будьте осторожны, — предостерег ее Крэддок. — В доме есть отравитель, помните это. И еще помните, что кто-то из больных не так уж сильно болен, как делает вид.

После ухода Крэддока Люси стала медленно подниматься на второй этаж. Властный голос, лишь немного ослабленный болезнью, окликнул ее:

— Девушка! Девушка, это вы? Идите сюда.

Люси вошла в комнату. Мистер Крекенторп лежал в постели, со всех сторон обложенный подушками. Люси подумала, что для больного он выглядит удивительно бодро.

— Дом набит чертовыми медсестрами, — пожаловался мистер Крекенторп. — Крутятся здесь повсюду, важничают, то и дело меряют температуру, не дают есть. А ведь, наверно, в хорошенькую копеечку влетит их уход. Скажите Эмме, пусть она их всех выгонит. Вы сами можете прекрасно за мной ухаживать.

— В доме все больны, мистер Крекенторп, — сказала Люси. — И я не могу одна ухаживать за всеми, вы же понимаете это.

— Грибы, — сказал мистер Крекенторп, — дьявольски опасная вещь.

— Грибы были хорошие, мистер Крекенторп.

— Я вас не обвиняю, девушка, я вас не обвиняю. Такое случалось и раньше. Попадется одна поганка, и все. Никто в этом не разбирается. Я знаю, вы добрая девушка и нарочно такого не сделаете. А как Эмма?

— Чувствует себя лучше.

— А Гарольд?

— Ему тоже лучше.

— Так почему же Альфред отдал богу душу?

— Вы уже знаете, мистер Крекенторп, а мы думали, что вам не успели рассказать.

Мистер Крекенторп захохотал, и смех его был безудержным и радостным от переполнявшего его веселья.

— А я все слышу, — сказал он. — От старика ничего не скроешь. Так Альфред умер, да? Одним паразитом на моей шее меньше. Да и денежек он от меня теперь не получит. Они все ждут, что я умру, вы же знаете. А Альфреду особенно не терпелось меня похоронить. И бот он сам мертв. Я считаю, произошла интересная шуточка.

— Как вы можете, мистер Крекенторп! Нехорошо так говорить, — произнесла строго Люси.

Мистер Крекенторп снога засмеялся.

— Я их всех переживу! Вот увидите, моя девушка, вот увидите!

Люси пошла в свою комнату. Достала словарь и нашла слово «тонтина». Потом закрыла книжку и задумчиво уставилась в пустоту.

— Никак не пойму, почему вам захотелось прийти именно ко мне, — раздраженно сказал доктор Моррис.

— Вы ведь долгое время знали всю семью Крекенторп, — учтиво произнес инспектор Крэддок.

— Да, да, я знал всех Крекенторпов. Я помню до сих пор старика Джошуа Крекенторпа. Это был крепкий орешек и весьма неглупый. Сумел сколотить большой капитал. — Он поудобнее расположился в кресле и взглянул из-под косматых бровей на инспектора Крэддока. — Значит, вы наслушались идей молодого идиота Куимпера! Ох, уж эти мне усердные молодые врачи! В их головах всегда полно идей. Он вдолбил себе в голову, что кто-то пытается отравить Лютера Крекенторпа. Вздор! Мелодрама! У него и раньше были приступы гастрита, и я его лечил от них.

— А доктор Куимпер, — сказал Крэддок, — думает, что все не так просто.

— Доктор не должен заниматься раздумьями, этак далеко не уедешь. Во всяком случае, я могу различить мышьяковое отравление, если вижу пациента.

— Многие известные врачи не замечали мышьяковых отравлений, — напомнил ему Крэддок. — В деле о Гринбэроу, с миссис Реней, с Чарльзом Лидсом и с тремя членами семьи Уэстбэри. Всех их с почестями и по всем правилам похоронили. И ни один из врачей, лечивших их, даже ничего не заподозрил.

— Ну ладно, ладно, — смягчился доктор Мор-

рис. — Значит, вы считаете, что я мог ошибиться? А я вот не уверен, что ошибся.

Он помолчал немного, подумал, потом спросил:

— Кто мог сделать это, по мнению Куимпера, раз уж на то пошло?

— Он не знает, — сказал Крэддок, — и не хочет гадать. Но вы сами знаете, что речь идет о крупном наследстве.

— Да, да, знаю. Наследство сыновья получат только после смерти Лютера Крекенторпа. А им деньги очень нужны, это правда. Но они не пойдут на убийство старика, чтобы добраться до денег.

— Пожалуй, не пойдут, — согласился инспектор Крэддок.

— Знаете, у меня свой взгляд на такие вещи, — сказал доктор Моррис. — Нельзя подозревать без достаточных оснований. Да, без достаточных оснований, — повторил он. — Но должен признаться, что все рассказанное вами меня потрясло. Мышьяк, и в больших дозах! Но я до сих пор не понимаю, почему вы обратились именно ко мне. Могу только уверить, что я раньше ничего не подозревал. Может быть, мне следовало бы призадуматься? Отнестись к желудочным забо-

леваниям Лютера Крекенторпа более серьезно? Но это было так давно!

Крэддок согласился с ним.

— Сейчас мне необходимо узнать побольше о семье Крекенторп. Нет ли у них какого-либо наследственного душевного заболевания?

Глаза из-под густых бровей остро вонзились в Крэддока:

— Да, я вижу, в каком направлении работает ваша мысль. Так вот, Джошуа был совершенно нормальным человеком. Всегда и во всем поступал в соответствии с здравым смыслом, всегда был твердым как сталь. Его жена была несколько склонна к меланхолии. Умерла она вскоре после рождения второго сына. И я бы сказал, что Лютер унаследовал от нее некоторую неуравновешенность. В молодости он был вполне заурядным человеком, но не всегда ладил с отцом. Джошуа не любил его, и думаю, Лютера возмущало это и тяготило. И в конце концов подозрительность стала его навязчивой идеей, которую он принес в свою семью. Вы, верно, уже заметили, что Лютер относится к своим сыновьям с истинной, идущей из нутра, неприязнью. Дочерей он любил. И Эмму, и Эдит, которая умерла.

— А почему Лютер невзлюбил сыновей? — спро-

сил Крэддок.

— Я знаю только, что Лютер никогда не чувствовал себя полноценным человеком и всегда горько сетовал на свое материальное положение. Он мог получать доходы с капитала, но не имел права распорядиться самим капиталом. И если бы он мог лишить своих детей состояния, то, очевидно, ненавидел бы их меньше. Но он бессилен, и это вызывает в нем чувство униженности.

— Так вот отчего он так радуется мысли, что переживет сыновей, — сказал инспектор Крэддок.

— Возможно. К тому же, в этом основная причина его скупости.

Новая мысль пришла в голову Крэддока.

— Наверное, он завещал кому-то другому свои сбережения? Это на него похоже.

— О да, хотя только богу известно, кому он мог завещать. Может быть, Эмме, хотя и сомневаюсь. И потом, у нее своя доля капитала от деда. Может быть, внуку Александру?

— Он ведь его очень любит, правда? — спросил Крэддок.

— Раньше — да. Ведь он ребенок дочери, а не одного из сыновей. Это для старика имеет значение. Он очень хорошо относился к Брайену Истлеу, мужу Эдит. Конечно, я плохо знаю Брайена. Но

мне кажется, что после войны Брайен опустился, совершенно изменился и ведет беспутный образ жизни. У него были все качества, которые необходимы во время войны: смелость, энергия, решительность и беззаботное отношение к будущему. А теперь… Возможно, что он со временем совсем превратится к бродягу.

— Так значит, ни у кого из детей Лютера нет никаких особых причуд и странностей?

— Гедрик довольно эксцентричный тип, одна из обычных теперь мятежных душ. Не могу сказать, что он абсолютно нормальный. Но скажите, кто теперь абсолютно нормален? Гарольд немного ортодоксален. Он черствый, бессердечный человек и всегда держит нос по ветру, как бы не упустить случай. В Альфреде чувствуется какая-то надломленность. Он испорченный человек, да и раньше всегда был таким. Однажды я видел, как он взял деньги из коробки с пожертвованиями для проповедников, которая обычно стояла в холле у них дома. Ах, да, ведь бедняга умер, мне не стоило плохо говорить о мертвом.

— А что вы скажете… — Крэддок чуть заколебался, — об Эмме Крекенторп?

— Милая, спокойная девушка, но никто никогда не знает, о чем она думает. У нее свои

собственные планы и свои идеи, и она их никому не раскрывает. У нее более сильный характер, чем можно подумать.

— Вы знали Эдмунда, который погиб во Франции во время войны?

— Да, знал. Он был самым лучшим из них: добрый, веселый и красивый парень.

— Не слышали ли вы, что он собирается жениться на француженке незадолго до своей гибели?

Доктор Моррис нахмурился.

— Я припоминаю по этому поводу какой-то разговор.

— Это было в начале войны?

— Да. И мне кажется, что, останься жив, он, пожалуй, пожалел бы, что женился на иностранке.

— Есть определенные причины полагать, что так оно и было, — сказал Крэддок.

Коротко, в нескольких словах, он рассказал доктору Моррису о недавних событиях.

— Я помню сообщение в газетах о том, что в саркофаге обнаружили какую-то убитую женщину. Так значит, это случилось в Рутерфорд-холле?

— И есть основания считать, что это была вдова Эдмунда Крекенторпа.

— Да, да. Все кажется необычным. Больше похоже на роман, чем на действительность. Но кому

мешала эта бедняжка? И как ее смерть связать с отравлением мышьяком семьи Крекенторп?

— Так или иначе, это связано, — сказал Крэддок, — но и то, и другое чересчур инсценировано. Очевидно, кто-то хочет сразу завладеть всем состоянием Джошуа Крекенторпа.

— Несчастный глупец тот, кто хочет этого, — сказал доктор Моррис. — Ему же ведь придется платить невероятно большие налоги от доходов с этого капитала!

Глава 21

— До чего же отвратительная вещь эти грибы, — сказала миссис Киддер.

Она уже в десятый раз повторяла свое замечание за последние несколько дней. Люси ничего не отвечала.

— Сама я никогда к ним не притрагиваюсь, — продолжала миссис Киддер. — Слишком они опасны. Это еще счастливый случай, и нужно благодарить провидение, что был только один смертельный исход. Ведь все могли умереть, и вы, мисс, тоже. Как вы только уберeглись, просто удивительно.

— Напрасно сваливать отравление на грибы, — не выдержала Люси, — они были вполне хорошие.

— Да как же вы не верите? — воскликнула миссис Киддер. — Грибы очень опасны. Попался один, всего лишь один ядовитый, и вот вам результат. Чудно, — продолжала говорить миссис Киддер из-за груды тарелок и блюд, которые она мыла в тазу, — чудно, как все получается. Беда никогда не ходит одна. Старший сын моей сестры заболел

корью, наш Эрни упал и сломал руку, а мой муж вдруг весь покрылся фурункулами. И все в одну неделю! Просто трудно поверить, правда? Здесь, в этом доме, происходит то же самое. Сначала отвратительное убийство, а теперь отравился грибами мистер Альфред. А кто следующий, хотела бы я знать?

Люси почувствовала себя довольно неловко, потопу что и ей тоже хотелось бы это знать.

— Моему мужу не нравится, что я сюда хожу работать, — не унималась миссис Киддер. — Он считает, что это к несчастью. Но я ему сказала, что знаю мисс Крекенторп давно, что она хорошая дама и рассчитывает на мою помощь. Не могу я оставить сейчас бедную мисс Крекенторп, сказала я ему, не сможет же она сама все делать в доме. Да и вам, мисс, тоже довольно трудно управляться с обедами и ужинами.

Люси вынуждена была согласиться, что жизнь ее в данный момент только и состоит из того, что она готовит и разносит пищу. Вот и сейчас она установила на подносы тарелки для больных.

— А эти медицинские сестры, так от них не очень-то много толку, — понизила голос миссис Киддер. — Они только и делают, что пьют крепкий чай чашку за чашкой. Ох, и устала же я!

— Вы никогда не жалеете себя, миссис Киддер, — сказала серьезно Люси.

Замечание очень понравилось миссис Киддер. Люси взяла приготовленный ею поднос с едой и отправилась наверх.

— Что это такое? — спросил мистер Крекенторп, с явным неодобрением глядя на еду.

— Бульон и запеканка, — ответила Люси.

— Уберите, — сказал мистер Крекенторп. — Я к этой гадости и не притронусь. Я хочу бифштекс.

— Доктор Куимпер считает, что пока вам не следует есть бифштекс.

— Я уже совсем здоров, — заворчал мистер Крекенторп. — Завтра встану с постели. А как остальные?

— Мистеру Гарольду намного лучше, — ответила Люси. — Завтра он возвращается в Лондон.

— Еще одним станет меньше, скатертью дорожка! А как Гедрик? Есть ли надежда, что он завтра отправится на свои острова?

— Он пока не собирается уезжать.

— Жаль. А что делает Эмма? Почему она не приходит навестить меня?

— Она все еще в постели, мистер Крекенторп.

— Женщины любят нежиться, — сказал мистер Крекенторп. — Вот вы хорошая и сильная де-

вушка, — добавил он одобрительно. — Весь день крутитесь, как заведенная.

— У меня вполне достаточная тренировка для этого, — улыбнулась Люси.

Старик Крекенторп одобрительно закивал головой.

— Вы хорошая и сильная девушка, — повторил он. — И не думайте, что я забыл о том нашем разговоре. В один прекрасный день вы увидите! Не всегда же Эмме удастся настаивать на своем. И не слушайте болтовни, будто я жадный старик. Я просто берегу свои деньги. У меня припасено их прилично, и я знаю, на кого их истратить, когда придет время.

Следующий поднос Люси отнесла Эмме.

— О, спасибо, Люси. Я уже почти совсем поправилась. Хочется есть, а это ведь хороший признак, правда? Вы знаете, дорогая, — продолжала Эмма, пока Люси устанавливала поднос у нее на коленях, — меня, право же, мучают угрызения совести из-за вашей тетушки. У вас ведь, наверное, и времени не было поехать и навестить ее.

— Говоря по правде, не было.

— Я думаю, что она без вас соскучилась.

— О, не беспокойтесь, мисс Крекенторп. Она понимает, какое ужасное время мы здесь пере-

жили.

— Вы звонили ей по телефону?

— Нет, давно уже не звонила.

— Ну, что же вы? Звоните ей каждый день. Для пожилых людей так важно получать весточку.

— Вы очень добры, — сказала Люси.

Направляясь за следующим подносом, Люси думала о том, что ее действительно целиком поглотили заботы о заболевших, у нее даже не было времени поговорить с мисс Марпл. Она решила позвонить ей, как только отнесет еду Гедрику. Теперь в доме осталась лишь одна медицинская сестра, Люси встретилась с ней на лестничной площадке, они обменялись приветствиями.

Гедрик сидел в кровати и что-то быстро писал на листочках бумаги. Выглядел он аккуратным и подтянутым.

— Привет, Люси, — сказал он. — Какое еще дьявольское варево принесли вы сегодня? Мне бы хотелось, чтобы вы как-нибудь избавили меня от этой богом обиженной медсестры. О ней просто словами не расскажешь. Почему-то называет меня «мы». «Как мы себя чувствуем сегодня утром? Хорошо ли мы спали? О, господи, до чего же мы капризны, зачем же мы так перевернули всю постель?»

И он стал подражать тону медсестры высоким фальцетом.

— Вы сегодня очень весело настроены, — сказала Люси. — А чем вы так усердно занимаетесь?

— Планами, — ответил Гедрик. — Набрасываю план того, что нужно сделать с домом и имением, когда старик умрет. Очень хороший кусочек земли, знаете ли! И вот я никак не могу решить, хочу ли я сам разрабатывать здесь что-нибудь или лучше продать все сразу с аукциона. Очень нужное место для промышленных целей. А дом подойдет или под лечебницу, или под школу. Я не уверен, что не захочу продать половину земли и на полученные деньги устроить что-нибудь необычное. Что вы на этот счет думаете?

— Вы же не получили ее, — сухо заметила Люси.

— Так получу, — сказал Гедрик. — Имение не будет делиться, как все остальное. И получу я его целиком. А уж если продать его за кругленькую сумму, так деньги станут основным капиталом, а не доходом, и мне не придется платить с него налоги.

— Мне всегда казалось, что вы не очень-то заботитесь о деньгах, — сказала Люси.

— Конечно, не забочусь, когда у меня их нет, —

ответил ей Гедрик. — А какая же вы хорошенькая, милая Люси! Или, может быть, мне так кажется, потому что я давно не видел ни одной красивой женщины?

— Думаю, что последнее вернее.

— Все еще приводите всех в порядок?

— Похоже, что и вас кто-то привел в порядок, — ответила Люси, глядя на него.

— А, это чертова медсестра, — сказал Гедрик с чувством. — А что, уже состоялось следствие по поводу смерти Альфреда? Что там установили?

— Следствие отложено, — сказала Люси.

— Полиция увиливает от ответа. Такое массовое отравление может взволновать кого угодно. Получше следите за собой, милая, остерегайтесь.

— Я так и делаю, — ответила Люси.

— А что, наш мальчик, Александр, уже уехал обратно в колледж?

— Мне кажется, что он пока еще у Стоддат-Уэста. Занятия начнутся только послезавтра.

Прежде, чем самой сесть за обед, Люси позвонила мисс Марпл.

— Прошу меня извинить, что до сих пор не смогла к вам приехать, но, честное слово, я была сильно занята.

— Конечно, дорогая, конечно. И к тому же, сей-

час нечего делать. Сейчас нужно ждать.

— Да, но чего же ждать?

— Элспет Мак-Гилликади должна скоро вернуться домой, — сказала мисс Марпл. — Я ей написала, чтобы она сразу же вылетела сюда, что это ее долг. Так что не волнуйтесь уж очень сильно, моя дорогая.

Голос ее был добрым и успокаивающим.

— Вы ведь не думаете?.. — начала Люси и остановилась.

— Что будут еще случаи смерти? О, надеюсь, что этого не случится. Но разве можно предугадать, если уж кто-то действительно свирепствует, как дьявол. Мне думается, что это и впрямь выходка нечестивца.

— Или сумасшедшего, — сказала Люси.

— Конечно, так смотреть на вещи более современно, но я не согласна с этим.

Люси положила трубку, пошла на кухню взять для себя обед. Миссис Киддер уже развязывала фартук и собралась уходить домой.

— Я надеюсь, мисс, что с вами ничего не случится, — сказала она заботливо.

— Конечно, ничего со мной не случится, — живо ответила Люси.

Она взяла поднос с обедом и пошла не в огром-

ную мрачную столовую, а в маленький кабинет. Едва лишь она закончила есть, как дверь отворилась, и вошел Брайен Истлеу.

— Призет, — сказала Люси. — Вот уж нежданно-негаданно.

— Да, верно, — согласился Брайен. — Ну, как там все?

— Намного лучше. Гарольд завтра уезжает в Лондон.

— А что, это и правда был мышьяк?

— Да, действительно мышьяк, — ответила Люси.

— А в газетах еще ничего не появлялось.

— Я думаю, что полиция кое-что держит про запас.

— Кто-то, должно быть, здорово сердит на всю семью, — продолжал Брайен. — Кто же смог подсыпать в пищу яд?

— Мне кажется, наиболее подходящее лицо для такой цели — я, — сказала Люси.

Брайен взглянул на нее с испугом.

— Но вы ведь не делали этого?

— Нет, не делала.

Она готовила соус на кухне в одиночестве и сама же подавала на стол. Только тот из пяти человек, к :о в тот вечер сидел за ужином, мог

подсыпать в соус мышьяк.

— Но все же, почему именно вы? — спросил Брайен. — Ведь они для вас никто, правда? Послушайте, — добавил он, — я надеюсь, вы ничего не имеете против, что я приехал обратно?

— Нет, конечно, ничего не имею. Вы собираетесь здесь побыть немного?

— Да, мне бы хотелось. Разумеется, если я не буду лишней обузой для вас.

— Нет, мы сумеем все устроить.

— Видите ли, в настоящий момент я без работы, э… мне она уже надоела. А вы уверены, что мое присутствие вас не затруднит?

— Нет. И потом, я не тот человек в доме, который имеет право возражать. Это может сделать Эмма.

— О, с Эммой мы договоримся, — сказал Брайен.

— Эмма всегда хорошо ко мне относилась, конечно, на свой лад. Вообще-то она не очень общительный человек. И довольно «темная лошадка», наша старина Эмма. Другая бы на ее месте, живя здесь и ухаживая за этим стариком, давно бы сошла с ума. Жаль, что она не вышла вовремя замуж. Теперь уже слишком поздно, мне кажется.

— А мне совсем так не кажется, — возразила Люси.

— Не знаю, — Брайен задумался. — Может быть, за священника, — с надеждой сказал он. — Эмма была бы очень полезной в общении с прихожанами и в делах клуба матерей. А ведь верно я говорю о клубе матерей. Я не очень разбираюсь, что это такое на самом деле, но в книгах иногда пишут об этом. И она носила бы шляпу по воскресеньям, когда надо идти в церковь, — добавил он.

— Лично для меня — это не такая уж заманчивая перспектива, — Люси встала и взялась за поднос.

— Разрешите, это сделаю я, — сказал Брайен, беря поднос из ее рук.

Они вместе пошли на кухню.

— Хотите, я помогу вам вымыть посуду? Мне очень нравится кухня, — добавил он. — Вообще-то я знаю, что в наше время не многие любят хозяйство, но я люблю весь этот дом. Может быть, дурной вкус, но это правда. А в парке легко можно посадить самолет, — добавил он с энтузиазмом.

Брайен взял полотенце и принялся вытирать ложки и вилки.

— Жаль, что поместье достанется Гедрику, — заметил он. — Первое, что он сделает, это продаст

его и снова закатится куда-нибудь за границу. Я сам вот никак не пойму, почему Англия для всех стала плоха. Гарольд тоже не захочет этого дома. А для Эммы он, конечно, слишком велик. Вот если бы дом перешел к Александру, то мы были бы здесь счастливы, как два беззаботных и жизнерадостных человека. Конечно, было бы приятно иметь в доме женщину. — Он задумчиво поглядел на Люси. — Но какой толк от разговоров. Ведь чтобы дом перешел к Александру, им всем сначала нужно умереть. Но вероятность этого не так уж велика. Я вижу, старик мог бы легко дожить и до ста лет, просто для того, чтобы доставить неприятность всем остальным. Я думаю, что он не очень-то убивался, узнав о смерти Альфреда.

— Нет, совсем не убивался, — подтвердила Люси.

— Сварливый старый черт, — весело сказал Брайен Истлеу.

Глава 22

— Какие ужасные вещи болтают повсюду, — миссис Киддер была взволнована. — У меня терпения не хватает их слушать. Даже просто не верится.

Она выжидательно и с надеждой смотрела на Люси.

— Могу себе представить, — ответила та.

— О трупе, который нашли в Длинном сарае, — продолжала миссис Киддер, — говорят, будто она была возлюбленной мистера Эдмунда во время войны, а теперь приехала сюда. Но за ней увязался ее ревнивый муж. Вот он-то и убил ее. Вообще это очень похоже на то, что делают иностранцы. Но как, по-вашему, могла появиться ревность через столько лет?

— Мне кажется это очень неправдоподобным.

— Но говорят и еще похуже, — продолжала миссис Киддер. — Ведь люди всякое болтают. Будто мистер Гарольд женился где-то за границей, а та приехала сюда и узнала, что он имеет еще одну жену, то есть леди Алису. Иностранка решила подать на него в суд, мистер Гарольд заманил ее

сюда и прикончил. А потом спрятал труп в саркофаг. Вы когда-нибудь могли себе представить, что могут наговорить люди!

— Ужасно, — ответила рассеянно Люси, думая совершенно о другом.

— Конечно, я их даже не слушаю, — сказала миссис Киддер осуждающе. — И сама я нисколько не верю этим сказкам. Надеюсь, ни одна из них не дойдет до ушей мисс Эммы. Это может огорчить ее, а я бы этого не хотела. Она очень хорошая леди, наша мисс Эмма. И о ней я не слышала ни одного плохого слова. Ни единого! И, конечно, после того, как умер мистер Альфред, теперь никто плохо о нем не говорит. Даже не говорят, что это божья кара, а уж такое они могли бы сказать. Ну, ведь правда же, это просто ужасно, все эти злобные разговоры?

Миссис Киддер выкладывала сплетни с безмерным удовольствием.

— Должно быть, вам ужасно неприятно слушать подобные разговоры, — посочувствовала ей Люси.

— О, конечно, — подтвердила миссис Киддер. — Очень даже неприятно. Я все спрашивала и спрашивала у своего мужа — ну как же можно такое болтать?

У входной двери зазвонил звонок.

— Это доктор, мисс. Вы откроете ему или мне пойти?

— Я открою сама.

Но это оказался не доктор. На пороге стояла высокая элегантная дама в норковой шубе. А на посыпанной гравием дорожке виднелся урчащий «Роллс-Ройс», за рулем которого сидел шофер.

— Могу я видеть мисс Змму Крекенторп?

У нее был приятный голос и немного грассирующее «р». Женщина выглядела эффектно. Ей было от силы лет тридцать пять.

— Простите, — сказала Люси, — но мисс Крекенторп больна и лежит в постели. Она никого не может принять.

— Да, я знаю, что она заболела. Но это очень важно.

— Боюсь, что… — начала Люси.

Но посетительница перебила ее:

— Я думаю, вы — мисс Айлесбэроу, не так ли?

Она улыбнулась, и улыбка у нее тоже была приятной.

— Мой сын говорил мне о вас. Я леди Стоддат-Уэст.

— О, теперь понимаю, — сказала Люси.

— И очень важно, чтобы я увиделась с мисс

Крекенторп, — продолжала женщина. — Я знаю все о ее болезни и заверяю вас, что здесь не просто обычный светский визит. Это связано с тем, что мне рассказали мальчики, вернее, о чем рассказал мой сын. Мне кажется это чрезвычайно важным. Пожалуйста, скажите Эмме обо мне.

— Входите.

Люси провела гостью в холл, а потом в гостиную.

— Я поднимусь наверх и спрошу мисс Крекенторп.

Она постучала в дверь комнаты Эммы и вошла.

— Здесь леди Стоддат-Уэст. Она хочет видеть вас по очень важному делу.

— Леди Стоддат-Уэст? — Эмма была удивлена. Потом взгляд ее стал тревожным. — Я надеюсь, ничего не случилось с мальчиком, с Александром?

— Нет, нет, — заверила ее Люси. — С мальчиками все благополучно. Ее визит связан как раз с тем, что они ей рассказали.

Эмма была в нерешительности.

— Наверное, мне следует принять ее. Как я выгляжу, Люси?

— Вы выглядите прекрасно.

Эмма сидела в постели. Мягкая розовая шаль укрывала ее плечи, и от этого щеки ее тоже казались розовыми. Темные волосы были аккуратно зачесаны и уложены в пучок медсестрой. Еще накануне Люси поставила у зеркала полную вазу осенних листьев. Комната казалась привлекательной и совсем не напоминала о присутствии больной.

— Я действительно чувствую себя достаточно хорошо, чтобы встать, — сказала Эмма. — Доктор Куимпер заявил, что завтра мне можно будет ходить.

— Сейчас вы выглядите как и прежде, — сказала Люси. — Может быть, попросить леди Стоддат-Уэст подняться сюда?

— Да, попросите.

Люси проводила гостью наверх, открыла дверь, пропустила ее в комнату и опять закрыла дверь. Леди Стоддат-Уэст подошла к кровати с протянутой для пожатия рукой.

— Мисс Крекенторп? Право, мне очень неудобно, что я таким образом врываюсь к вам. Мне кажется, я видела вас как-то во время спортивного праздника в колледже.

— Да, — ответила Эмма. — Я вас тоже помню. Прошу, садитесь.

Леди Стоддат-Уэст села в кресло, придвинутое к кровати.

— Вы можете подумать, что это довольно странно с моей стороны приехать вот таким образом к вам. Но у меня на это есть причина и, мне кажется, очень важная. Видите ли, сын мне сразу же написал об убийстве. Признаюсь, что мне эта история тогда же не понравилась. Я разволновалась и хотела немедленно взять Джеймса домой. Но муж рассмеялся. Он сказал, что убийство ничего не имеет общего ни с домом, ни с семьей. И еще он сказал, что прекрасно помнит, как мальчики интересуются такими вещами. А из писем Джеймса было видно, что и он, и Александр настолько сильно увлеклись, что было бы просто жестоко увезти их отсюда. И вот я сдалась и согласилась, чтобы они остались до конца условленного срока.

— Так вы полагаете, что нам следовало отправить Джеймса домой раньше? — спросила Эмма.

— Нет, нет. Я совсем другое имею в виду. О, как же трудно мне обо всем этом говорить. Дело в том, что мальчики угнали многое из этой истории. Они рассказали мне, что женщина, та убитая женщина… Полиция считает, что она француженка, которую ваш брат, убитый на войне, знал

во Франции. Так ли это?

— Пока это только версия, — сказала Эмма, и голос ее чуть дрогнул.

— Но почему… почему полиция думает, что это Мартина? Нашли у нее какие-нибудь документы или письма?

— Нет, ничего. Но дело в том, что я немного раньше получила письмо от Мартины.

— Вы получили письмо от Мартины?

— Да, она писала, что находится в Англии и хотела бы увидеться с нами. Я ответила согласием. Но потом пришла телеграмма, в которой Мартина сообщала, что снова возвращается во Францию. Возможно, она действительно уехала во Францию. Мы этого не знаем. Но затем здесь нашли конверт с ее адресом. Очевидно, она все же приезжала сюда. Но все-таки я никак не могу понять…

Эмма замолчала. Леди Стоддат-Уэст быстро продолжила ее мысль:

— Вы никак не можете понять, какое мне до этого дело? Когда я услышала всю эту историю от мальчиков, я решила приехать и убедиться, насколько все это верно. Потому что, если так…

— Что же тогда? — спросила Эмма.

— Тогда я должна сказать то, что никогда не

собиралась вам рассказывать. Дело в том, что я — Мартина Дюбуа.

Эмма остановила на ней свой взгляд так, как будто никак не могла осознать смысл сказанных ею слов.

— Вы! — воскликнула она. — Вы — Мартина?

Ее собеседница энергично кивнула головой.

— Да, да. Я встретилась с вашим братом Эдмундом в первые дни войны. В то время он был расквартирован в нашем доме. Ну, а остальное вы знаете. Мы любили друг друга, собирались пожениться. Потом началось отступление к Дюнкерку. Сообщили, что Эдмунд пропал без вести. Позднее подтвердили, что он был убит. Я не стану рассказывать вам о том времени. Все давно прошло. Но хочу вас заверить, что я очень любила Эдмунда… Ну, а потом настали жестокие будни войны. Немцы оккупировали Францию. Я стала сражаться в Сопротивлении. Была среди тех, кого назначили для переправы англичан через Францию в Англию. И вот таким образом я встретила своего теперешнего мужа. Он был офицером военно-воздушных сил и был сброшен с парашютом во Францию для выполнения специального задания. Когда война кончилась, мы поженились. Иногда я думала о том, стоит

ли мне написать вам или приехать повидаться. Но решила, что этого делать не нужно. Ничего хорошего это бы все равно не дало, думала я, лишь взбудоражило бы прежние воспоминания. У меня уже устроена новая жизнь, и воскрешать в памяти прошедшее не хотелось.

Она помолчала немного, а потом продолжала:

— Должна вам сказать, что мне доставила необыкновенное удовольствие дружба Джеймса с Александром — племянником Эдмунда. Александр очень похож на Эдмунда. Я думаю, что и вы сами заметили это. Мне показался счастливым стечением обстоятельств тот факт, что Джеймс и Александр так подружились.

Она наклонилась к Эмме и положила руку ей на плечо.

— Теперь вы понимаете, дорогая Эмма, что когда я услышала об убийстве, о том, что подозревают в убитой женщине Мартину, я решила приехать и рассказать правду. Или я, или вы должны сообщить об этом в полицию. Кем бы ни была убитая женщина, она — не Мартина.

— Я до сих пор не могу поверить, — проговорила Эмма, — что вы и есть та самая Мартина, о которой мне писал Эдмунд.

Она вздохнула, покачала головой, а потом

вдруг нахмурилась, и на лице ее появилась растерянность.

— Но я что-то не понимаю. Так это не вы написали мне письмо?

Леди Стоддат-Уэст энергично покачала головой.

— Нет, конечно. Я вам никогда ничего не писала.

— Но тогда… — Эмма остановилась.

— Тогда это сделал кто-то, выдававший себя за Мартину и, очевидно, желавший получить с вас деньги.

Эмма медленно произнесла:

— Я думаю, что были люди, которые все знали?

— Да, возможно. — Она пожала плечами. — Но у меня не было тогда близких друзей или людей, очень хорошо меня знавших. А после того, как я приехала в Англию, я вообще никому ничего не рассказывала. Но почему же все-таки этот человек ждал так долго? Странно, очень и очень странно.

— Я сама ничего не понимаю, — сказала Эмма. — Надо срочно сообщить обо всем инспектору Крэддоку.

Она посмотрела на свою гостью, и глаза ее вдруг потеплели.

— Я так рада, дорогая, что наконец-то познакомилась с вами.

— И я тоже. Эдмунд так часто говорил мне о вас. Он вас очень любил. Я счастлива в своей настоящей жизни, но все равно никак не могу совсем позабыть то, что было.

Эмма откинулась назад, на подушки, и глубоко вздохнула.

— Теперь немного легче, — проговорила она.

— Ведь пока думали, что убитая — Мартина, вся эта история казалась связанной с нашей семьей. А сейчас у меня гора свалилась с плеч.

Глава 23

Секретарша Гарольда Крекенторпа, как всегда подтянутая, внесла в его кабинет чашку чая, которую он обычно выпивал в полдень.

— Спасибо, мисс Элис. Сегодня я уеду домой рано.

— Я уверена, что вам вовсе не следовало сегодня приходить, мистер Крекенторп, — сказала мисс Элис. Вы все еще выглядите очень слабым.

— Я хорошо себя чувствую, — попробовал улыбнуться Гарольд Крекенторп. На самом же деле чувствовал он себя отвратительно. Несомненно, был момент, когда состояние его здоровья внушало большие опасения. Хорошо, что все уже позади.

«Очень странно, — подумал он с грустью, — Альфред не выжил, а старик сумел выкрутиться. Вообще-то говоря, что он собой представляет теперь? Сколько отцу лет — семьдесят три или семьдесят четыре? Все время болеет, лежит в постели. И уж если кому-то суждено умереть, то, конечно, им должен был оказаться старик. Но нет. Получилось так, что умер Альфред, Аль-

фред — здоровый и выносливый парень. С ним раньше никогда ничего не случалось».

Он откинулся в кресле и вздохнул. Секретарша, конечно, права. Ему еще плохо, да и ко всему какая-то апатия, но все же он пересилил себя, приехал **в** контору. Необходимо узнать, как идут дела. Только узнать и уехать обратно, домой. Он огляделся. Да, все здесь говорило о процветании. А если у вас вид процветающего человека, то люди думают, что вы на самом деле процветаете. Пока еще не просочились слухи о его финансовой неустойчивости. И тем не менее, крах не за горами. Вот если бы вместо Альфреда умер отец! Но он как будто даже расцвел от мышьяка. Да, вот если бы отец не сумел перенести отравления, тогда отпали бы и всякие заботы.

А пока самое главное — не показывать другим своего беспокойства. У него внешность процветающего человека. Не то, что у бедняги Альфреда. Тот всегда казался потрепанным и беспомощным. Да так оно и было на самом деле. Один из жалких спекулянтов, игравший на бирже, никогда смело не бравшийся ни за одно крупное денежное дело. В одном месте его видели среди темных личностей, в другом — занимавшимся сомнительными делами. И хотя он никогда не

попадался, не привлекался к судебной ответственности, он всегда был близок к этому. И где он только находил такие мерзкие дела? Вывали у него короткие промежутки изобилия, а потом он снова опускался. Никаких перспектив на будущее. И, думая об этом, нельзя сказать, что смерть Альфреда — великая потеря. Он никогда особенно не любил Альфреда. И вот теперь, когда Альфред ушел с дороги, доля капитала, которая перейдет к нему от деда, значительно увеличится, потому что капитал придется делить не на пять частей, а на четыре. Да, это немного лучше.

Лицо Гарольда посветлело. Он встал, взял шляпу и пальто и вышел из конторы. Лучше поскорее забыть обо всем. Ведь он пока еще недостаточно хорошо себя чувствует. Машина ждала его у подъезда.

Дарвин, его слуга, открыл дверь.

— Только что приехала ее милость, сэр, — сказал он.

С минуту Гарольд смотрел на него, ничего не понимая. Алиса! Он совершенно забыл об этом. Хорошо еще, что Дарвин предупредил. Было бы совсем неловко, если бы, поднявшись наверх и увидев ее, он сделал удивленное лицо. Конечно, думал он, дело вовсе не в этом. Ни у Алисы, ни у

него уже нет больше заблуждений насчет чувств, которые они питали друг к другу.

Алиса являлась для него человеком, совершенно не оправдавшим надежд. Он и раньше не сильно-то любил ее. Конечно, ее семья и связи бесспорно оказались полезными. Хотя и не настолько полезными, как могли бы быть. Когда он женился на Алисе, то думал о положении своих будущих детей, о том, что его сыновья будут иметь весьма приятных родственников. Но не было ни сыновей, ни даже дочерей. Он и Алиса с годами просто терпели друг друга. Большую часть года она жила со своими родственниками, а зимой обычно уезжала на Ривьеру. Ее это устраивало, а его не беспокоило.

И вот теперь он поднялся наверх в гостиную и поздоровался с изысканной педантичностью.

— Итак, вы вернулись, моя дорогая… Прошу прощения, никак не мог вас встретить, меня задержали в Сити. Но вот домой я постарался приехать пораньше. Как было в Сан-Рафаэле?

Алиса стала рассказывать о Сан-Рафаэле. Была она худощава, с волосами песочного цвета. Красивой формы нос и отсутствующие карие глаза. Говорила она благовоспитанным, монотонным и даже несколько унылым голосом.

— Поездка обратно домой прошла сносно, правда, Ла-Манш сейчас немного бурный. И, как всегда, таможенный досмотр в Дувре очень утомителен.

— Нужно было лететь самолетом, — вставил Гарольд. — Это проще.

— Но я не люблю летать. Полет меня раздражает.

— Но экономит время, — сказал Гарольд.

Леди Алиса Крекенторп ничего не ответила. Возможно, для нее никогда не стоял вопрос экономии времени, скорее наоборот, была проблема, как убить его. Она вежливо спросила мужа о самочувствии.

— Телеграмма Эммы очень взволновала меня, — сказала Алиса. — Я поняла, что вы все болели.

— Да, да, — кивнул Гарольд.

— Позавчера я прочитала в газетах, — продолжала Алиса, — что в одной гостинице умерло сразу сорок человек от пищевого отравления. Я думаю, что холодильники — опасная вещь. Люди слишком долго хранят в них продукты.

— Очевидно, — Гарольд не решался упомянуть о мышьяке.

Он вдруг почувствовал, глядя на Алису, что со-

вершенно не в состоянии рассказать ей об этом. В мире, где пребывала Алиса, как он понимал, нет места для отравлений мышьяком. О них она могла читать лишь в газетах. Ни с ней, ни с ее семьей такого не случалось. Но такое случалось в семье Крекенторпов…

Он пошел в свою комнату и прилег на часок, который оставался до ужина. За ужином, когда они остались вдвоем с глазу на глаз, разговор шел все в том же духе, пресный, вежливый. Упоминались знакомые и друзья, жившие в Сан-Рафаэле.

— Для вас в холле на столе лежит пакет, — вдруг вспомнила Алиса.

— Где? Я не заметил.

— Странно. Кто-то из моих приятельниц рассказывал мне, что в сарае или еще где-то обнаружили убитую женщину. И подобное якобы произошло в Рутерфорд-холле! Мне кажется это невероятным.

— Это на самом деле произошло в нашем Рутерфорд-холле, — подтвердил Гарольд.

— Правда? И вы ничего не рассказали мне об этом!

— Право же, просто не было времени, — сказал Гарольд. — И вообще все это довольно неприятно. Да и к нам не имеет никакого отношения. Газетчики кружились там толпами. И, разумеется, нам

пришлось иметь дело с полицией.

— Очень неприятно, — согласилась Алиса. — И полиция узнала, кто она такая? — в голосе ее звучал неприкрытый интерес.

— Пока нет, — ответил нехотя Гарольд.

— А какая она из себя?

— Никто ее не знает. Очевидно, она француженка.

— О, француженка! — воскликнула Алиса. — Действительно, очень досадно для всех нас.

Гарольд чувствовал себя совсем плохо. «Пойду-ка я сегодня спать пораньше», — подумал он. Взяв со стола в холле небольшой аккуратно завернутый сверток, о котором напомнила жена, он уселся в кресло на свое обычное место у камина. Развернул сверток.

Внутри оказалась небольшая коробочка с таблетками, на которой было написано: «По две штуки перед сном». Здесь же на небольшом листке бумаги значилось имя аптекаря из Брэкхемптона и приписка: «Изготовлено по рецепту доктора Куимпера».

Гарольд Крекенторп нахмурился. Он открыл коробочку и посмотрел на таблетки. Да, они совсем такие же, какие он принимал раньше. Но ведь Куимпер на советовал ему больше принимать

лекарства! Доктор так и сказал: «Вам больше не нужно их принимать».

— Что такое, дорогой? — спросила Алиса. — Вы как будто чем-то взволнованы?

— О, это просто какие-то таблетки. Я принимал их перед сном. Но, насколько я помню, доктор не рекомендовал мне их больше.

— Может, вы перепутали? Очевидно, он говорил о том, чтобы вы не забывали их принимать.

— Наверное, так оно и есть, — с сомнением в голосе сказал Гарольд.

Он посмотрел на жену. Она внимательно наблюдала за ним. Лишь на какой-то момент ему захотелось угнать, о чем именно она сейчас думает. Не часто ему хотелось знать такое об Алисе. Но ему ничего не го-вс рил этот кроткий взгляд. Глаза у нее похожи на окна в пустом доме. Что думала Алиса о нем? Что она чувствовала? Любила ли она его хоть когда-нибудь? Он предполагал, что любила. А может быть, просто вышла за него замуж потому, что видела в нем человека с блестящим будущим. Да, в целом она совсем неплохо устроилась. У нее машина и дом в Лондоне, она может ездить за границу, когда заблагорассудится, покупать дорогие наряды, хотя, о господи, они ведь никогда не смотрелись на Алисе. Ему хоте-

лось знать, думает ли она так же, как и он. У них нет ничего общего, им не о чем поговорить, нечего вспомнить. Вот если бы дети… Как странно, что у них в семье ни у кого нет детей, кроме Эдит. Молодая Эдит, она была неразумной, решившись на глупый опрометчивый брак с Брайеном. Он, Гарольд, давал ей тогда хороший совет.

— Конечно, — сказал он Эдит, — они привлекательны, эти лихие молодые летчики с их романтическим ореолом, смелостью и всем прочим. Но от Брайена будет мало толку после войны, понимаешь? Может быть, он едва-едва сумеет зарабатывать, чтобы прокормить тебя.

А Эдит спрашивала, какое это имеет значение. Она любит Брайена, Брайен любит ее. И может быть, его скоро убьют. Почему бы им не быть хоть немного счастливыми? Какой смысл задумываться о будущем, когда в любую минуту их могут убить? И потом, говорила Эдит, о будущем не нужно задумываться, потому что в один прекрасный день они получат деньги дедушки.

Гарольд скорчился в своем кресле. Действительно, до чего же несправедлива воля деда! Держит их всех в напряжении. Заставляет висеть на волоске. Его завещание никого не обрадовало. Оно не обрадовало внуков, а сына, их отца, сдела-

ло совершенно безумным. Старик так заботится о себе. Но ему придется умереть. Да, да, ему скоро придется умереть. В противном случае… Все заботы и волнения снова нахлынули на Гарольда, и он почувствовал себя совершенно больным и усталым. У него закружилась голова.

Он заметил, что Алиса все еще пристально наблюдает за ним. Эти бесцветные, бессмысленные глаза. От них ему как-то неловко.

— Я думаю, что мне следует пойти лечь, — поднялся он с кресла.

— Да, — сказала Алиса. — Я надеюсь, врач говорил вам, чтобы в первые дни вы старались не волноваться и больше отдыхать.

— Врачи всегда говорят нечто подобное.

— И не забудьте принять таблетки, дорогой, — напомнила Алиса.

Она взяла коробочку и вручила ему. Гарольд пожелал жене доброй ночи и пошел наверх. Да, они ему еще нужны, эти таблетки. Он достал из коробочки две таблетки и проглотил, запив стаканом воды.

Глава 24

— Кажется, нет на свете человека, который мог бы наделать больше глупостей, чем я, — печально покачал головой инспектор Крэддок.

Он сидел, вытянув длинные ноги, и чувствовал себя, как слон в посудной лавке, в этой чересчур заставленной мебелью гостиной миссис Флоренс. Он дьявольски устал, он был удручен и в плохом настроении.

Мисс Марпл уговаривала его тихим, вкрадчивым голосом:

— Нет, нет, дорогой мой мальчик, вы проделали большую работу. На самом деле, большую работу.

— Это я-то большую работу? Это я-то, который допустил, чтобы отравили Альфреда Крекенторпа, а теперь вот еще и Гарольд умер. Что же, черт возьми, происходит? Вот что я хотел бы знать.

— Отравленные таблетки, — задумчиво произнесла мисс Марпл.

— Да. Действительно. Дьявольски хитро. На вид они совершенно не отличаются от тех, которые раньше принимал Гарольд. Но к ним ведь

был приложен специально отпечатанный бланк аптекаря с припиской: «Изготовлено по рецепту доктора Куимпера».

А Куимпер никогда не заказывал ничего подобного. Просто использовали бланк аптекаря. Аптекарь тоже ничего не знает. И все же эта коробочка с таблетками прибыла из Рутерфорд-холла.

— А вы на самом деле уверены, что она прибыла из Рутерфорд-холла?

— Да. Мы очень тщательно все проверили. Оказалось, эта та самая коробочка, в которой хранилось снотворное для Эммы.

— О, понимаю. Для Эммы…

— Да. На ней есть отпечатки пальцев Эммы, двух медицинских сестер и аптекаря, который готовил снотворное. И, конечно, никаких других отпечатков. Человек, который переслал таблетки Гарольду, действовал осторожно.

— Значит, снотворное изъяли, а вместо него положили нечто другое?

— Да. Так оно и произошло с этими дьявольскими таблетками. И те и другие одинаковы, как две капли воды.

— Да, сейчас все таблетки так похожи, — согласилась мисс Марпл. — Я очень хорошо помню,

что в дни моей молодости была черная микстура и коричневая микстура, белая, да еще розовая. И люди уж никак не могли спутать. И знаете, по правде говоря, в деревне, где я теперь живу, в Сент Мэри Мид, мы до сих пор предпочитаем пользоваться именно такими лекарствами. Нам больше нравятся лекарства в бутылочках, а не таблетки. А что собой представляли таблетки? — спросила она.

— Аконит, из тех, что хранятся в специальном шкафу для ядов. Потом их обычно разводят в пропорции один к ста, если возникает необходимость в яде как компоненте какого-нибудь лекарства.

— А Гарольд принял их и умер, — мисо Марпл стала печальной.

У Дэрмота Крэддока вырвался из груди стон.

— Не сердитесь, что я пришел к вам и выкладываю такие неприятные вещи, — тихо проговорил он.

— Мне очень приятно, что вы мне доверяете, — сказала мисс Марпл. — И я понимаю, как вам сейчас трудно. Я к вам отношусь с большой симпатией, потому что вы крестник сэра Генри. Да, я отношусь к вам совсем не так, как отнеслась бы к любому другому инспектору уголовного розыска.

Дэрмот Крэддок слегка улыбнулся ей.

— Но факт остается фактом, я сам запутал дело. Начальник полиции здешнего района обратился к Скотланд Ярду. А что из этого вышло? Они увидели, что я остался в дураках.

— Нет, нет, — запротестовала мисс Марпл.

— Да, остался. Я так и не дознался, кто же отравил Альфреда, а теперь вот Гарольда, и ко всему прочему, не имею ни малейшего понятия о том, кто такая убитая женщина! Настоящая Мартина появилась здесь и, что совершенно неожиданно, оказалась женой сэра Роберта Стоддат-Уэста. Так кто же все-таки женщина, убитая в сарае? Лишь богу известно. Вначале я ухватился за мысль, что она Анна Стравинская.

Он неожиданно замолчал и взглянул на мисс Марпл, которая вдруг начала тихонько и как-то многозначительно покашливать.

— Это оказалось не так? — тихо спросила она.

Крэддок уставился на нее.

— Да, но ведь открытка с Ямайки…

— А, это! — воскликнула мисс Марпл. — Но открытка ведь не истинное доказательство, не так ли? Я хочу сказать, что можно устроить так, чтобы открытка пришла из любой части земли. Так мне кажется. Я помню миссис Бриэрли, у нее

случались ужасные нервные припадки. В конце концов ей предложили лечь в больницу для душевнобольных на обследование. Она не хотела, чтобы об этом узнали ее дети. И вот она написала четырнадцать открыток, организовала их отправку из разных частей света, а детям сказала перед этим, что уезжает за границу на отдых. Теперь вы понимаете, что именно я имею в виду?

— Да, конечно, — ответил Крэддок, все еще в упор глядя на нее. — Конечно, мы очень тщательно проверяли бы все, связанное с этой открыткой, если бы не история с Мартиной, которая так хорошо соответствовала нашей версии. Ведь этого и вы не можете отрицать.

— Нет, не могу.

— Потом еще одно. Этот конверт от письма Эммы, отправленного ею в Лондон. То, что его нашли в Рутерфорд-холле, означало, что женщина действительно была там.

— Но убитая женщина не была там! — сказала мисс Марпл, усиленно подчеркивая слово «там».

— Она не была там в том смысле, в каком вы имеете в виду. Она попала в Рутерфорд-холл лишь после того, как была убита. Ее столкнули с поезда на железнодорожную насыпь.

— Ах, да.

— Но конверт действительно подтверждает, что убийца там был. Можно предположить, что он взял этот конверт вместе с другими документами и вещами. А потом случайно или по ошибке уронил его. Хотя теперь я уже сомневаюсь, было ли это случайно? Я уверена, что инспектор Бэйкен и ваши люди в полиции тщательно обыскали поместье, но ничего не нашли. Так ведь? Только позже конверт оказался в котельной.

— Ну, это можно понять, ведь старый садовник всегда собирал всякие бумажки и прочий мусор, разбросанный вокруг, и складывал на растопку котла.

— Конверт оказался именно там, где его удобно было отыскать мальчикам, — сказала задумчиво мисс Марпл.

— Вы считаете, что его специально подбросили?

— Ну, я, право, не знаю. А вообще-то совсем нетрудно догадаться, куда именно направятся для розысков мальчики. А может быть, даже и подсказать им… Да, я все время размышляю над этим. А вас это заставило прекратить думать об Анне Стравинской, не так ли?

— Вы полагаете, что на самом деле это она и есть? — спросил Крэддок.

— Я думаю, что кто-то очень забеспокоился, когда вы начали вести расследование о ней. Вот и все… Я думаю, что кто-то не хотел, чтобы такое расследование велось и впредь.

— Давайте будем исходить из того основного факта, что кто-то хотел выдать себя за Мартину, — сказал Крэддок. — А потом по неизвестной причине вдруг отказался от этого. Почему?

— Это очень интересный вопрос, — сказала мисс Марпл.

— Ведь кто-то же послал телеграмму, извещавшую, что Мартина возвращается во Францию, но затем организовал поездку сюда вместе с ней и по дороге убил ее. Пока вы со мной во всем согласны?

— Не совсем, — ответила мисс Марпл. — Все же мне не кажется, что это так просто.

— Вы путаете все мои карты, — воскликнул Крэддок.

Мисс Марпл сказала с обидой, что ни о чем подобном она и не помышляла.

— Ну, хорошо, а есть ли у вас хотя бы предположение, кто такая убитая женщина?

Мисс Марпл вздохнула.

— Так сложно, — сказала она, — поставить все на свои места. Я не имею представления, кто она,

и в то же время почти уверена, что знаю ее, если вы понимаете, что именно я имею в виду.

Крэддок вскинул голову.

— Знать, что именно вы имеете в виду? Да я и представить себе не могу!

Он посмотрел в окно.

— Люси Айлесбэроу приехала повидаться с вами, — сказал он.

— О, это уж слишком. Сегодня у меня совсем неважное настроение. И принимать молодую женщину, пышущую здоровьем, упивающуюся своим успехом, выше моих сил.

Глава 25

— Я посмотрела в словаре значение слова «тонтина», — сказала Люси.

Обмен взаимными приветствиями уже закончился, и теперь Люси бесцельно ходила по комнате, то притрагиваясь к фарфоровой собачке, то к пластмассовой шкатулке, где лежало незаконченное еще вышивание.

— Я так и думала, — ответила ей мисс Марпл спокойным голосом.

Люси начала медленно, слово в слово, повторять то, что вычитала в словаре:

— «Лоренцо Тонти, итальянский банкир, в 1653 году предложил новую форму ренты, по которой доля умерших членов, получавших данную ренту, присоединяется к долям дохода живущих наследников». — Люси замолчала. — Это именно то, на что вы намекали? Весьма подходит к данному случаю. А вы думали об этом еще до того, как произошли эти два смертельных случая?

И она снова принялась почти бессознательно ходить взад-вперед. Мисс Марпл сидела и наблюдала за ней. Это была уже совсем другая Люси

Айлесбэроу, не та, которую она знала прежде.

— Мне кажется, что все так и было задумано, — продолжала Люси. — Завещания такого рода иногда приводят к тому, что остается в живых только один наследник и получает все. И там ведь очень большая сумма, правда?

— Вся беда в том, — ответила ей мисс Марпл, — что нет предела людской жадности. Человек не хочет никого убивать; даже и не помышляет об убийстве. Он просто вдруг становится жадным и желает получить больше, чем может. — Она отложила вязание и посмотрела куда-то вдаль, в пространство. — Именно по такому поводу я в первый раз и встретилась с инспектором Кр-эддоком. Дело происходило в деревне, недалеко от Меденхэмсона. Все началось именно таким образом. Просто слабохарактерность у довольно милого человека, который захотел иметь много денег. Денег, к которым он не имел никакого отношения. Но ему казалось, что он может весьма просто их заполучить. Тогда еще не было и мысли об убийстве. Все казалось настолько легким и несложным, что вряд ли могло казаться чем-то предосудительным. Вот так все начиналось… А закончилось смертью трех человек.

— Так же, как и в данном случае, — сказала

Люси. — Теперь и здесь три мертвеца. Во-первых, женщина, выдавшая себя за Мартину и захотевшая получить долю наследства для своего сына. Во-вторых, — Альфред, и вот теперь еще Гарольд. Значит, остались только двое, так ведь?

— Вы имеете в виду, что остались только Гедрик и Эмма?

— Нет, не Эмма. Эмма — это не тот высокий темноволосый мужчина. Я хочу сказать, что остались Гедрик и Брайен Истлеу. Я раньше никогда не думала о Брайене, потому что он блондин. У него светлые усы и голубые глаза. Но видите ли, однажды… — Она вдруг остановилась.

— Продолжайте, продолжайте, — мисс Марпл заинтересовалась. — Я вижу, вас что-то сильно расстроило?

— Да. Когда леди Стоддат-Уэст уезжала из Рутерфорд-холла, садясь в машину, она вдруг обернулась и спросила: «А кто тот высокий темноволосый человек, что стоял на террасе, когда я входила в дом?». Я сначала даже представить себе не могла, кого она имела в виду, потому что Гедрик все еще находился в постели. Поэтому я спросила, весьма смутившись: «А это не Брайен Истлеу?». И она сказала: «Да, конечно, он самый. Командир эскадрильи Истлеу. Я помню, однажды

его скрывали у нас на чердаке во Франции во времена Сопротивления». Потом она добавила: «Мне хотелось встретиться с ним снова, но я нигде не могла его найти».

Мисс Марпл молчала и ждала, что же еще скажет Люси.

— И вот, — продолжала Люси, — после этого я начала присматриваться к нему. Однажды он стоял спиной ко мне, и я увидела то, что должна была заметить раньше. Что даже если мужчина блондин, его светлые волосы кажутся темными от бриолина. Волосы у Брайена, как мне кажется, ближе к каштановым, но они могут выглядеть и темными. Так что и Брайен мог быть тем человеком, которого ваша приятельница видела в поезде. Могло быть и так, что…

— Да, — сказала мисс Марпл, — я уже думала об этом.

— Похоже, что вы думаете сразу обо всем! — отпарировала Люси.

— Ну, дорогая, ведь нужно же кому-то делать это.

— И все же я никак не могу понять, что получил бы от всего этого Брайен Истлеу. Я хочу сказать, что деньги ведь перейдут к Александру, а не к нему. Конечно, жить им стало бы легче, они

могли бы позволить себе кое-какую роскошь, однако у него не было бы возможности применить капитал для реализации своих планов или еще каким-либо образом распорядиться им.

— Но если с Александром случилось бы что-нибудь до исполнения двадцати одного года, Брайен получил бы его деньги, потому что он его отец и ближайший родственник, — заметила мисс Марпл.

Люси с ужасом посмотрела на нее.

— Ну, что вы? Он никогда не пойдет на это. Ни один отец никогда не сделал бы такого ради денег.

Мисс Марпл вздохнула.

— И такое случается, моя дорогая. Все это очень прискорбно, более того, ужасно, но бывает и такое. Люди вообще совершают необъяснимые вещи. Я знаю случай, когда женщина отравила трех своих детей лишь затем, чтобы получить не очень-то большую сумму по страхованию их жизни. И еще одна пожилая женщина, на вид весьма привлекательная, отравила своего сына, когда тот приехал к ней провести свой отпуск. А вот случай со старой миссис Стэнвиг. Об этом много писали в газетах. Я думаю, и вы читали. У нее умерла дочь, а потом и сын. И вдруг миссис

Стэнвиг заявила, что ее чуть не отравили. И, действительно, в овсяной каше обнаружили яд, но, как выяснилось на следствии, сама старуха его туда и подсыпала, потому что намеревалась отравить свою последнюю дочь. И дело было вовсе не в деньгах. Она просто завидовала своим детям, их молодости, их жизнерадостности. Она страшилась — об этом неприятно даже говорить, но это действительно так, — что они будут наслаждаться жизнью, а ее удел — смерть. Конечно, как говорили, она была немного странной, я никак бы не смогла принять это за извиняющую причину. Хотя я и считаю, что люди во многих случаях могут быть чудаковатыми. Иногда вот некоторые люди продают все свое имущество, лишь бы сделать приятное другим. И это доказывает, что за чудаковатостью могут скрываться вполне благородные особенности характера. Ну, что, дорогая моя Люси, помогло ли это вам хоть немного?

— Что помогло мне? — спросила Люси, совершенно сбитая с толку этим вопросом.

— А все, что я вам наговорила, — ответила мисс Марпл, потом добавила с нежностью. — Вы не должны волноваться. Право же, вам вовсе не о чем волноваться. Элспет Мак-Гилликади теперь

в любой день может быть здесь.

— Но я не понимаю, какое это имеет ко мне отношение.

— Никакого, дорогая, очевидно, не имеет никакого отношения к вам, но мне кажется, что это очень важно.

— И все же я не могу не волноваться, — сказала Люси. — Понимаете, у меня пробудился интерес к этой семье.

— Знаю, дорогая, вам очень трудно, потому что вы сильно привязались к ним сбоим, хотя и по-разному.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Люси, и вопрос этот прозвучал у нее довольно резко.

— Я говорю о двух сыновьях в этой семье, — ответила мисс Марпл. — Вернее сказать, о сыне и о зяте. Так уж случилось, что два наиболее неприятных члена этой семьи умерли, а остались два очень привлекательных человека. Я думаю, что Гедрик Крекенторп весьма привлекательный молодой человек. Ему нравится казаться хуже, чем он есть на самом деле, и возмущать людей своими выходками.

— Иногда он просто приводит меня в бешенство, — Люси сделала сердитое лицо.

— Да, — сказала мисс Марпл, — но ведь вам все это нравится, правда? Вы — девушка с сильным характером, любите всегда с кем-нибудь сражаться. Да, теперь я вижу, в чем заключается его привлекательность. А вот мистер Истлеу имеет довольно спокойный характер, он чем-то похож на обиженного беззащитного ребенка, и это тоже вызывает к нему симпатии.

— Да, но кто-то из них — убийца, — с горечью произнесла Люси, — и им может оказаться любой. Так что выбирать не из кого. Вот, например, Гедрик. Его совсем не обеспокоила ни смерть Альфреда, ни смерть Гарольда. Он сидит, откинувшись на подушки, упиваясь прожектами о том, что ему делать с Рутерфорд-холлом. И не устает все время повторять, что все его планы перестройки дома в надлежащий вид потребуют больших затрат. Конечно, я понимаю, что он из числа людей, которые хотят казаться и грубее, и бессердечнее, чем есть на самом деле.

— Бедная, бедная Люси. Я так огорчена всем этим.

— Ну, а потом еще Брайен, — продолжала Люси. — Это кажется немного странным, но Брайен действительно хочет жить в Рутерфорд-холле. Он считает, что ему и Александру будет там хорошо,

и полон всевозможных планов.

— Брайен всегда полон всевозможных планов. Ведь так?

— Да. Мне кажется, это верно. Только у меня всегда возникает какое-то подсознательное чувство, что планы его никогда не осуществятся.

— Его планы витают в воздухе?

— Да, в большей или меньшей степени. Я считаю, что они в буквальном смысле слова витают в воздухе. Все это планы, связанные с воздухом. Может быть, по-настоящему хороший летчик никогда не садится как следует на землю, как знать?.. И еще, — добавила она, — Истлеу очень, любит Рутерфорд-холл, потому что он напоминает ему большой, беспорядочно выстроенный дом в стиле королевы Виктории, в котором он жил еще ребенком.

— Понимаю, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Да, понимаю.

Потом вдруг искоса взглянув на Люси, сказала, как будто спохватившись:

— Но ведь дело не только в этом, не правда ли, дорогая? Ведь здесь есть что-то еще.

— О, да, здесь есть что-то еще. И это что-то я не понимала вплоть до самых последних дней. Оказывается, Брайен мог находиться на том поезде.

— На поезде, который вышел из Паддингтона в 4 часа 33 минуты?

— Да. Эмма ожидала, что ей придется дать отчет в полицию о 20 декабря, и она очень тщательно все припомнила: заседание комитета утром, затем поездка по магазинам после обеда, чай в Грин-Шэмроке. А потом сказала, что ездила на вокзал встречать Брайена. Поезд, который она ожидала, вышел из Паддингтона в 4 часа 50 минут. Но ведь могло быть и так, что он приехал более ранним поездом, а заявил, будто приехал позже. Он мне сам как-то случайно проговорился, что машина у него тогда что-то забарахлила, ее ремонтировали, и ему пришлось приехать на поезде. Он сказал, что это ужасно скучно, что он ненавидит поезда. Может быть, все действительно так и есть. Но мне почему-то было бы приятнее, если бы он тогда не ехал на поезде.

— И особенно на том самом поезде, — в задумчивости сказала мисс Марпл.

— Вообще-то, это ни о чем не говорит. Самое ужасное — подозрения. Не знать, что же действительно произошло! И, возможно, мы никогда так ничего и не узнаем.

— Нет, дорогая, мы, конечно, узнаем все, — быстро ответила мисс Марпл. — Я хочу сказать,

что происшедшее не должно остаться неразгаданным. Единственное, что я знаю об убийцах, так это то, что они никогда не могут остаться одни. Или, лучше сказать, переживать преступления одни. И, как правило, они никогда не удовлетворяются одним убийством. Сошло удачно одно убийство — жди следующего. Однако не нужно так сильно огорчаться, Люси. Полиция предпринимает все, что в ее силах, следит за кем следует. И особенно важно, что Элспет Мак-Гилликади очень скоро будет здесь!

Глава 26

— Ну, а теперь, Элспет, вам совершенно ясно, что мне от вас хотелось?

— Пожалуй, ясно, — ответила миссис Мак-Гилликади, — но я должна вам сказать, Джейн, что все это кажется мне весьма необычным и странным.

— Ну, нет. В этом нет ничего странного, — возразила мисс Марпл.

— Все же я так думаю. Приехать в чужой дом и тут же спросить, нельзя ли мне… э… пройти наверх.

— На улице очень холодно, — подсказала мисс Марпл, — и потом вы могли съесть что-нибудь такое, не подходящее и… э… отчего вам нужно сразу попросить разрешения пройти наверх. Я просто хочу заметить, что такие вещи случаются. Я вот помню, как однажды меня пришла навестить бедняжка Луиза Фелби. Так ей за какие-нибудь полчаса понадобилось пять раз подняться наверх. И все это произошло, — добавила мисс Марпл мимоходом, — из-за несвежего паштета.

— Вот если бы вы рассказали мне, Джейн, что

вы затеяли… — сказала миссис Мак-Гилликади.

— Именно этого я и не хочу делать, — ответила мисс Марпл.

— Какой же вы ужасный человек, Джейн. Сначала заставляете меня вернуться в Лондон раньше времени, теперь вот…

— Прошу прощения, — возразила мисс Марпл, — но я не могла поступить иначе. Дело в том, что в любой момент может произойти еще одно убийство. О, я знаю, что все начеку, и полиция приняла надлежащие меры предосторожности. Но ведь убийце всегда может представиться случай обойти полицию. Поэтому, Элспет, вашим долгом было приехать сюда. Ведь, в конце-то концов, нас так воспитали, чтобы мы всегда выполняли свой долг, правда?

— Конечно, правда, — ответила миссис Мак-Гилликади. — Помните, в дни нашей молодости не было и речи о безответственности.

— Ну, тогда все в порядке, — облегченно вздохнула мисс Марпл. — А вот и такси подъехало, — добавила она, услышав, как около дома негромко загудела машина.

Миссис Мак-Гилликади надела свое пальто из крапчатой шерстяной ткани, а мисс Марпл закуталась в бесчисленное множество платков

и шарфов. Затем две старые дамы сели в такси, и оно помчало их по направлению к Рутерфорд-холлу.

— Кто бы это мог быть? — спросила Эмма, выглянув в окно, когда услышала, как перед домом остановилась машина. — О! Кажется, старая тетушка Люси.

— Скажи ей, что меня нет дома.

— Ты предлагаешь, чтобы я сообщила ей это сама или попросила Люси?

— Об этом я не подумал, — сознался Гедрик.

— Я, очевидно, вспомнил о тех днях, когда у нас имелись дворецкий и лакей, если действительно такие дни когда-нибудь были. Мне кажется, я помню того лакея, который служил у нас перед войной. У него были еще какие-то амурные дела со служанкой, работавшей на кухне, и из-за этого поднялся жуткий содом. Уж не та ли это старая карга, что приходит сюда убираться?

Но в этот момент дверь открылась, и вошла миссис Харт. Сегодня как раз был день, когда ей следовало чистить медные дверные ручки. Следом за ней вошла мисс Марпл, очень возбужденная, закутанная во множество платков и шарфов, за ее спиной виднелась еще какая-то высокая пожилая дама.

— Я, право же, надеюсь, — сказала мисс Марпл, беря Эмму за руку, — что мы не помешали вам. Дело в том, что послезавтра я уезжаю домой, и никак не могла позволить себе уехать, не попрощавшись с вами. И еще я хотела снова поблагодарить вас за ваше доброе отношение к Люси. О, я совсем забыла. Разрешите мне представить вам мою подругу миссис МакГилликади, она живет вместе со мной.

— Здравствуйте, — произнесла несколько чопорно миссис Мак-Гилликади, глядя на Эмму очень внимательно. Затем она перевела взгляд на Гедрика, нехотя поднявшегося с кресла.

В этот момент в комнату вошла Люси.

— Тетушка Джейн, а я и не думала…

— Я должна была заехать и попрощаться с мисс Крекенторп, — сказала мисс Марпл, — она была очень и очень добра к тебе, Люси.

— Это Люси была добра ко всем нам, — улыбнулась Эмма.

— Да, конечно, — сказал Гедрик. — Мы навалили на нее работы, как на раба с галер. Она ухаживала за больными, бегала вверх-вниз по лестницам, готовила различные деликатесы выздоравливающим…

Мисс Марпл перебила его:

— Я очень расстроилась, когда услышала о вашей болезни. Надеюсь, что теперь вы совсем поправились, мисс Крекенторп?

— О, да. Теперь мы опять все здоровы, — ответила Эмма.

— Люси говорила мне, что вы все серьезно переболели. Грибы так опасны! Могу себе представить!

— Причина заболевания до сих пор осталась загадочной, — сказала Эмма.

— А вы не верите этому? — спросил Гедрик. — Бьюсь об заклад, что и до вас дошли всевозможные слухи, мисс… э…

— Марпл, — подсказала ему мисс Марпл.

— Да, так вот, я могу побиться об заклад, что вы слышали, о чем болтают вокруг. Ни больше, ни меньше, как мышьяк. Это для того, чтобы произвести сенсацию среди соседей.

— Гедрик, — вмешалась Эмма, — мне бы не хотелось, чтобы ты так говорил. Ты же знаешь, что инспектор Крэддок…

— Ха-ха, — засмеялся Гедрик, — все давно все знают. И даже вы кое-что слышали, мадам, правда?

Он обернулся к миссис Мак-Гилликади.

— Я вот лично, — сказала миссис Мак-Гилли-

кади, — только что вернулась из-за границы. Позавчера.

— А, ну тогда вы еще не успели разобраться в скандале, который здесь произошел, — съязвил Гедрик. — Мышьяк в подливке, вот что случилось. Тетушка Люси знает об этом все, могу поклясться.

— Я только слышала кое-что, — сказала мисс Марпл. — Об этом просто кто-то намекал. Но, конечно, я не хотела никоим образом ставить вас в неудобное положение, мисс Крекенторп.

— Не обращайте внимания на моего брата, — смутилась Эмма, — просто он любит шутить.

Говоря это, она нежно ему улыбнулась.

Дверь отворилась, и в комнату ворвался старый мистер Крекенторп, гневно стуча своей палкой.

— Где чай? — закричал он. — Почему еще ничего не готово? Эй! Девушка! — обратился он к Люси. — Почему вы не принесли мне чай?

— Сейчас несу. Я только что собиралась накрывать на стол.

Люси вышла. Мистера Крекенторпа представили мисс Марпл и миссис Мак-Гилликади.

— Люблю, когда еду подают вовремя, — сказал мистер Крекенторп. — Пунктуальность и экономия — вот мои принципы.

— Это весьма необходимо, я уверена, — сказала мисс Марпл, — особенно сейчас, когда растут налоги и цены.

Мистер Крекенторп взорвался.

— Налоги! Не говорите мне об этих грабителях. Несчастный нищий, вот кто я такой. И становится все хуже и хуже.

В комнате снова появилась Люси с чайными чашками на подносе. Следом за ней вошел Брайен Истлеу, неся поднос с сандвичами, хлебом, маслом и пирогом.

— Что такое? — удивился мистер Крекенторп. — Глазированный пирог? У нас сегодня прием? Мне что-то никто об этом не говорил.

На лице Эммы вновь отразилось смущение.

— К чаю придет доктор Куимпер, у него сегодня день рождения и…

— День рождения? — заворчал снова старик. — Дни рождения справляют только детям. Я вот никогда не отмечаю свои дни рождения и не хочу, чтобы их праздновали другие.

— Это, конечно, большая экономия, — сказан Гедрик. — Ты экономишь деньги на покупку свечей к своему пирогу.

— Это все, что ты смог мне сказать, мальчик? — спросил мистер Крекенторп.

Мисс Марпл обменивалась рукопожатием с Брайеном Истлеу.

— Я уже о вас слышала, — сказала она, — от Люси. О, господи, как же вы мне напоминаете одного человека, с которым я была знакома в Сент Мэри Мид. Знаете, это такая деревушка, где я прожила много лет. Ронни Уэллс был сыном нашего адвоката. Получил в наследство от отца контору, но никак не мог приспособиться к делу. Бросил контору, уехал в Восточную Африку. Хотел разбогатеть на эксплуатации грузовых пароходов на тамошних озерах. Виктория Пьяцца, или, может быть, Альберта, так называлось озеро, что-то не помню. Во всяком случае, прискорбно, но и там у него ничего не вышло. Он потерял весь свой капитал и разорился. Ужасно неприятно!

Вы с ним случайно не родственники? Вы очень похожи.

— Нет, — сказал Брайен, — у меня нет родственников по фамилии Уэллс.

— Он был знаком с одной очаровательной девушкой, — продолжала мисс Марпл. — Она все пыталась образумить его, но он даже и слушать ее не хотел. Конечно, он был неправ. У женщин много здравого смысла, знаете, особенно, когда речь идет о деньгах. Конечно, я не имею в виду

вопросы высоких финансовых сфер. Эти вопросы ни одна женщина даже и не пытается постигнуть, так говорил мой дорогой отец. Но обычные житейские дела, фунты, шиллинги, пенсы — это совсем другое дело. А какой чудесный вид открывается у вас из этого окна! — добавила она, проходя через всю комнату и выглядывая в окно.

Эмма подошла к ней.

— Какой огромный парк! И как живописно выглядят коровы на фоне вон тех деревьев. Никто даже и во сне представить себе не сможет, что все это находится в центре города.

— Мне кажется, что мы живем здесь, как какие-то доисторические ископаемые — сказала Эмма. — А если открыть окна, можно услышать вдалеке шум городского уличного движения.

— О, конечно, — сказала мисс Марпл. — Шум есть везде. Даже в Сант Мэри Мид. Теперь мы совсем близко находимся от аэродрома. И знаете, трасса, по которой пролетают реактивные самолеты, проходит как раз над нами. Ужасно страшно. На днях лопнули два стекла в моей оранжерее. Непонятно отчего.

— Вообще-то, все очень просто, — сказал Брайен, приближаясь к ним с дружелюбной улыбкой. — Понимаете, все происходит таким

образом…

Мисс Марпл уронила свою сумочку. Брайен наклонился ее поднять. Улучив удобный момент, миссис Мак-Гилликади подошла к Эмме и что-то прошептала ей на ухо. Лицо ее выражало страдание. Страдание это было неподдельным, потому что миссис Мак-Гилликади очень не нравилась та роль, которую ей сейчас приходилось играть.

— Извините, но не могла бы я на минутку пройти наверх?

— Конечно, — ответила Эмма.

— Я провожу вас, — предложила Люси.

Люси и миссис Мак-Гилликади одновременно вышли из комнаты.

— Сегодня очень холодно, трудно вести машину, — сказала мисс Марпл с отсутствующим взглядом, как бы объясняя что-то.

— Так вот, о звуковом барьере, — продолжал Брайен. — Видите ли, все это происходит.,, О, привет! А вот и Куимпер.

Доктор приехал на своей машине. Он вошел в комнату, потирая руки. Видно, он очень замерз.

— Пойдет снег, — сказал Куимпер, — вот увидите, я-то уж знаю. Здравствуйте, Эмма, как вы себя чувствуете? О, господи, что это все означает?

— Мы приготовили пирог в честь дня вашего

рождения, — потупилась Эмма. — А вы-то хоть помните о нем? Вы мне как-то сказали, что ваш день рождения именно сегодня.

— Для меня это так неожиданно. — Куимпер казался обрадованным. — Понимаете, прошло уже много лет… да, должно быть, лет шестнадцать… с тех пор, как кто-нибудь вспоминал о моем дне рождения.

Он, казалось, был тронут настолько, что даже смутился.

— Вы знакомы с мисс Марпл? — Эмма представила его.

— О да, — заявила мисс Марпл. — Я встречала доктора Куимпера здесь и раньше. Не так давно он приезжал осмотреть меня, когда я схватила опасную простуду. И был очень добр.

— Я надеюсь, что теперь вы снова себя хорошо чувствуете? — спросил доктор.

Мисс Марпл заверила его, что теперь она себя чувствует отлично.

— Вы что-то в последнее время не приходите ко мне, Куимпер, — проскрипел раздраженно мистер Крекенторп. — Я могу умереть от такого внимания, какое вы мне оказываете!

— Не думаю, что это случится, — сказал доктор Куимпер.

— Я тоже, — отрезал мистер Крекенторп. — Ну, идемте, давайте выпьем чаю. Чего же мы ждем?

— О, пожалуйста, — сказала мисс Марпл, не ждите мою приятельницу. Она будет очень расстроена, если задержит вас всех.

Все уселись за стол и приступили к чаю. Мисс Марпл сначала согласилась съесть хлеб с маслом, а потом принялась за сандвич.

— А с чем они…? — она колебалась.

— С рыбой, — ответил Брайен. — Я сам помогал делать эти сандвичи.

Старый мистер Крекенторп зло расхохотался.

— Отравленный рыбный паштет. Вот из чего сделаны эти сандвичи. Ешьте их на свой собственный страх и риск.

— Пожалуйста, отец, не надо.

— Теперь нужно быть очень осторожным, когда ешь что-нибудь в нашем доме, — продолжал мистер Крекенторп, обращаясь к мисс Марпл. — Двух моих сыновей отравили, как мух. Чья это работа, вот что я хотел бы знать.

— Не сдавайтесь, — сказал Гедрик, снова передавая тарелку с сандвичами мисс Марпл. — Немного мышьяку, говорят, улучшает цвет лица. Так что ешьте, у вас цвет лица не очень-то яркий.

— Ты сам съешь хоть один, мой мальчик, —

сказал мистер Крекенторп.

— Хочешь, чтобы я был официальным дегустатором? — спросил Гедрик. — Ну что же, идет!

Он взял сандвич и целиком положил его себе в рот. Мисс Марпл тихо, чисто по-женски засмеялась и тоже взяла один сандвич. Откусив кусочек, она сказала:

— Я думаю, все вы очень смелые люди, раз так шутите. Да, я думаю, что вы очень и очень смелые. Я сама просто обожаю храбрость.

И вдруг она поперхнулась и начала кашлять.

— Кость от рыбы, — кашляя, проговорила она, — застряла в горле.

Куимпер быстро поднялся из-за стола, подошел к ней, отвел к окну и попросил ее открыть рот. Он вытащил из кармана какой-то футляр и стал выбирать один из пинцетов, лежавших в нем. Быстро, с профессиональной ловкостью, он стал осматривать горло старой дамы. В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошла миссис Мак-Гилликади в сопровождении Люси. Как только взгляд миссис Мак-Гилликади остановился на сцене, происходившей у окна, она вдруг неожиданно для самой себя громко вскрикнула. Мисс Марпл отпрянула назад, а доктор, продолжая держать за горло, наклонил ее голову.

— Так ведь это же он! — закричала миссис Мак-Гилликади. — Тот самый человек, который в поезде…

С необыкновенной для нее живостью мисс Марпл выскользнула из рук доктора и подошла к своей приятельнице.

— Я так и думала, что вы узнаете его, Элспет! — сказала она. — Нет, не говорите больше ничего.

И она с торжествующим видом обернулась к доктору Куимперу.

— Вы ведь не знали, не правда ли, доктор, что когда душили ту женщину в поезде, это видели. Моя подруга, миссис Мак-Гилликади, видела вас. Видела своими собственными глазами. Она ехала в другом поезде, который шел параллельно с вашим.

— Что за глупые шутки? — доктор Куимпер шагнул к миссис Мак-Гилликади, но мисс Марпл проворно встала между ним и миссис Мак-Гилликади.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Она видела вас и сейчас узнала. В чем она может поклясться перед судом. Такое случается не часто, насколько я могу себе представить, чтобы кто-то своими глазами видел, как совершается преступление. Конечно, обычно бывают случайные свидетели.

Но сейчас это действительный свидетель преступления, который все видел своими глазами.

— Ах, ты старая карга, — заорал доктор Куимпер.

Он бросился на мисс Марпл, но теперь уже Гедрик схватил его за плечо.

— Так значит, вы тот самый убивающий всех дьявол? — спросил Гедрик, поворачивая его лицом к себе. — Я вас никогда не любил и всегда считал негодяем, но видит бог, я никогда и не подозревал…

Брайен Истлеу быстро подоспел Гедрику на помощь. Из боковой двери в комнату уже входили инспектор Крэддок и инспектор Бэйкен.

— Доктор Куимпер, — сказал Бэйкен, — я должен предупредить вас, что в случае…

— Катитесь вы ко всем чертям с вашими предупреждениями, — заорал доктор Куимпер. — Неужели еы думаете, что кто-нибудь поверит сказкам двух сумасшедших старух? Кто-нибудь хоть слышал обо всем этом вздоре с поездом?

— Элспет Мак-Гилликади, — сказала мисс Марпл, — заявила об этом убийстве в полицию сразу же, то есть 20 декабря, и дала описание мужчины, которого видела своими глазами.

Доктор Куимпер вдруг резко выпрямил плечи.

— Но, может быть, вы объясните, зачем мне нужно было убивать совершенно незнакомую женщину?

— Нет, эта женщина не была для вас незнакомой, — возразил инспектор Крэддок. — Она была вашей женой.

Глава 27

— Итак, вы убедились, — сказала мисс Марпл, — все действительно обернулось так, как я предполагала. Все довольно примитивно. Простейшее из преступлений. Многие мужчины именно таким способом избавляются от своих жен.

Миссис Мак-Гилликади посмотрела сначала на мисс Марпл, потом на инспектора Крэддока.

— Я была бы очень вам признательна, — сказала она, — если бы вы рассказали мне все более подробно.

— Видите ли, доктор задумал жениться на богатой женщине — Эмме Крекенторп, — сказала мисс Марпл. — Но жениться он не мог, потому что у него уже была жена. И хотя они много лет не жили вместе, она тем не менее не давала ему развода. Инспектор Крэддок рассказал мне о девушке, называвшей себя Анной Стравинской, и все сошлось как нельзя лучше. Да, у нее был муж англичанин, об этом она рассказала своим подружкам. Было известно, что она очень верующая католичка. Доктор Куимпер не мог пойти на риск и жениться на Эмме, так как его судили бы за

двоеженство. И вот он решил избавиться от своей жены. А человек он жестокий и хладнокровный. Мысль убить ее в поезде, а затем перетащить труп в Длинный сарай в саркофаг была довольно остроумной. Как вы понимаете, он хотел связать убийство с семьей Крекенторп. Еще раньше он сам написал письмо Эмме от лица девушки по имени Мартина, о которой сообщал Эдмунд как о своей невесте. Эмма как-то в беседе рассказала доктору Куимперу все о своем брате. Затем, в подходящий момент, доктор посоветовал Эмме сходить в полицию и рассказать историю о брате и его невесте. Ему хотелось, чтобы убитая им женщина была принята за Мартину. Я думаю, до него дошли слухи о том, что парижская полиция наводит справки об Анне Стравинской, и тогда он подстроил так, что от ее имени пришла почтовая открытка с Ямайки.

Ему, конечно, было легко устроить свидание со своей женой в Лондоне, убедить ее в том, что он надеется примириться с ней и что поэтому он хочет, чтобы она поехала вместе с ним и встретилась с его родными. Не будем говорить о том, что за этим последовало, об этом даже думать неприятно. Конечно, он был человеком жадным до денег. Думая о налогах и о том, насколько они

уменьшают доходы, он стал мечтать о том, что хорошо бы иметь крупный капитал, не облагаемый налогами. Очевидно, эта мысль овладела им еще до того, как он решил убить жену. Как бы то ни было, он начал распространять слухи о том, что кто-то намеревается отравить старика Крекенторпа, чтобы подготовить для себя соответствующую почву, а затем ему уже легко было отравить мышьяком членов семьи. Конечно, он давал не слишком сильные дозы, потому что ему было невыгодно, чтобы умер старик Крекенторп.

— Но до сих пор я никак не могу понять, как же ему это удавалось, — сказал Крэддок. — Ведь его не было в доме, когда приготавливали соус…

— О, так ведь в соусе вовсе не было мышьяка, — сказала мисс Марпл. — Он подсыпал его уже потом, когда взял остатки для исследования. Вероятнее всего, он подсыпал мышьяк раньше в кувшин, в котором готовились коктейли. А потом, конечно, ему было совсем легко, будучи врачом, ухаживающим за больными, отравить Альфреда Крекенторпа, а также подослать таблетки Гарольду в Лондон. Перед этим он, конечно, принял меры предосторожности, сказав, что Гарольд больше не нуждается ни в каких лекарствах. Все, что бы он ни делал, основывалось на

наглости, дерзости, жестокости и жадности к деньгам. И мне будет чрезвычайно прискорбно, — закончила мисс Марпл, сверкнув глазами так свирепо, как только это могла сделать пожилая женщина, — если доктору удастся избежать наказания. Потому что, если уж и есть хоть один человек, которого следовало бы повесить, так это доктор Куимпер.

— Правильно! Правильно! — воскликнул инспектор Крэддок.

— Я долго думала об этом преступлении, и, знаете, мне пришла в голову мысль, — продолжала мисс Марпл, — что даже в том случае, если видишь человека сзади, ну, скажем, со спины, то и в этом случае можно запомнить его особенности. И я подумала, что если бы Элспет смогла увидеть доктора Куимпера в том же самом положении, в каком она видела его в поезде, то есть спиной к ней, нагнувшегося над женщиной, которую он держал за горло, то, я была почти уверена в этом, она узнала бы его. Вот поэтому-то я решила осуществить с помощью Люси свой замысел.

— Должна признаться, — сказала миссис МакГилликади, — что для меня это явилось просто ударом, и прежде чем я смогла совладать с собой, у меня вырвалось: «Это он!». А ведь, знаете, я даже

толком не разглядела лицо этого человека и…

— Я страшно боялась, что вы произнесете это именно при нем, Элспет, — перебила ее мисс Марпл.

— Я так и хотела сделать, — созналась миссис Мак-Гилликади. — Я хотела сказать, что лица его никогда не видела.

— И это, — сказала мисс Марпл, — это могло бы все погубить. Ведь он-то подумал, что вы действительно узнали его, дорогая. Он и представить себе не мог, что вы не видели его лица.

— Очень хорошо, что я вовремя спохватилась, — сказала миссис Мак-Гилликади.

— Да я бы уж постаралась, чтобы вы ничего больше не произнесли, — засмеялась мисс Марпл.

Крэддок вдруг тоже рассмеялся.

— Вот вы двое, вы совершенно необыкновенная пара! Ну, так что же будет дальше, мисс Марпл? Где же счастливый конец? Что, например, произойдет с Эммой Крекенторп?

— Ну, конечно, с этим доктором она больше уж никогда не увидится, — проговорила мисс Марпл. — И могу предсказать, что если умрет ее отец, — а он не настолько уж крепок, как ему это кажется, — то она скорее всего отправится на

пароходе в какое-нибудь далекое путешествие или вообще останется жить за границей, как это сделала Джеральдина Уэбб. И могу вас уверить, что из этого что-нибудь да получится. Надеюсь, что ей посчастливится встретить куда более привлекательного человека, чем доктор Куимпер.

— А что будет с Люси Айлесбэроу? Там ведь тоже как будто уже позванивают в свадебные колокола?

— Очевидно, — сказала мисс Марпл. — И здесь совершенно нечему удивляться.

— Кого же из них двоих она собирается выбрать в мужья? — спросил Дэрмот Крэддок.

— А вы не догадываетесь? — спросила в свою очередь мисс Марпл.

— Нет, не догадываюсь, — ответил Крэддок. — А вы?

— О, мне кажется, я знаю, кто он, — сказала мисс Марпл и лукаво подмигнула инспектору Крэддоку.

АГАТА КРИСТИ. Избранные произведения.
В 4.50 из Паддингтона. Убийство Роджера Экройда. Смерть приходит в конце. Пер. с англ.

ИБ № 0005

Оформление В. Сафронова.
Корректоры: Т. Соловарова, Г. Устьянцева, А. Носова.

Сдано в набор 30.08.1991 г. Подписано в печать 2.12.1991 г. Формат 84Х108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура школьная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 30,1; усл. кр.-отт. 30,1; уч.-изд. л. 31,4. Тираж 300000 экз. Заказ № 235.

Издательство Гермес.
630055, Новосибирск, ул. Иванова, 4.

Отпечатано в типографии издательства «Советская Сибирь».
630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.